

М.З. ЗАКИЕВ
Я.Ф. КУЗЬМИН-ЮМАНАДИ

ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ И ИХ ПОТОМКИ

Закиев М. З., Кузьмин-Юманادي Я. Ф.

**З 187 Волжские булгары и их потомки.— М.: ИНСАН,
Российский фонд культуры, 1993.—160 с.
ISBN 5-85840-265-8**

Чуваши или татары — кто является наследником языка, духовной и материальной культуры волжских булгар, кого следует считать их потомками — на этот актуальный вопрос этногенеза этих народов пытаются дать ответ авторы книги. В ней критически анализируется болгаро-чувашская теория, отождествляющая волжских булгар с чувашами, распространенная в русской и зарубежной тюркологии. Поскольку данная теория основывается только на некоторых лингвистических данных (другими историческими фактами не подтверждается), авторы обращают особое внимание на раскрытие характера языка волжских булгар, который, как доказываются авторами, характеризуется не чувашскими, а общнетюркскими особенностями.

Для широкого круга читателей, ученых и специалистов, интересующихся историей и происхождением народов Поволжья.

З 0505000000-006 Без объявления
4Г4(03)-93

ББК 63.5 (2)

ISBN 5-85840-265-8

© М. З. Закиев, 1993

© Я. Ф. Кузьмин-Юманادي, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

На Средней Волге в давние времена существовало весьма крупное феодальное государство болгар со своим трудолюбивым населением и весьма развитой средневековой культурой. Затем государство это перестало существовать, и население его как бы исчезло с лица земли — забылось и затерялось где-то среди других народов. Если учесть, что в истории народы не исчезают, а исчезают лишь их племенные названия и государственные образования, то следует полагать, что болгарский народ тоже не исчез с лица земли, что потомки его и сейчас живут и трудятся среди нас в общей семье народов. Но кем же они стали теперь? Какая народность является ныне наследницей болгар? На эти вопросы наука до сих пор не давала окончательного ответа, поскольку существовали различные точки зрения, противоречащие одна другой.

Например, русские историки Ю. Венелин, Д. Иловайский и Ф. Флоринский в свое время утверждали, что болгары были славянами, и, следовательно, наследниками болгар следует считать нынешнее русское население тамошнего края¹. Д. Иловайский аргументировал это мнение тем, что дунайские болгары являются славянами, и следовательно, и родственные с ними волжские болгары должны были быть славянами². Известный европейский востоковед Тунман считал болгар финно-уграми, родственными с мордвой, удмуртами и марийцами, а также и с предками нынешних венгров, так как в облике венгров он находил многие восточные черты, напоминающие ему болгар³. Другой европейский востоковед и историк Клапрот считал болгар помесью трех различных народов — славян, финнов и тюрков, — и, соответственно, потомками их считал представителей различных народов, живущих ныне в поволжском регионе⁴. Наши отечественные историки Н. М. Карамзин, Д. Х. Френ,

¹ Венелин Ю. Историко-критические изыскания. Т. 1. Москва, 1829; Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч. 1—2. Томск, 1894 — 1896.

² Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. М., 1881.

³ Tuhmann. Untersuchung über die Geschichte der östlichen Völker. В. 1774.

⁴ Klaproth. Tableaux histoire de l'Asie. 1826.

С. М. Шпилевский, И. Березин, Ш. Марджани, Г. Ахмеров и целый ряд позднейших их последователей считали и считали и считают болгар предками нынешних казанских татар⁵. А такие ученые, как Н. И. Ильминский, А. Куник, Н. И. Ашмарин, М. П. Петров, Н. Н. Поппе, Н. А. Баскаков, З. Гомбоц, И. Бенцинг, К. Томсен и их последователи признавали и признают болгар предками нынешних чувашей⁶. Известные советские ученые М. Н. Тихомиров, Н. П. Третьяков, А. П. Смирнов и их последователи утверждают, что потомками болгар являются одновременно и татары и чувашаи, что де прежние болгары впоследствии раскололись на две эти самостоятельные народности⁷. Один из современных советских ученых Х.-М. И. Хаджилаев утверждает, что потомками болгар являются три тюркоязычные народности Поволжья, а именно: башкиры, татары и чувашаи⁸, а Р. Г. Мухамедова к числу потомков болгар относит также и этническую группу татар-мишарей⁹.

Чтобы разобраться в этой разногласии мнений и выявить истину, Академия наук царской России, а затем и Академия наук СССР неоднократно предпринимали специальные исследования по данной проблеме, направляли в Поволжье многократные научные экспедиции, проводили специальные научные сессии, но вопрос так и остался нерешенным. На двух последних сессиях Отделения истории АН СССР, проведенных, в частности, в 1946 году в Москве по проб-

---

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816; Шпилевский С. М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877; Марджани Ш. Б. Очерки истории Болгарского и Казанского государства.— В кн.: Труды 4-го археологического съезда в России. Т. 1. Казань, 1884; Ахмеров Г. История Булгар (на татарском языке). Казань, 1909; Греков Б. Речь на сессии АН СССР 1946 г.— В кн.: Происхождение казанских татар. Казань, 1948, стр. 158-159; Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978; Закиев М. З. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан, 1977 и др.

⁶ Ильминский Н. И. О фонетических отношениях между чувашским и тюркским языками.— Известия Императорского археологического общества. Т. 5. СПб., 1865, стр. 80-84; Куник А. О родстве хагано-болгар с чувашами.— В кн.: Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах (приложение к 32-му тому Записок АН России). СПб., 1878, стр. 118-161; Ашмарин Н. И. Болгары и чувашаи.— ИОАИЭ, Т. XVIII. Казань, 1902; Петров М. П. О происхождении чуваш. Чебоксары, 1925; Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965 и др.

⁷ Тихомиров М. Н. Речь на сессии АН СССР в 1946 г.— В кн.: Происхождение казанских татар. Казань, 1948; Смирнов А. П. Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948, стр. 76; его же: Речь на сессии АН СССР в 1946 г.— В кн.: Происхождение казанских татар. Казань, 1948; Третьяков П. Н. Вопросы происхождения чувашского народа в свете археологических данных.— Журн.: Советская этнография, 1950.— №3, стр. 44-53.

⁸ Хаджилаев Х.-М. И. О карачаево-балкарских и бесерменских лексических сходениях.— Советская тюркология, 1989.— №2.— С. 76.

⁹ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари: историко-этнографические исследования. М., 1972.

леме этногенеза казанских татар и в 1950 году в Чебоксарах по вопросу этногенеза чувашей, была высказана рекомендация считать потомками болгар одновременно и татар и чувашей. Но поскольку эти народы имеют тысячелетнее самостоятельное развитие и по своим этническим признакам не могут быть выведены от одного общего болгарского предка, то ни татарские, ни чувашские местные ученые не приняли эту рекомендацию и продолжают трактовать данный вопрос каждый по-своему. В частности, татарские историки утверждают, что болгары позднее превратились в казанских татар, а чувашские историки утверждают, что болгары превратились в чувашей. В татарских учебниках пишут, что татары произошли от болгар¹⁰, а в чувашских учебниках пишут, что, наоборот, чувашаи произошли от болгар¹¹. Татарскому населению внушают, что оно является прямым наследником болгар, и чувашскому населению тоже внушают, что оно является наследником болгар. И эти противоречия вызывают, к сожалению, не совсем здоровое соперничество между татарами и чувашами за обладание прошлым культурно-историческим наследием болгар.

Такое соперничество возникло не сегодня и не вчера, а существует сравнительно давно. В 1862 году в Казани был образован кружок татарской интеллигенции, считающей себя потомками болгар и ставящей своей целью возрождение прежнего названия этой национальности, так как этноним «татар» считали они чуждым, прилипшим к ним по недоразумению. Но местным реакционерам и чиновникам царского самодержавия эта идея почему-то не понравилась, и они решили воспрепятствовать ее реализации. В 1865 году профессор Казанской духовной академии Н. И. Ильминский опубликовал специальную статью, где, ссылаясь на материалы болгарской эпиграфики, утверждал, что потомками болгар следует считать вовсе не татар, а их соседей, чувашей¹². Но татарские ученые, в особенности Шигабутдин Марджани, проигнорировали это выступление Ильминского и продолжали по-прежнему утверждать, что потомками болгар являются именно татары¹³. Тогда против татарских болгаристов выступил царский цензор по печати Казанской губернии Н. И. Ашмарин, который в 1902 году в местном издании опубликовал свой «научный» труд под названием «Болгары и чувашаи», в котором отрицал связь татар с болгарскими, базируясь на своих субъективных суждениях, «доказывал» происхождение от болгар чувашей¹⁴. Но и эту публикацию татарские ученые проигнорировали: в 1909 году Гай-

¹⁰ История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1968, стр. 35-67.

¹¹ История Чувашской АССР. Т. I. Чебоксары, 1966, стр. 44-52.

¹² Ильминский Н. И. Указанное соч., стр. 80-84.

¹³ Марджани Ш. Б. Указанное сочинение.

¹⁴ Ашмарин Н. И. Указанное соч., стр. 1-132.

нетдин Ахмеров опубликовал свой совершенно противоположного содержания труд «История Булгарии», где на конкретном материале доказал, что бывшие болгары и есть собственно казанские татары, но выступать с критикой против Ашмарина и его сторонников не стал, учитывая существующую тогда политическую обстановку¹⁵.

Лишь после февральской революции 1917 года татарские болгаристы заговорили более смело и открыто. Уже летом 1917 года в Казани образовалась «партия избавления» болгар, назвавшая свое движение «Совет Волгобулгармус» и ставившая своей целью избавление от гнета и национальное возрождение болгарской нации. Руководителем партии стал общеизвестный деятель С. Г. Ваисов. На проведенных в первые годы советской власти трех своих съездах эта партия разрабатывала свою национальную и политическую программу. Но одновременно с деятельностью этой партии в Чувашской АССР развернули аналогичную деятельность и чувашские болгаристы. Они тоже ставили своей целью возрождение болгарской нации, но уже в лице чувашского народа. В Чебоксарах это движение возглавил тогдашний секретарь Чувашского обкома компартии М. П. Петров, который опубликовал свою книгу «О происхождении чуваш»¹⁶ и развернул организационную работу по сплочению своих сторонников. Неофициальным консультантом и вдохновителем чувашских болгаристов стал упомянутый выше бывший царский цензор Н. И. Ашмарин, специализировавшийся теперь по чувашскому языкознанию. Наиболее активные чувашские болгаристы ставили своей первейшей задачей переименование Чувашской Республики в «Булгарскую республику», дабы опередить в этом деле своих татарских соперников. К сожалению, и татарские, и чувашские болгаристы действовали тогда крайне замкнуто, не общались и не консультировались между собой, что помешало им развернуть творческую дискуссию и прийти к единому и взаимоприемлемому выводу. Этому помешала также наступившая тогда сталинская политическая реакция, которая выступала против свободы вообще. В 1930-х годах и татарские, и чувашские болгаристы были объявлены «буржуазными националистами», а их руководители и активисты были арестованы и расстреляны как «враги народа». С тех пор даже простое упоминание о них почти полвека находилось под строжайшим запретом.

Ныне в связи с наступлением новой политической оттепели в стране как татарские, так и чувашские болгаристы снова активизировали свою деятельность. Татарские болгаристы организовали свое общество «Булгар аль Джадид», которое преследует в основном те же цели, что и бывшая партия возрождения болгар, а именно: переименование татар в болгары, хотя против переименования вы-

¹⁵ Ахмеров Г. Указанное сочинение.

¹⁶ Петров М. П. О происхождении чуваш. Чебоксары, 1925.

ступают и татарские «татаристы», не отрицающие в основном болгаро-татарскую теорию.

Активизировались и чувашские болгаристы. Хотя последние еще не произвели формального объединения своих рядов, но тем не менее они тоже ставят перед собой такие же цели, что и члены «Булгар аль Джадид». Чувашские болгаристы отрицают право своих татарских соперников именоваться булгарами, так как видят в них потомков только пришлых монголо-татар, узурпировавших местных болгаро-чувашей и захвативших их исконные земли.

И среди ученых не утихли споры: одни придерживаются болгаро-татарской теории, т. е. только татар, отчасти и башкир, относят к потомкам болгар, другие защищают болгаро-чувашскую концепцию, т. е. только чувашей считают потомками болгар. Есть и третья категория ученых, которые, особо не вникая в историю, пытаются приписать к потомкам болгар и чувашей, и татар, и башкир.

Булгаро-чувашская теория зиждется в своей основе на языковых данных. Общеизвестным считается то, что волжские болгары говорили не на обычнотюркском языке, а на древнечувашском. Поскольку язык является одним из основных показателей национальной принадлежности людей, то потомками болгар считаются чувашаи.

По мнению сторонников болгаро-чувашской теории, доказательств тому, что болгары говорили на чувашском языке, имеется очень много. Во-первых, чувашские слова и выражения сохранились в текстах болгарских эпитафий, написанных ими на каменных надгробных плитах. Во-вторых, чувашские слова ими «обнаружены» и в тексте рассказа о булгарах, написанного арабским путешественником Ибн-Фадланом, приехавшим в Булгарию в 921-922 годах. В-третьих, множество чувашских слов находят в венгерском языке, куда они, как полагают сторонники болгаро-чувашской теории, принесены венграми, жившими когда-то в Волжской Булгарии. В-четвертых, чувашские слова найдены якобы в древнем именнике князей дунайских протоболгар, которые, как полагают, тоже говорили на чувашском языке. В-пятых, чувашские слова найдены также в рунических письменах северокавказских балкар, которые как родственники болгар тоже говорили якобы на старочувашском языке. И, наконец, чувашские слова и выражения сохранились в языках поволжских финно-угров-марийцев, мордвы, удмуртов и коми, — которые были заимствованы ими из языка бывших волжских болгар. Все эти доводы, взятые вместе, не оставляют, по их мнению, никаких сомнений в том, что болгары якобы действительно говорили на старочувашском языке и что их потомками следует признать именно чувашей. По этому поводу известный тюрколог Н. А. Баскаков, например, пишет: «О характере болгарского языка, который сближается чувашским языком, можно судить по отдельным словам, сохрани-

вшимися на надгробных памятниках, а также по венгерским хроникам и по славяно-болгарскому именнику». Из этого делается вывод, что чувашки — это «одно из разветвлений древнего болгарского народа», сохранившего «до настоящего времени особенности этого языка, характеризующегося болгарскими чертами». В соответствии с таким выводом и при классификации тюркских языков чувашский причисляется к «болгарской группе языков», куда, по мнению Баскакова, «относятся древние языки — болгарский и хазарский — и современный чувашский язык»¹⁷.

Однако в свете таких выводов невольно возникают недоуменные вопросы. Во-первых, почему о болгарском происхождении чувашки свидетельствуют только лингвистические данные? Почему не свидетельствуют о том же данные антропологии, археологии или этнографии? Чем объяснить такое разительное противоречие между данными различных наук? К сожалению, ответы на эти вопросы, хотя они имеются¹⁸, не стали еще достоянием общей тюркологии.

Булгаро-чувашская теория пронизана и многими другими противоречиями. Начнем изложение общей проблемы с показа читателю этих противоречий.

История болгар и их языка разделяется на два периода: 1) так называемый протоболгарский период, когда болгары в III-VII вв. вместе с хазарами-суарами (савирами) жили более или менее компактной массой между Каспийским и Азовским морями; 2) период отдельных болгар, который начинается с разгрома в 670 г. протоболгар хазарами и разделения их на три части, переселившиеся а) на Северный Кавказ (сейчас в основном так называемые балкары), б) на Дунай (дунайские болгары) и в) Среднее Поволжье (волжские болгары), и кончается для разных частей болгар в различное время, в частности, для волжских болгар — в середине XV в. образованием Казанского ханства.

При изложении основных противоречий этой этнолингвистической теории мы исходим из следующих теоретических предпосылок. История языка и происхождение его носителя — явления далеко не идентичные, поэтому отождествлять их нельзя. Однако не следует забывать, что не менее опасна для науки другая крайность: отрыв истории языка от истории его носителя. Между ними существует ярко выраженная взаимосвязь: хотя история языка и история его носителя не одно и то же, но без истории народа в целом нет истории его языка, и, наоборот, без истории языка невозможно более или менее полно представить историю его носителя. Именно поэтому любая этногенетическая теория должна иметь не только чисто лингвистическое, но и антропологическое, этнографическое, археологическое

¹⁷ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 11, 231.

¹⁸ Закиев М. З. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан, 1977, с. 116-150.

кое, т. е. в целом этноисторическое подтверждение. Это означает, что при решении этногенетических проблем необходимо исходить не из отдельных, разрозненных данных, а из их совокупности. Лишь при таком подходе можно объективно изобразить историческую действительность. Иначе история будет фальсифицирована.

С этой точки зрения попытаемся дать краткий ответ на вопрос: подтверждается ли болгаро-чувашская теория со всех сторон, т. е. совокупностью данных, или она чревата противоречиями?

Если бы чувашаи формировались в основном из поволжских болгар, если бы болгарский язык исторически перешел в чувашский язык, то такая преемственность безусловно была бы видна, прежде всего, в антропологическом типе болгар и чувашей. Между тем, конкретные краниологические исследования дают совершенно противоположные результаты. «Даже при поверхностном морфологическом описании видно, — пишет В. П. Алексеев, — что краниологически чувашаи похожи на своих финноязычных соседей и что, следовательно, их антропологический тип сформировался при интенсивном участии той комбинации признаков, которая характерна для финноязычных народов Поволжья и получила наименование субуральской»¹⁹. Второй ясно выраженный компонент в антропологическом типе чувашей — это кыпчакский тип. Чувашаи, по словам В. П. Алексеева, физически восходят к кыпчакам в большей мере, чем казанские татары. Что же касается характерного для болгар комплекса признаков, то он в составе чувашей не улавливается²⁰, этот болгарский комплекс признаков составил основу формирования антропологического типа поволжских татар. На него наслонились низколиций монголоидный компонент, представляющий один из вариантов субуральского типа, и высоколиций монголоидный тип, связанный, видимо, с кыпчаками²¹. Следовательно, по данным краниологии историческая преемственность между болгарами и татарами более очевидна, чем между болгарами и чувашами.

В данном случае необходимо обратить внимание на другую сторону вопроса. Как объяснить такое, на первый взгляд, противоречие, что кыпчакский компонент в составе казанских татар незначителен, а язык их считается кыпчакским, тогда как в составе чувашей этот компонент более значителен, однако чувашский язык — не-кыпчакский? Очевидно, это объясняется тем, что болгары имели свое государство, на этой основе началось формирование народности, поэтому массовое проникновение кыпчаков в среду болгар было невозможным, а язык болгар, как отмечали русские летописцы, был

---

¹⁹ В. П. Алексеев. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии. — «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», КФАН СССР, Казань, 1971, стр. 248.

²⁰ В. П. Алексеев. Там же, стр. 249.

²¹ В. П. Алексеев. Там же, стр. 241-246.

обычным тюркским, т. е. похожим на кыпчакский; что предки современных чувашей в то время не имели своей государственности, следовательно, не сознавали себя единой народностью, поэтому в их среду кыпчаки-кочевники проникали беспрепятственно, а проникнув, они в языковом отношении быстро ассимилировались среди чувашей. Правильность такого объяснения подтверждается и данными истории формирования башкирского этноса. Так, среди племен, образовавших башкирскую народность, болгарских племен было столько, что они дали возможность Р. Г. Кузееву сделать достоверный вывод об этническом выравнивании татар и башкир на болгарской основе²².

Не подтверждается болгаро-чувашская теория и в этнографическом отношении. Известные этнографы Н. И. Воробьев и К. И. Козлова отмечают, что этнографические особенности болгар в своей основе сохранились прежде всего среди казанских татар²³. Так, например, болгарам были свойственны развитое кожевенное производство и торговля, что затем передалось казанским татарам, а у чувашей развитие этих ремесел и занятий не отмечается.

Культура письма от болгар передавалась казанским татарам, у чувашей такой культуры до XIX в. не было. То же самое можно сказать о мусульманской религии. Следы болгар не сохранились и в мифологии и в фольклоре чувашей, а для мифологии фольклора казанских татар болгарская тематика является обычной²⁴. Чувашаи никогда не называли себя болгарами, а казанские татары считали, что их деревни заложены выходцами из Булгара, что их деды, прадеды являются болгарами и нередко вплоть до XX в. себя называли болгарами в противовес названию «татар», которое насаждалось с трех сторон: со стороны влившихся в состав населения казанского ханства мишарей-татар, со стороны русских, которые называли почти всех восточных соседей татарами, и со стороны тех, кто именем «татар» стремился показать свое величие. В том, что казанские татары почти до XX в. себя упорно называли болгарами, нет никакой политики. Этому народ никто не учил, ведь не было ни учебников по истории, ни руководств, в медресе тогда не изучался ни родной язык, ни история народа, там ограничивались обучением арабскому, персидскому или турецкому языкам и общемусульманской истории, официальная пропаганда была глубоко заинтересована в насаждении этнонима «татар». Следовательно, сведения о том, что казанские татары являются в основном прежними болгарами, сохрани-

---

²² Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа, этнический состав, история расселения. М., 1974, стр. 399.

²³ Н. И. Воробьев. Происхождение казанских татар по данным этнографии. — «Происхождение казанских татар», Казань, 1948, стр. 80; К. И. Козлова. Этнография народов Поволжья. М., 1964, стр. 20-21.

²⁴ Борынгы татар әдәбияты. Казань, КФАН СССР, 1963, стр. 17-51.

лись в памяти народа. К сожалению, этот факт и другие данные о том, что в основе этнического состава и языка казанских татар лежат болгарский компонент и болгарский язык, сторонниками булгаро-чувашской теории раньше вообще не учитывались, сейчас их также обходят молчанием.

Не подтверждается булгаро-чувашская теория и территориально. Археологические раскопки показывают, что на территории расселения чувашей болгарские археологические памятники как домонгольского, так и золотоордынского времени отсутствуют, если не учитывать восточной и юго-восточной части Чувашии, связанных с бассейном Свияги²⁵. Можно было бы предположить, что предки чувашей сначала жили на территории Булгарского государства, затем их оттуда кто-то вытеснил, например, монголо-татары, как иногда думают. Однако история такими данными не располагает.

Наконец, можно взять еще один факт. Если бы предки современных чувашей имели близкое отношение к булгарам, то они обязательно унаследовали бы у них государственность. Нет никаких оснований думать, что предки современного чувашского народа в общественном развитии когда-то находились на уровне создания государства, а затем отказались от такой формы политической организации. В истории, кажется, нет случая, чтобы этнический коллектив имел свое государство, формировался как народность, а с течением времени все это потерял. Следовательно, ясно, что у предков чувашей не было государственности, и они к булгарам не имели близкого отношения. Булгарское государство переросло в Казанское, и казанские татары свою государственность унаследовали от булгар.

Как известно, булгаро-чувашская теория возникла и развивалась как чисто лингвистическая. Однако и в этом плане она весьма противоречива. Так, Махмуд Кашгари в XI в. отметил близость болгарского, суварского и печенежского языков²⁶. Как известно, печенежский язык не характеризовался чувашскими признаками, а был языком огузокыпчакского типа. М. Кашгари, отмечая близость болгарского, суварского и кыпчакского языков, пишет, что «звук д, имеющийся в языке чигилов и других тюркских племен, в языке кыпчаков, ямаков, суваров, булгаров и других племен, распространенных до римлян и русских, заменяется звуком з»²⁷. Кроме того, что здесь языки кыпчаков, ямаков, сувар и болгар перечисляются как однотипные по данному признаку, заслуживает внимания еще одна сторона этого сообщения: здесь так называемый ротацизм, характер-

---

²⁵ Р. Г. Фахрутдинов. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. Казань, КФАН СССР, 1975, стр. 86.

²⁶ Кошгарий Махмуд. Девону лугат ит-турок, Ташкент, 1960, т. 1, стр. 66; А. Н. Кононов. Махмуд Кашгарский и его «Девону лугат ит-тюрк», «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 14.

²⁷ Кошгарий Махмуд. Там же, стр. 68.

ный для чувашского языка, не отмечается. Речь идет только о взаимозаменяемости д—з, которая наблюдается до настоящего времени в тюркских языках обычного огузокыпчакского типа. Следовательно, надо полагать, что болгарский язык не характеризовался ротацизмом. Если он встречается в языке болгарской эпитафии, то его можно объяснить влиянием языка предков чувашей на язык болгарской эпитафии.

Приведем еще одно свидетельство современника болгар. В 1183 г. владимирский князь Всеволод перед походом на Булгары сообщил киевскому князю Святославу: «Половцев же призывать не хочу, ибо они с болгары язык и род един»²⁸. Таким образом, в истории имеется два достоверных сведения о близости болгарского языка печенежскому и кыпчакскому языкам. К тому же надо учесть, что эти два сообщения, не связанные друг с другом территориально, совпадают.

Нельзя не обратить внимание и на следующее. Чем объяснить, что современные татары и башкиры, с одной стороны, и балкары — с другой, имеют почти один и тот же язык, во всяком случае, хорошо понимают друг друга. Ведь после VII в., т. е. разделения общих предков на три группы, балкары и казанские татары не имели ни территориальных, ни экономических связей. С точки зрения болгаро-чувашской теории это можно было бы объяснить таким образом: их общие предки протоболгары были «чувашо» язычными, а языки казанских татар и балкарцев стали похожими друг на друга под влиянием кыпчаков. Однако, как указывалось выше, в составе казанских татар кыпчаков было незначительно, а балкары после притеснения хазар ушли в горы и ущелья, вряд ли они там могли настолько тесно общаться с кыпчаками, чтобы ассимилироваться в языковом отношении. То, что языки казанских татар и балкарцев так близки друг другу, объясняется, очевидно, общностью исторических корней, восходящих к языку огузокыпчакоязычных протоболгар.

Далее, если бы болгарский и хазарский языки были чувашо-тюркскими, то заметные следы их остались бы на всей огромной территории, занятой когда-то гуннами, булгарами и хазарами. Более того, если даже предположить, что в самой глубокой древности они говорили на чувашо-тюркском языке, то все равно во время столетнего господства над ними тюрков Тюркского каганата (VI-VII вв.) их язык подвергся бы влиянию языка огузокыпчакского типа.

Наконец, если бы болгары говорили на чувашеподобном языке, то они имели бы самоназвание «палхар», которое закрепилось бы и в исторических источниках. Но такого явления в истории нет. Распространился этноним болгар (болгаръ), который характерен для языка обычнотюркского типа.

Булгаро-чувашская лингвистическая теория, которая безоснова-

---

²⁸ В. Н. Татищев. История Российская. М.-Л., 1964, т. III, стр. 128.

тельно распространяется и на этническую историю в целом, зиждется лишь на наличии некоторых чувашских признаков в следующих материалах: 1) в языке болгарской эпитафии, 2) в тех словах, которые считаются болгарскими и сохранились до наших дней в различных источниках, 3) в нерасшифрованных и непонятных словах так называемого «Именника» дунайско-болгарских князей, 4) в тюркских заимствованиях в венгерском языке. Анализу этих языковых материалов и трудов, посвященных их изучению с точки зрения болгаро-чувашской теории, посвящены соответствующие разделы книги. Такой анализ проведен и в нашей другой книге²⁹. Отметим лишь, что сторонники болгаро-чувашской теории эти материалы сравнивают с чувашским языком в отрыве от других соседних тюркских языков. Если в орбиту сравнения включить другие тюркские языки, особенно татарские и башкирские диалекты, то картина меняется не в пользу болгаро-чувашской теории.

Таким образом, болгаро-чувашская теория уже при беглом таком рассмотрении не выдерживает никакой критики и оказывается несостоятельной. Она изобилует множеством противоречий, а главное — не способствует выявлению процессов этногенеза и глоттогенеза татарского, чувашского и других народов региона. Поскольку, несмотря на все недостатки, теория эта все же имеет еще широкое хождение в научном мире и находит себе немало сторонников, напрашивается далее необходимость в более детальном рассмотрении всех фактов и аргументов, на которых базируются выводы сторонников этой теории.

---

²⁹ М. З. Закиев. Татар халкы теленен барлыкка килүе (Образование языка татарского народа). Казань, 1977, стр. 116-150.

Г Л А В А I

О ЧУВАШИЗМАХ В БУЛГАРСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ¹

Самым основным аргументом, свидетельствующим о чувашезычности волжских булгар, считаются чувашские слова и выражения, обнаруженные на болгарских надгробных памятниках. На некоторых каменных стелах, сохранившихся на территории бывшей Волжской Булгарии, встречаются написанные арабскими буквами чувашские слова, перемежающиеся с арабскими молитвенными текстами. Обнаружил их впервые в прошлом веке Х. Фейзханов, который тогда же опубликовал об этом статью в «Известиях Императорского археологического общества»². О существовании таких надписей знали исследователи и до Фейзханова, но принимали их за арабизмы и пытались отождествлять с созвучными арабскими словами. Фейзханов не только указал на их чувашское происхождение, но и расшифровал тексты эпитафий на материале чувашского языка. В результате он пришел к выводу о влиянии чувашского языка на язык эпитафий волжских булгар.

Ознакомившись с этой публикацией, небезызвестный профессор Казанской духовной академии Н. И. Ильминский решил тоже принять участие в этом важном открытии. Не утруждая себя изучением самих надгробных памятников на местности и выявлением их этнической принадлежности, он сразу

---

¹ В данной главе использованы материалы ранее опубликованных работ авторов: Закиев М. З. Татар халкы теленең барлыкка килүе, Казан, 1977; Его же. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986; Кузьмин-Юманов Я. Ф. О чувашизмах в болгарских эпитафиях (см. сборн. «Истоки татарского литературного языка». Казань, 1988, стр. 72-87).

² Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи. — Известия Императорского археологического общества. Т. 4. СПб., 1863, стр. 395-403.

же написал статью о своих суждениях по поводу открытий Фейзханова и поспешил опубликовать ее в следующем же номере указанного издания³. Смысл его статьи сводился к тому, что коль на болгарских памятниках обнаружены чувашские слова, значит, болгары говорили на чувашском языке, и, следовательно, потомками болгар следует считать чувашей, а не казанских татар. Хотя в публикации Фейзханова говорилось о расшифровании им трех надгробных эпитафий, из которых только две содержали чувашские слова, а третья была написана на обычном тюркском языке без чувашизмов, но Ильминский повел речь лишь о чувашеязычных памятниках, как будто других не существовало. Эта дезинформация ввела в заблуждение многих историков и лингвистов, которые, не имея возможности лично ознакомиться с исходными материалами эпиграфики, поверили Ильминскому на слово и стали повторять его выводы. То, что Ильминский рьяно взялся за болгаро-чувашскую теорию, объясняется его служебным миссионерским стремлением показать татар чувашам, марийцам, удмуртам и другим не коренными, а пришельцами, завоевателями края, чтобы эти народы быстрее отказались от исторической ориентации на мусульманство татар, беспрепятственно приняли христианство.

Основным разработчиком распространенной ныне болгаро-чувашской концепции вслед за Ильминским стал его преемник Н. И. Ашмарин, опубликовавший в 1902 году свой труд «Болгары и чувашаи»⁴ и посвятивший затем всю свою жизнь разработке чувашского языкознания применительно к высказываниям Ильминского. Если Ильминский выдвинул свои «выводы» лишь как догадку, то Ашмарин разработал целую концепцию, развивающую его идеи. Как и Ильминский, Ашмарин отлично знал, что существуют не только чувашеязычные, но и обычно-тюркоязычные эпитафии, но упорно продолжал утверждать только о чувашеязычности болгарской эпиграфики. Поскольку это утверждение не согласуется с реальными данными эпиграфики, он всю жизнь лавировал и многократно менял свою концепцию, стараясь уберечь ее от разоблачения. Сперва он утверждал, что болгарам принадлежали обычно-тюркоязычные эпитафии, а чувашеязычные

³ Ильминский Н. И. О фонетических отношениях между чувашским и тюркским языками. — Известия Императорского археологического общества. Т. 5. СПб., 1865, стр. 80-84.

⁴ Ашмарин Н. И. Болгары и чувашаи. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 18. Казань, стр. 1-232.

эпитафии были написаны их союзниками, суварями. Но когда убедился, что именно на обычно-тюркоязычных памятниках встречаются тахаллусы «ас-Сувари», то стал утверждать о одновременности двух типов эпитафий, что де чувашеязычные памятники были написаны болгаро-суварями раньше, когда они еще говорили на чувашском языке, а обычно-тюркоязычные написаны позже, когда болгары переняли обычнотюркский язык. Затем обнаружилось, что и такое объяснение невозможно, потому что датировки самих памятников показывают, что некоторые тюркоязычные эпитафии написаны даже раньше, чем чувашеязычные; тогда Ашмарин стал утверждать, что оба типа надгробий являются одновременными, но написаны они на разных языках, что тюркоязычные написаны на разговорном языке болгар, а чувашеязычные — на литературном или «культовом» языке болгар⁵. А когда разобрался, что и такая трактовка невозможна, потому что оба типа памятников относятся к атрибутике культа, и, следовательно, не могут быть разграничены по этому принципу, тем более что культовым языком у болгар был арабский, он стал утверждать, что тюркоязычные памятники принадлежали вовсе не болгарам, а чагатайцам и написаны на чагатайском языке⁶, хотя всем известно, что тоже не соответствует действительности. Кроме того, Ашмарин до конца своей жизни так и не смог объяснить, почему чувашеязычные памятники появились только после монгольского нашествия и вскоре исчезли, почему они распространены не на всей территории бывшей Булгарии, почему их очень много было изготовлено за короткий промежуток времени и т. д.

Несмотря на все эти недостатки, концепция Ашмарина все же не была тогда отвергнута, так как сама проблема эпиграфики оставалась слабо изученной. По этой же причине концепцию эту без должной критики восприняли даже такие всемирно известные ориенталисты, как З. Гомбоц, К. Томсен, О. Прицак, И. Бенцинг, А. Рона-Таш и Ш. Фодор (Венгрия), К. Менгес и П. Гольден (США) и др. Особенно горячо поддерживали концепцию Ашмарина наши отечественные ученые С. Е. Малов, А. Н. Самойлович, Н. Н. Полпе, М. П. Петров, Н. А. Баскаков, Б. А. Серебренников, М. Р. Федотов, В. П. Денисов, В. Ф. Каховский, В. Д. Димитриев и многие другие, которых сейчас называют «ашмаринистами».

⁵ Ашмарин Н. И. Указанное соч., стр. 123.

⁶ Ашмарин Н. И. Указанное соч., стр. 69, 90.

Разоблачение ошибок Ашмарина и его последователей стало возможным лишь в наше время благодаря новейшим исследованиям эпиграфистов Н. Ф. Калинина, Г. В. Юсупова и др. В частности, проф. Калинину принадлежит заслуга в сборе и систематизации большого количества болгаро-татарских надгробных памятников, которых он четко подразделил на две группы: тюркоязычные эпитафии назвал «памятниками 1-го стиля», а чувашезычные — «памятниками 2-го стиля». Калинину же принадлежит заслуга в составлении первого в истории каталога (альбома) болгаро-татарских эпитафий⁷. Г. В. Юсупову принадлежит заслуга в составлении и публикации первой в истории капитальной монографии по болгаро-татарской эпиграфике⁸.

В дело изучения языка надгробных памятников волжских болгар большой вклад внесли еще и Воробьев Н. И., Малов С. Е., Булатов А. В., Рона-Таш, А. Фодор, Прицак О., Хакимзянов Ф. С., Мухаметшин Д. Г., Текин Т., Закиев М. З. и др.⁹ В работах этих авторов мы находим различные толкования лексических единиц памятников как 1-го, так и 2-го стиля различные отношения к болгаро-татарской и болгаро-чувашской теориям.

Благодаря работам этих ученых было окончательно прояснено, что единой болгарской эпиграфики действительно не существует, что есть два типа разноязычных мусульманских эпитафий, из которых одни написаны на обычном татарском з-языке, а другие — на старочувашском р-языке.

Надгробные памятники 1-го стиля наиболее хорошо изучены, и представляют собой типичные мусульманские надгробные стелы с богатой орнаментовкой и изящно оформленной арабской надписью. Верхние кромки этих стел, как правило, закруглены или же килевидно заострены, как это делалось и в других мусульманских странах. Орнаменты и надписи на них вырезаны рельефно, в виде выступов, и тщательно загравированы. Буквы выведены затейливым почерком сульс и насх. Всего таких памятников обнаружено около 150 экземпляров. Распространены они в основном на территории Та-

---

⁷ Калинин Н. Ф. Альбом болгаро-татарской эпиграфики в 3-х частях. Казань. Библиотека КФАН СССР, фонд Калинина.

⁸ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М., 1980.

⁹ Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978; Он же. Эпиграфические памятники волжских болгар и их язык. М., 1987; Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987; Закиев М. З. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан, 1977;

тарской республики, но отдельные экземпляры найдены также в Башкирии, в Ульяновской, Самарской и Оренбургской областях, т. е. на всей территории бывшей Волжской Булгарии. Судя по их датировке, памятники такие существовали очень долго. Один из ранних памятников данного стиля, обнаруженный на пороге церкви села Ямбухтино Татарстана и описанный Ахмеровым, датировался 1244 годом¹⁰. Еще более ранний памятник из Билярска, описанный Н. П. Рычковым, но не сохранившийся до наших дней, датировался 1173 годом и тоже относился, по-видимому, к 1-му стилю, так как датировки надгробий 2-го стиля, написанные на р-языке, до Фейзханова (1863 г.) обычно не расшифровывались¹¹. В эпоху Золотой Орды памятники эти существовали параллельно с вновь появившимися памятниками 2-го стиля, а затем продолжали бытовать и в эпоху Казанского ханства и позже. Надписи на этих памятниках весьма многословны: сначала приводится молитвенная формула на арабском языке, затем следует имя погребенного с указанием его родословной, званий и земных заслуг, а в конце приводится дата смерти, написанная на обычном тюркском языке. Например: ...Fatima-elçi binte Ajüb ibn Mäčkä ibn Junys äl-Bolgari... jegrmi iki jäšindä vafat boldy... hižrätdän jete jüz on berdä... «Фатима-елчи дочь Аюпа сына Мэчкэ сына Юсуфа Булгарского скончалась в 22 года... по хиджри в 711 году...» (т. е. в 1311 году). Вот еще пример: ... ğalimlarni tärbiä qylğan ham alarny sügän mäšitlär ğyjmarät qyjğan... tamğacy Jbrahim äs-Suari vafat bulğan, bu-tarih jeti jüz un türtençedä, žumadi... ajynuñ un altynçu köni irdi... «... содержатель и любящий ученых, строитель мечетей, сборщик пошлин Ибрагим ас-суари скончался, это было в 714 году истории в месяц джумади четвертого числа...» (в 1314 году).

В этих эпитафиях мы встречаем собственно болгарские тахаллусы (ал-Болгари и ас-Суари), а имена погребенных, включая имена их отцов и дедов, почти все являются мусульманскими. Язык памятников обычнотюркский, на основе которого сформировался затем татарский национальный литературный язык.

Памятники 2-го стиля представляют собой небольшие надгробные плиты, размерами примерно 120×60 см, име-

¹⁰ Ахмеров Г. История болгар (на татарском языке). Казань, 1909, стр. 125.

¹¹ Журналы и дневные записки капитана Рычкова по разным провинциям Российской империи в 1769-1770 гг. СПб., 1770, стр. 21.

ющие обычно грубую внешнюю отделку и короткие эпитафии. Надписи на них сделаны не рельефными, а врезанными в камень буквами. Кроме того, в отличие от памятников 1-го стиля, памятники эти имеют форму прямоугольника (без заостренного верха), чем напоминают древние чувашские языческие надгробия. Однако, если чувашские каменные надгробия имели на лицевой стороне лишь традиционные выемки и тамгу погребенного, то для памятников 2-го стиля характерны арабская надпись и несложный орнамент. Чтобы придать такой прямоугольной плите вид мусульманского надгробия с острым верхом, у ее верхней кромки с лицевой стороны рисовали так называемую «арку с плечиками», т. е. снимали фаску по углам плиты выше дугообразно проведенной линии, и тем самым передняя плоскость плиты обретала как бы заостренный верх и вид михраба древних мечетей, хотя задняя сторона ее оставалась прямоугольной. Ниже такой арки вырезывали несложный орнамент в виде восьмилепесткового цветка ромашки, а текст эпитафии писался под орнаментом. Надписи делали всегда угловатым почерком куфи или полукуфи. Как по своей внешней форме, так и по тексту эпитафий, памятники эти не имеют себе аналогов в остальном мусульманском мире, кроме как в Дагестане. Существовали они весьма недолго: в эпоху болгарского ханства их еще не было, и появились они уже после нашествия монголов: самый ранний памятник датирован 1281 годом¹² и самый поздний 1361 годом¹³, после чего они внезапно исчезли и больше не появлялись. Несмотря на такое кратковременное существование, изготовлено было их очень много (описано более 200 экземпляров), что намного превышает количество одновременно изготовленных памятников 1-го стиля. Наибольшее количество их было изготовлено в 1313-1342 годах, т. е. в дни царствования золотоордынского хана Узбека. Распространены они на небольшой территории, в радиусе около 150-200 км вокруг низовья Камы, а на дальних окраинах Булгарии и в других улусах Золотой Орды они не обнаружены. Находятся они, как правило, на татарских кладбищах или вблизи татарских селений, а в чувашских селениях и на территории Чувашии не обнаружены, за исключением трех пограничных с Татарией селений (Байглычево, Байтеряково, Полевые Бикшики). Характерно, что территориально они не изолированы от памят-

¹² Юсупов Г. В. Введение в болгарскую эпиграфику, стр. 47.

¹³ Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар, стр. 152-153.

ников 1-го стиля: в одних и тех же селениях, на одних и тех же кладбищах обнаружены памятники как 1-го, так и 2-го стиля; были даже случаи, когда на могиле отца находился памятник 1-го стиля, а на могиле его сына — памятник 2-го стиля.

Особо следует сказать о языке этих эпитафий. Все они написаны на смешанном арабско-тюркско-чувашском языке: сперва приводится какой-нибудь аят из Корана на арабском языке, затем следует имя и отчество погребенного (притом имена погребенных, как правило, мусульманские, а отчества зачастую тюркские, а е. языческие); болгарских тахаллусов «аль-Булгари», «ас-Сувари» не имеется; в конце эпитафий на тюрко-чувашском языке приводится дата смерти. Например: *Äl-xökmü li-l-lahi-l-gäliji-l-käbiri. İljas auli Jsmagil auli Möxäm-mäd bälükü. Rähmätü-l-lähi gäläjhi rähmätän vasigätän. Tarixa žeti žür altyşy žal zu-l-qagidä ajxu išna äči. Ćarimsän syvna barsa v(i)lti.* «Суд бога всевышнего, великого. Памятник Мухаммеда, сына Исмагила, сына Ильяса. Милостью бога всевышнего, безграничного, по летосчислению в семьсот шестом году, в месяце зулькада свершилось. Умер, отправившись на реку Черемшан». Притом последняя фраза «Умер, отправившись на реку Черемшан» написана почти на чувашском языке и соответствует нынешнему выражению: «Черемшан шывне пырса вилче». Поскольку такие чувашезычные части эпитафий крайне лаконичны, лексический состав их весьма небогат. Среди типичных чувашизмов часто повторяются слова: *žal* «год», *ajx* «месяц», *ärnä* «неделя», *ärnäköp* «пятница», *kiči-ärnäköp* «четверг», *hanköp* «среда», *hys-köp* «воскресенье» (?), *ärnäbaš-köp* «понедельник» (?), *bälük* «памятник», *šyv* «вода», *jal* «селение», *išnä* «внутри», *mün* «большой», *böçök* «маленький», *ašli* «старший», *aškä* «отец», *küköža* «дед по матери», *oyl* или *yul* «сын», *xig* или *hir* «дочь», *hirxum* «невольница», *veç* «три», *tuat* «четыре», *bial* или *bel* «пять», *žeti* «семь», *säkär* «восемь», *toxr* или *toxur* «девять», *von* «десять», *žiar*m «двадцать», *otyr* «тридцать», *xurux* «сорок», *säkärvon* «восемьдесят», *toxurvon* «девяносто», *žür* «сто», *žet-žür* «семьсот», *tuatm* «четвертый», *bialm* «пятый», *žiarminš* «двадцатый» и т. д. Из этих примеров уже видно, что язык этих эпитафий, как и чувашский язык, отличался, во-первых, ротацизмом, то есть закономерным замещением *z* — *p* в ауслауте и инлауте (вместо *ädinä* употреблялось *ärnä* «неделя», вместо *säkiz* — *säkär* «восемь», вместо *toqyz* — *toxur* «девять», вместо *žüz* — *žög* «сто» и т. д.); и, во-вторых, отличался ламбдаизмом, то есть заме-

щением ш — л: вместо biš употреблялось bel «пять», вместо ešik употреблялось elik «дверь» и т. д. Иными словами, если язык эпитафий 1-го стиля, как и все прочие тюркские языки был 3-ш-языком (сокращенно 3-языком), то язык эпитафий 2-го стиля, как и чувашский, был р-л-языком (сокращенно — р-языком). Кроме того, языку эпитафий 2-го стиля, как и чувашскому, были присущи и другие особенности монгольских языков. В частности, в нем, как и в монгольском, отсутствовали анлаутные k, q; поэтому вместо qуgуq употреблялось ху-гух «сорок», вместо куз употреблялось хiг «дочь» и т. д.

Кому же принадлежали эти памятники двух совершенно разных типов?

Если взять памятники 1-го стиля, написанные на 3-языке, то нетрудно догадаться, что они принадлежали волжским булгарам и их нынешним потомкам — волжским татарам. Об этом свидетельствуют и язык, и содержание этих эпитафий, и формы самих памятников, и даже их датировки. Правда, Н. И. Ашмарин и его последователи пытались утверждать, что они написаны на джагатайском (староузбекском) языке и следовательно должны принадлежать среднеазиатским тюркам¹⁴, но это явно нереально. Нереально также утверждение В. Ф. Каховского, В. Д. Димитриева и М. Р. Федотова о принадлежности эпитафий 1-го стиля пришлым золотоордынским татарам и их потомкам¹⁵, ибо в период появления ранних памятников этого стиля в Булгарии не было еще массового переселения монголо-татар, поскольку почти до середины XIII века здесь велась повстанческая борьба с завоевателями. Но если бы даже монголо-татары тогда появились в Булгарии, то все равно не могли они ставить мусульманские надгробия, так как были еще язычниками и исламизация их началась лишь при золотоордынском хане Берке. Даже сам факт принадлежности этих эпитафий мусульманам говорит за то, что они принадлежали именно булгарам, ибо в домонгольский период в Волго-Камье не было иных мусульман, кроме булгар. И, наконец, о принадлежности их булгарам говорят содержащиеся в них собственно булгарские тахаллусы «аль-Болгари» и «ас-Сувари»¹⁶, которых никто, кроме булгар, написать не

¹⁴ Ашмарин Н. И. Указанное соч., стр. 84,94.

¹⁵ Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984, стр. 23-102.

¹⁶ В эпитафиях 1-го стиля встречаются тахаллусы, например, «Госман аль-Булгари», «Юныс аль-Болгари», «Насар аль-Болгари», «Мансур аль-Болгари», «Ибрагим ас-Сувари» и т. д. (см. Мухаметшин Д. Г., Хакимянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987, стр. 111; Хакимянов Ф. С. 1978, стр. 158, 188; Его же: 1987, стр. 92-93).

мог. Так что памятники 1-го стиля — это, несомненно, творения болгар и их поздних потомков — татар.

Ну, а кому же принадлежали памятники 2-го стиля? Если быть объективными, то и здесь ответ довольно простой: поскольку написаны они на тюрко-чувашском языке, значит и принадлежали они чувашам — никто же иной не мог сочинять чувашские эпитафии. Сомнения в этой очевидной истине возникают обычно в связи с тем, что памятники эти принадлежали мусульманам, а чувашаи были в прошлом язычниками, принявшими позже христианство. Из-за этого несоответствия памятники эти приписывают болгарам. Авторы, придумавшие эту болгаро-чувашскую версию, почему-то забывают, что не все чувашаи были в прошлом язычниками, что были среди них и мусульмане. Они и изготовляли мусульманские надгробия с арабо-чувашскими надписями. Жили они обычно среди своих единоверцев-мусульман и после утраты своего чувашского языка естественно растворялись среди болгар и татар. Поэтому они не сохранились. Они исчезли с исторической арены после 1749 года, когда был принят высочайший указ Российского Сената о преследовании чувашей и других инородцев за переход в магометанство.

Известно, что домонгольские болгары исповедовали ислам ханифатского толка и вообще не практиковали сооружение надгробных памятников. Они, как и многие среднеазиатские тюрки, верили, что чем быстрее исчезнут следы земной жизни человека, чем быстрее сравнится его могильный холм с землей, тем быстрее приобщится его душа к Аллаху. Поэтому в домонгольской Булгарии надгробные памятники были крайней редкостью. Их изготовляли лишь иноземные мастера и ставили на могилах немногих приезжих купцов и проповедников ортодоксального ислама. А после монгольского нашествия, когда страну наводнили иммигранты с юга, обычай ставить памятники стало массовым явлением, чему способствовали, по-видимому, и пришлые священнослужители, занявшие в здешних приходах пустующие вакансии вместо перебитых монголами болгарских мулл. Изготовлением каменных надгробий стали заниматься, по-видимому, в основном чувашеязычные камнетесы, сделавшие это занятие своим ремеслом.

Однако, находясь в гуще болгар, эти чувашаи-месельмены постепенно подвергались ассимиляции местным населением и уже во втором или третьем поколении стали терять свой чу-

вашский язык. Это видно из появившихся в их эпитафиях болгарских слов типа *äti/ärdi* «было», *tyndyju* — тындыйы «успокоился», *jatyju* — йаттыйы «слег» и т. д., которых нет в чувашском языке. Тогда же появились так называемые «эпитафии-билингвы», написанные частично на чувашском, частично на болгарском языках. Например, на чистопольском кладбище найден изготовленный в 1311 году памятник некоему Исмагилу, сыну Мажар-Казый, на котором, по мнению специалистов, хвалебная часть эпитафии написана на болгарском 3-языке, а датирующая часть — на чувашском р-языке¹⁷.

То, что памятники 2-го стиля написаны не на чистом чувашском, а на смешанном обычнотюркском и чувашском языке, ясно видно из лексического анализа тюркских слов всей эпитафии 2-го стиля.

Одному из авторов этой книги не раз приходилось подвергать лексическому анализу болгарскую эпиграфику 2-го стиля¹⁸. Так, в книге венгерского ученого А. Рона-Таша¹⁹, которая посвящена исследованию языка только этой части болгарской эпитафии, можно выделить 50 тюркских слов и арабских заимствований, в той или иной степени сохранившихся в чувашском и татарском языках: ахирэт, алты, алтышы, айхы, улы (ывале), былтыйы, бакый, баттыйы, блеже, белые ки, беру, береже, биэлем, дөньядан (дөньяран), ике, икеше, эллу, иже-ите, фани, нижрэтдэн (нижрэтрэн), хир, хырых, хирхум, эрне, жал, жиерме, жиермеше, жиеге, жиегеше, жүр, күчдие, көн (күэн), мөхэррэм, рэжэп, рамазан, сэфэр, сәкер (сәкед), тарих, тындыйы, тухыр, туатм, вафат, уан (ун-ван), уным (выным), ужем (вичем), утыр (утыд), зират, алла рэхмәте, инша алла, бисмилла.

Для анализа слова из эпитафии берутся обычно выборочно, т. е. только те, которые могут иметь какое-то отношение к соответствующим чувашским лексемам и доказать близость языка эпитафии к чувашскому языку. Кроме того, из сферы сравнения обычно исключают татарский (особенно разговорный) язык, который сформировался на территории Булгарского государства и имеет непосредственное отношение к

¹⁷ Мухаметшин Д. Г., Хакимянов Ф. С. Указанный труд, с. 93-94.

¹⁸ Зэкиев М. З. Татар халкы теленен барлыкка килүе. — Казан, 1977, с. 35; Его же. Проблемы языка и происхождения волжских татар. — Казань, 1986, с. 72-79.

¹⁹ Rona-Tas A.-Fodor S. Epigraphica Bulgarica A Volgai-török, feliratok. Szeged. 1973, с. 149-156.

языку болгарской эпитафии. В лучшем случае включают или древнетюркский язык или тюркский литературный язык. Такой методики исследования, введенной в свое время Н. И. Ашмариним, придерживаются все сторонники болгаро-чувашиской теории. От этой традиции не отказываются даже в новейших исследованиях²⁰. Наш вариант лексического анализа выглядит так:

1. 15 заимствованных из арабского языка слов эпитафии вошли в словарный фонд татарского языка, активно применялись в старотатарском и применяются в современном татарском языке, проникли даже в разговорный язык. Если бы чувашский язык представлял собой продолжение болгарского языка, то в нем сохранилось бы хоть одно из этих заимствований.

2. Все другие слова тюркского корня в той или иной форме можно найти как в татарском, так и в чувашском языке, кроме, пожалуй, двух: блеже (пятый), туатм (четвертый). Этим корням в таком значении в татарском нет. Корень слова блеже сохранился в слове беләк (рука). Корень второго слова туатм восходит, вероятно, к слову дурт, получившему значительное изменение в бесписьменной диалектной речи. Как бы то ни было, эти два слова сохранились более отчетливо в чувашском языке.

3. 22 слова, сохранившиеся как в татарском, так и в чувашском языке, по фонетическому облику значительно ближе к их татарским разговорным соответствиям: алты, алтышы, улы, былтыйы (булды ийе), баттыйы, белүе ки, берү, береже, ике, икеше, ите (иже-ийе), жал (жыл), жиерме, жиермеше, жиете, жиетеше, күчдейе, көн, тындыйы, уын, уыным, үжем (өчем).

4. 11 слов, сохранившихся как в чувашском, так и в татарском языке, по фонетическому облику значительно ближе к их чувашским эквивалентам: айхы, биэлем, эллу, хырых, хирхум, сэкр, тухр, жур, утыр, ирне, хир.

Таким образом, первый вариант лексического анализа приведенных слов дает следующую картину. Сохранились только в татарском языке — 30 процентов, только в чувашском — 4 процента слов. Остальные 66 процентов слов наблюдаются в обоих языках, однако из них 23 значительно ближе татарскому языку. В итоге, из 50 слов эпитафии тяготеют к татарскому языку 74 процента, т. е. три четверти, к чу-

²⁰ Федотов М. Р. Введение в тюркологию. — Чебоксары, 1976, с. 68-70.

вашскому — 26 процентов, т. е. всего четвертая часть. Это и естественно: анализ любого древнего тюркского текста может дать аналогичную картину, ибо татарский и чувашский языки являются тюркскими. Поэтому из анализа должен быть сделан вывод о том, что эпитафии 2-го стиля изготовлены чувашами-мусульманами, которые находились на стадии обугаривания.

Окончательная ассимиляция чувашей-месельмен произошла где-то в 60-х годах XIV столетия, так как самый последний памятник, написанный на чувашском языке, датировался 1361 годом. Притом исчез этот тип памятников весьма внезапно, что трудно объяснить лишь ассимиляционными процессами, поскольку лингвистические процессы в обществе не совершаются мгновенно. В 1361 году Булгарский улус был полностью разгромлен войсками золотоордынского князя Булат-Тимура, что и послужило, по-видимому, непосредственной причиной исчезновения традиций ортодоксов. Именно тогда прекратилось производство каменных надгробий как первого, так и второго стиля. После этого лишь спустя двадцать лет, то есть в 1380-х годах снова стали появляться каменные стелы, но уже смешанного типа и без чувашизмов. Очевидно, к тому времени новое поколение мастеров полностью утратило свой чувашский язык. Хотя отдельные представители чувашского народа переходили в ислам и после этого, но делали это уже не целыми общинами, а лишь поодиночке и притом заранее владея татарским языком. Поэтому более поздние эпитафии писались исключительно только на болгаро-татарском или на арабском языке.

Сам обычай сооружать каменные памятники пришел в мусульманский мир еще от древних иудаистов, фетишировавших камень как место очищения души умершего. В наших краях этот обычай распространился сперва в Хазарском каганате, среди ортодоксальных мусульман, обитавших преимущественно в Северном Дагестане. Поэтому А. Г. Мухамадиев справедливо считает, что в Булгарию этот обычай привнесли хазарские последователи ортодоксального ислама — мухаккики. И язык эпитафий 2-го стиля он считает древнехазарским. Элементы чувашского языка «в эпитафиях 2-го стиля, — пишет он, — являются сохранившимися крупинками хазарского языка²¹. Ошибочным в этом высказывании Муха-

²¹ Мухамадиев А. Г. Монеты как источник по изучению болгарского языка. — В кн.: Исследование по источниковедению истории Булгарии. — Казань, 1980, с. 124, 128-130; Он же. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. — М., 1983, с. 170-175.

мадиева может быть лишь то, что инициативу привнесения эпиграфических традиций в Булгарию он приписывает исключительно только верховным шейхам Золотой Орды, служившим при ханах Берке и Тудай-Менгу, и забывает при этом о многочисленных саксинских иммигрантах, наводнивших в XIII в. Волжскую Булгарию, среди которых, бесспорно, могли быть хазары, предки чувашей и др. То, что не только по инициативе золотоордынских шейхов появилась эта традиция в Булгарии, говорит тот факт, что распространилась она не во всей Золотой Орде, а лишь в Булгарском улусе и притом не при ханах Берке и Тудай-Менгу, а в основном уже позже, при хане Узбеке.

Палеографический тип эпитафий 2-го стиля формировался на территории самой Булгарии вследствие слияния привнесенных с юга, по-видимому, дагестанских эпиграфических традиций с традициями сооружения местных чувашских языческих надгробий. Во внешнем очертании памятники эти сохранили прямоугольную форму чувашских каменных надгробий, а в текстах эпитафий и в стиле арабского письма переняли дагестанские традиции. По словам эпиграфистов Мухаметшина и Хакимзянова, с аналогичными памятниками из Дагестана их связывает прежде всего «палеографическое сходство отдельных букв при написании куфическим почерком»²².

Из Дагестана же пришел обычай ставить каменные памятники бедным людям. Известно, что в средневековом Дагестане существовал обычай ставить каменные надгробия всем умершим правоверным мусульманам, независимо от их имущественного положения. Притом изготовление надгробий и погребальных саванов для неимущих бедняков возлагалось на безземельных дехканов за пользование ими вакуфными земельными угодиями²³. Похоже, что этот же обычай был привнесен и в Булгарию. Об этом свидетельствует появление в крае множества примитивных надгробий. Около 60—70% всех памятников 2-го стиля было посвящено небогатым людям, не имевшим ни громких титулов, ни длинных родословий — на их памятниках писали лишь несколько слов: «Суд Аллаха. Мамли, сын Гали, памятник», «Суд Аллаха. Сары,

²² Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Указанное соч., с. 24.

²³ Булатова А. Г. Лакцы. Историко-этнографический очерк. Махачкала, 1971, с. 43; Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. — М., 1984.

дочери Баки, памятник» и др. На некоторых памятниках встречаются также звания рабов и рабынь — хум и hiri-xum: «Xäsän auly хум Gömär...», «Gali hiri-xum Ајух...» и т. д. Поэтому утверждение ашмаринистов о принадлежности этих памятников «знатным феодалам» не оправдывается. Об этом же свидетельствует большое количество одновременно сооруженных памятников: за какие-то 80 лет на небольшой территории было сооружено бесчисленное множество примитивных памятников 2-го стиля. Позднее, после присоединения края к России, этими памятниками прудили пруды, мостили дороги, закладывали их в фундаменты церквей, часовен и других сооружений, но все же до наших дней сохранилось около 350 памятников обоого стиля. Разумеется, такого количества «знатных феодалов» в Булгарии не могло быть.

Судя по фактуре изготовленных памятников, на территории Булгарского улуса работали в основном три гильдии чувашезычных мастеров-камнерезов. Одна из них промышляла в центре Булгарии и в ее столице, другая — в Жукотинском княжестве (на территории нынешних Чистопольского и Аксубаевского районов) и третья — в Керменском княжестве, на Вятке, где изготавливали стелы с полукруглым верхом и солярическим орнаментом в виде размытых лепестков ромашки. В столице Булгарии некоторые надгробия были изготовлены, по-видимому, теми же камнерезами, которые строили и городские здания, ибо на них зафиксированы одни и те же детали орнаментов, выполненные одинаковой техникой.

Судя по текстам эпитафий, месельменские мастера изготавливали памятники не только для своих соплеменников, но и для представителей других народов, о чем свидетельствуют такие нисбы на эпитафиях, как «Tatar Bältük xiri Хаҗима...» «Törökmän Mөхämmäd auly...» «Muxşy Badan...» «Mari хум...» и т. д. То, что наличие чувашизмов на таких памятниках не препятствовало установлению их на могилах иноплеменников, можно объяснить, очевидно, безграмотностью большинства тогдашнего населения, не различавшего чувашизма от арабизмов и фарсизмов. Чтобы завуалировать заметные чувашизмы, резчики иногда умышленно портили тексты эпитафий, проставляя многочисленные точки сверху и снизу букв. Но для особенно разборчивых заказчиков те же мастера писали эпитафии и на других языках. Поэтому на одних и тех же кладбищах иногда встречаются как чувашезычные, так и тюркоязычные памятники, установленные вместе.

Таким образом, зная о чуваше-месельменском происхождении эпитафий второго стиля, можно по-настоящему понять и объяснить все странные особенности этих средневековых памятников. С позиций же ашмаринистов, рассматривающих те же памятники как болгарские творения, невозможно было понять ни времени, ни места появления памятников, ни особенностей их языка и типологии, а главное, оставались непонятными причины несоответствия языка эпитафий с языком остальных болгарских письменных памятников той же эпохи. Поэтому компетентные исследователи с самого начала рассматривали эти памятники как творения исламизированных чувашей. Впервые такую мысль высказал еще в 1887 году В. В. Радлов на IV-м археологическом съезде России, где, возражая Ильминскому, доказывал, что чувашеязычные эпитафии написаны самими «чувашами-мухаммеданами», прошедшими «мухаммеданские школы»²⁴. В 1909 году аналогичную мысль высказывал Г. Ахмеров, ссылаясь на более раннее появление в крае тюркоязычных эпитафий²⁵. В 1920 году эту же мысль повторил Н. Ф. Катанов в своей работе «Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках»²⁶. Затем, в 1923 году к такому же выводу пришел, исследуя древнетатарскую литературу, Гали Рахим²⁷. Ныне к такому же выводу с различных позиций приходят в своих публикациях М. З. Закиев²⁸, К. М. Мусаев²⁹, Г. Ф. Саттаров³⁰, А. Г. Мухамадиев³¹, Я. Ф. Кузьмин-Юманادي и многие другие авторы, не признающие чувашеязычность волжских болгар.

---

²⁴ Труды Четвертого археологического съезда в России.— Казань, 1884, с. XLII-XLIII.

²⁵ Ахмеров Г. Указанное соч., с. 125.

²⁶ Катанов Н. Ф. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках.— Казань, 1920, с. 11-12.

²⁷ Газиз Г., Рахим Г. История татарской литературы (на татарском языке). Т. 1. Ч. 3.— Казань, 1923, с. 52-53.

²⁸ Закиев М. З. Татар халкы теленең барлыкка килүе.— Казан, 1977, с. 25-26, 132.

²⁹ Мусаев К. М. Рецензия на книгу М. Г. Менгеса «Восточные элементы в «Слово о полку Игореве».— Журн. Вопросы языкознания.— М., 1980.— № 6, с. 145.

³⁰ Саттаров Г. Ф. Татарская антропонимия и этнолингвистические связи.— Журн. Советская тюркология.— Баку, 1978.— № 3, с. 22-32.

³¹ Мухамадиев А. Г. Указанное соч., С. 170-175.

Г Л А В А I I

О ЧУВАШИЗМАХ В СОЧИНЕНИИ ИБН-ФАДЛАНА

Другим аргументом, «доказывающим» чувашеязычность болгар, считаются «чувашские» слова, сохранившиеся в древних записках Ибн-Фадлана о его поездке в Булгарию. Этот автор, совершивший в 921-922 годах вояж из Багдада в Булгарию в составе арабского посольства, во время своей поездки записывал названия встреченных ими на пути различных стран, народов, местностей и личные имена, в том числе и болгарские названия, среди которых некоторые исследователи находят и чувашские слова. Из тридцати двух записанных им в Булгарии местных названий и имен шесть слов сторонниками болгаро-чувашской теории считаются чувашскими, а именно: «Хеллече» (название группы озер), «Гаушерма» (название реки), «Атал» (название Волги), «саджув» (название медового напитка), «саваз» (название племени) и «Вырах» (личное имя вождя племени сувар).

Эти чувашские слова якобы доказывают происхождение чувашей от болгар. Обнаружил их сам переводчик книги Ибн-Фадлана на русский язык, арабист А. П. Ковалевский, при содействии чувашских лингвистов ашмаринистского толка, и притом обнаружил не сразу, а спустя более двадцати лет после выхода в свет первого издания этой книги.

Как известно, А. П. Ковалевский переводил эту книгу на русский язык дважды: один раз в 1930-е годы, другой — в 1950-е годы — и оба раза по мешхедскому списку записок Ибн-Фадлана, полученному от иранского шаха. Первый перевод был сделан им под руководством академика И. Ю. Крачковского и под его же редакцией был издан в 1939 году в

Москве¹, но в том издании не было еще никаких чувашизмов. Это обстоятельство весьма удивило ашмаринистов, убежденных в том, что болгары были предками чувашей, ибо в сообщениях Ибн-Фадлана о них не оказалось ни одного чувашского слова. С этим вопросом чувашские лингвисты П. Г. Григорьев и Н. Р. Романов обратились к переводчику книги, Ковалевскому, работавшему в 1950-е годы над новым переводом той же книги. Находя вопросы ашмаринистов вполне резонными, Ковалевский счел возможным пересмотреть транскрипции некоторых болгарских названий, написанных арабской графикой без строгой огласовки, и при содействии тех же чувашских лингвистов переправил написание ряда слов на чувашский манер. Так появились во втором издании книги Ибн-Фадлана вышеназванные шесть чувашских слов: Хеллече, Гаушерма, Атал, саджув, савас и Вырах². Чтобы лучше обосновать причину своих исправлений, вносимых во второе издание книги, в 1954 году Ковалевский издал специальную брошюру, где трактовал содержание книги Ибн-Фадлана уже с ашмаринистских позиций и ряд терминов уподобил чувашским словам³. Ниже мы попытаемся проследить по оригиналу книги и по разным ее изданиям каким образом производилось «очувашивание» этих шести болгарских слов.

1. Первое из этих болгарских слов — Хеллече (название группы озер в Булгарии), встречающееся в рассказе Ибн-Фадлана: «Когда мы прибыли к царю, мы нашли его остановившимся у воды Хеллече...»⁴, в арабском оригинале мешхедского списка рукописи было написано в форме *خلجة* (Халджа)⁵. Примечательно, что и в первом издании книги 1939 года тоже это слово было транскрибировано по-русски в форме «Халджа»⁶. Но поскольку в чувашском языке такого слова нет, то во втором издании книги Ковалевский переправил его в «Хеллече» с тем, чтобы уподобить чувашскому слову хелле «зима» и заодно придать этому гидрониму значение зимней стоянки болгарского царя, как это трактовали

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. — М.-Л., 1939.

² Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. — Харьков, 1956.

³ Ковалевский А. П. Чуваш и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. — Чебоксары, 1954.

⁴ Ковалевский А. П. 1956, с. 138.

⁵ Ковалевский А. П. 1956. Приложение (фототипическая копия оригинала), 108-а, 108-б.

⁶ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 75.

некоторые исследователи текста. Но этому перефразированию помешало окончание «-джа» в слове «Халджа», которого стало некуда девать, и пришлось его переделать в чувашское «-че» (формант прошедшего времени), а это привело к возникновению необычного слова Хеллече, что в переводе означает «зимою было», но отнюдь не «зимник». Натянутость данной «конъектуры» видна еще и в том, что слово «Хеллече» Ковалевский написал по чувашской орфографии через два «л», а в арабском оригинале буква лам написана без удваивающего ташдида. Так что во всех отношениях это «очувашивание» гидронима «Халджа» было непропорциональным. В то же время надо отметить, что этот гидроним до сих пор не расшифрован, поэтому не определено место встречи Ибн-Фадлана с болгарским царем.

2. Второе слово — «Гаушерма», встречающееся во фразе: «И отъехал царь от воды, называемой Хеллече, к реке под названием Гаушерма...», тоже оказалось непропорционально искаженным. В арабском оригинале мешхедского списка оно было написано в одном месте как جاوشيز (žaušiz), в другом месте как جاوشير (žaušir) (без точки над зайн)⁷. В первом издании книги 1939 года оно было транскрибировано по второму написанию в форме «Джавашир»⁸, что имело целью показать существование р-языка у болгар, но затем в брошюре 1954 года Ковалевский пошел еще дальше и переделал его в «Гаушерма»⁹ с тем, чтобы уподобить чувашскому слову съирма «река», поскольку речь идет здесь о реке. Но для этого пришлось изменить весь фонетический состав слова и произвольно присоединить к его окончанию слог «-ма», а также заменить начальный звук «дж» на «г». Как видим, «конъектура» тоже не из удачных. Поэтому в 1956 году перед отправкой рукописи для второго издания Ковалевский обратно переправил это слово в «Джавшыр»¹⁰, но тем не менее ашмаринисты до сих пор продолжают трактовать его как «Гаушерма».

Реку под названием «Джаушир» можно отождествлять с рекой «Йауширмэ» в Чистопольском районе Татарстана. Гидроним состоит, по-видимому, из двух частей: Яуш — имя человека, имеющего отношение к этой реке, йырма — тюрк-

⁷ Ковалевский А. П. 1956. Приложение (фототипическая копия оригинала), с. 203-б, 208-б.

⁸ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 76.

⁹ Ковалевский А. П. 1954, с. 33.

¹⁰ Ковалевский А. П. 1956, с. 139.

ское слово со значением река (ср. тат. ермак). Может быть и другое толкование: Яу — войско, ширма — от диалектного произношения того же слова ерма в виде жырма. В чувашском сохранилось произношение съирма.

3. Третье слово — Атал (название Волги) — действительно имеется в книге Ибн-Фадлана и совпадает с чувашским названием реки Волги — Атал. Но это еще не означает, что болгары говорили на чувашском языке. Некоторые тюрки и арабы употребляют это слово с анлаутным «э» (Этиль, Эдиль), а татары и башкиры — с начальным «и» (Идиль), но в арабском письме все эти гласные звуки обозначаются одной и той же буквой алиф, снабжаемой дополнительно диакритическими знаками. Ашмаринистов заинтересовало то, что в книге Ибн-Фадлана есть написание этого слова в чувашской форме «Атал». Но и это еще ничего не доказывает. В мешхедском списке это слово повторяется пять раз и притом три раза написано оно с начальным алифом с фатхой (اٲل «Атл») и два раза написано без диакритических знаков (اٲل), что можно читать как «Этель» или даже «Итель». Поэтому вопрос здесь остается спорным: можно предполагать, что болгары называли Волгу по-чувашски «Атал», но могли называть и по-татарски «Итиль». Сам оригинал рукописи Ибн-Фадлана до нас не сохранился. Возможно в нем Волга была названа «Итиль», а ираноязычный переписчик мешхедского списка в двух местах переписал его правильно, но в трех местах машинально написал по-своему в форме «Ател».

Если обратить внимание на этимологию этого гидронима, то легко заметить, что он состоит из двух частей: тюрк. иди — иде (великий, большой, бог) и ел (самая древняя форма гидронима елга (река). Тюркское ел заимствовано и марийским языком для обозначения самой Волги. Таким образом, Иди + ел (Идель) применялось и сейчас применяется в значении большая река, великая река. Если так, то и самой древней формой этого гидронима является не Атал, Этил или Итиль, а Идел (Иди-ел). Исходя из сказанного, видно, что арабское начертание этого гидронима должно транслитеровано как Итиль, Ител или Идель.

4. Четвертое слово — сюдже (напиток) в мешхедском списке было написано как السجوة (al-saʒu или, точнее, as-ʒu)¹¹ и в первом издании книги 1939 года тоже было транскри-

¹¹ Ковалевский А. П. 1956. Приложение (фототипическая копия оригинала), с. 106-б.

бировано как «ас-суджув»¹², но затем в специально изданной брошюре 1954 года Ковалевский переделал его в «саджув» с тем, чтобы уподобить чувашскому слову «щу», «шыв» (вода)¹³. Но поскольку медовый напиток чуваша называют не саджув, а симпыл или карчама, то и эта конъектура тоже оказалась неудачной, в связи с чем в 1956 году Ковалевский обратно переправил его в «суджув»¹⁴. По данным Флейшера и Френа, «саджу» был не чувашским, а древнетюркским названием хмельного напитка¹⁵, а по мнению А. П. Смирнова, это было заимствованием из русского «сыта», «сычевка».

В действительности сюдже (сөже~сүже) — это сладкий напиток, который был распространен среди тюрков различных регионов. В азербайджанском языке он сохранился до наших дней. Слово сөже в татарском литературном языке применяется в виде төче, в татарских диалектах как сөче (сладкий, приторный) и выступает как антоним слова ачы (кислый).

5. Пятое слово — суаз (название племени) тоже подвергнуто необоснованному искажению. В арабском оригинале мешхедского списка оно употреблено только один раз и в виде سوان (suan)¹⁶. В первом издании книги 1939 года Ковалевский транскрибировал его в форме «саван»¹⁷, ибо в рукописи последняя буква ج «з» была изображена как ن «н». Но в последующем издании своей книги он это слово передает уже как «суваз»¹⁸. Этим Ковалевский хотел подчеркнуть, что слово суваз затем стало применяться как «чуваш» и обозначало предков чувашей. Следовательно, по его мнению, болгары-сувазы были чувашезычными.

Более точные исследования¹⁹ показывают, что слово суаз~суас тоже является весьма спорным — о нём даже авторы этих строк высказывают различные мнения. Есть высказывание, что слово это было болгарским и произошло от двух тюркских слов: су «вода» и ас (название племени). Об этой точке зрения подробнее будет сказано несколько ниже — в главе VI-ой.

¹² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 68.

¹³ Ковалевский А. П. 1954, с. 16.

¹⁴ Ковалевский А. П., 1956, с. 132.

¹⁵ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 107, прим. 34.

¹⁶ Ковалевский А. П. 1956. Приложение (фототипическая копия оригинала), с. 208-б.

¹⁷ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 76.

¹⁸ Ковалевский А. П. 1956, с. 139; или 1954, с. 14, 16.

¹⁹ Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. — Казань, 1986, с. 40-54.

Другой автор считает, что слово «суас» — это просто фикция, не существовавшая ни в болгарском языке, ни в сочинении Ибн-Фадлана — оно в форме «суас» встречается лишь в марийском языке, где обозначает татар, и возникло вследствие неправильного произношения слова «сувар». А марийцы татар называют суvarами (суасами) потому, что раньше всех узнали последних. В районе Предкамья, где издавна обитали марийцы, раньше других появились суvarы, бежавшие от нашествия монголов, уничтоживших дотла их жилища и столицу Сувар на реке Утка. Прибыв на землю марийцев, суvarы основали здесь новые свои селения Яна-Сувар, Ик-Сувар, Шам-Сувар, Ныр-Сувар и т. д. Спустя более ста лет, при разгроме Закамской Булгарии Булат-Тимуром, сюда же пришли и основные массы болгар, в 1438 году сюда же пришли ещё и татары во главе с Улу-Мухамметом. Впоследствии все эти три группы пришельцев на глазах у марийцев слились в один общий этнос татар, но марийцы по традиции называют их суvarами (сувасами). Чуваши тоже пришли в марийские края после сувар, и марийцы прозвали их «сувароподобными людьми» — суасломары, что в буквальном переводе означает «мужи на суварский лад», или в современном значении этого слова — «мужи на татарский лад». А что в мешхедском списке Ибн-Фадлана суvarы названы суан (*سوان*), то это явная описка²⁰, ибо во всех других источниках племя это называлось суар (*سوار*), и этот факт тоже является доказательством ошибочности болгаро-чувашиской концепции и правильности болгаро-татарской теории.

6. Шестое слово — Вырах (имя суварского князя), по видимому, тоже искажено переводчиком. В арабском оригинале мешхедского списка оно написано как *ویرع* (virg)²¹, хотя и с пропуском точек под буквой йа, но чтение его как «вираг» ни у кого не вызывает сомнений. И сам Ковалевский в первом издании книги 1939 года транскрибировал его как «Вираг»²². Но поскольку в чувашском языке такого слова нет, то попытался впоследствии как-то «очувашить» его, переправив во втором издании книги в «Выраг»²³, а в брошюре 1954 года — в «Вырах»²⁴. Но все эти «конъектуры» были напрас-

²⁰ Ковалевский А. П. 1956, с. 208—6.

²¹ Ковалевский А. П. 1956. Приложение (фототипическая копия оригинала), с. 208-6.

²² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 76.

²³ Ковалевский А. П. 1956, с. 139.

²⁴ Ковалевский А. П. 1954, с. 43.

ными, потому что в чувашском языке не было слов, похожих на «Выраг», «Вырах». С точки зрения обычнотюркской этимологии, это слово также не исследовано.

Таким образом, все шесть слов, уподобленных Ковалевским чувашским лексемам, не могут свидетельствовать о существовании у болгар чувашского типа р-языка. Но несмотря на это, ашмаринисты настойчиво продолжают использовать это «открытие» как доказательство правоты своей болгаро-чувашской концепции. В этих целях опубликовано и публикуется множество трудов и статей таких авторов, как П. Г. Григорьев²⁵, Н. Р. Романов²⁶, Н. Данилов²⁷, В. Г. Егоров²⁸, В. Ф. Каховский и многих других, направленных на популяризацию далеко идущих выводов о болгарском наследии и связанных с ним взаимоотношений народов Поволжья.

В связи с этим часто возникают недоуменные вопросы: зачем понадобилось переводчику Ковалевскому столь неосторожно фальсифицировать переводимую им книгу Ибн-Фадлана, тем более, что, по мнению арабистов, качество его вторичного перевода несколько не выиграло, а, наоборот, проиграло по сравнению с качеством первого перевода 1930-х годов²⁹? Разве не знал Ковалевский, что первой обязанностью всякого добросовестного переводчика является максимально точное воспроизведение переводимого текста? Чтобы ответить на этот вопрос, очевидно, нужно учитывать, с какой огромной любовью относился этот человек к объекту своего перевода и вместе с тем к самому автору книги. Трансформируя старобулгарские слова на чувашский манер, он, разумеется, вовсе не имел никаких дурных намерений, а делал это из самых благих побуждений — с целью совершенствования переводимого сочинения, чтобы сделать книгу Ибн-Фадлана более реалистичной и более понятной современному читателю.

---

²⁵ Григорьев П. Г. Новые материалы по истории чувашского народа. — Газ. Чувашская коммуна (на чувашском языке), № 136 от 14 июня 1951 г. — г. Чебоксары.

²⁶ Романов Н. Р. Что сообщает наука о происхождении чувашского народа. — Журн. Родная Волга (на чувашском языке). — Чебоксары, 1951, № 2, с. 123.

²⁷ Данилов Н. Книга о чувашах и булгарах тысячелетней давности. — Газ. Знамя коммунизма (на чувашском языке), № 207 от 19 октября 1954 г. — г. Чебоксары.

²⁸ Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. — Чебоксары, 1954, с. 19-21.

²⁹ Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии. — Материалы и исследования по археологии, № 111. т. IV, М., 1962, с. 184.

А. П. Ковалевский, посвятивший всю свою жизнь переводу и популяризации этой замечательной книги, естественно, переживал за все несуразности ее, хотел как-то сделать сообщаемые там сведения более реалистичными, а также оградить самого Ибн-Фадлана от несправедливых обвинений критиков. В этих целях он очень подолгу работал над составлением обширных комментариев к тексту переводов и в этих же целях в 1950-е годы взялся за вторичный перевод книги. Услышав от ашмаринистов, что нынешние чуваша считаются потомками волжских болгар, Ковалевский простодушно поверил этому слуху и начал серьезно изучать чувашскую культуру, чтобы найти историческую преемственность между этими народами разных эпох. Поэтому неудивительно, что некоторые болгарские названия он пытался переименовать на чувашский манер.

Ошибка Ковалевского здесь заключалась лишь в том, что ему не следовало увлечь себя ашмаринистам и не пытаться исправлять написанное Ибн-Фадланом, как бы ни казалось оно ему несовершенным. Нужно было помнить, что сообщения Ибн-Фадлана не нуждаются ни в чьих исправлениях и сам автор их тоже не нуждается ни в чьей защите. Все, что он написал, — это было истинной правдой, правдой, существовавшей в сознании человека тысячелетней давности. В его эпоху люди видели и понимали мир не совсем таким, каким мы его видим. Мы видим мир как реалисты XX века, а они видели его как легковверные дети. Ибн-Фадлан тоже был сыном своей эпохи: в его сознании увиденные реальные вещи и услышанные о них легенды воспринимались вместе как единое целое, и он часто не мог отделять в них реальное от легендарного. Поэтому вместе с тучами на болгарском небе он видел несущиеся там сонмы небесных воинов, вместе с шумом грома и молнии слышал удары небесных джинов, в рассказе о северных оленях слышал сообщение о носорогах и т. д. Поэтому исправлять его сообщения вовсе не следовало, а следовало лишь точно их переводить и максимально точно воспроизводить встречающиеся там имена и термины.

Г Л А В А III

ЧУВАШСКИЕ СЛОВА В СЛАВЯНО-БОЛГАРСКОМ ИМЕННИКЕ

Рассмотрим теперь следующий аргумент сторонников болгаро-чувашской концепции — чувашские слова в так называемом «славяно-болгарском именнике». Здесь речь идет о списке древних дунайско-болгарских князей, который якобы содержит тюркизмы чувашского типа и тем самым «доказывает» принадлежность болгарам чувашского типа р-языка.

История этой аргументации такова. В 1866 году профессором А. Поповым был обнаружен и опубликован весьма странный письменный памятник, написанный неизвестным автором в XVI веке и хранившийся в библиотеке Св. Синода вместе с рукописной книгой «Летописец еллинский и римский»¹. Документ этот, названный впоследствии «именником болгарских князей» или «славяно-болгарским именником», представляет собой отдельный лист с неозаглавленным текстом, содержащий тринадцать предполагаемых княжеских имен с загадочными приписками после каждого имени. Хотя об этом документе написано уже многократно, но тем не менее напомним о нем еще раз. Вот полный текст этого именника:

«Авитохоль жыть летъ 300², родъ емоу Доуло, а летъ емоу диломъ твиремъ. Ирникъ жыть летъ 150, родъ емоу Доуло, а летъ емоу диломъ твиремъ. Гостунъ наместникъ сыи 2 летъ, родъ емоу Ерми, а летъ емоу дохсъ твиремъ. Коурътъ 60 летъ дръжа, родъ емоу Дуоло, а летъ емоу шегоръ вечемъ. Безмеръ 3 лето, а родъ емоу Доуло, а летъ емоу шегоръ ве-

¹ Попов А. Обзор хронографов русской редакции. Т. 1. М., 1866.

² Числа, приведенные непосредственно после имен князей, в оригинале обозначены греческими буквами, заменявшими цифры.

чемъ. Сии 5 кнѣзѣ дръжаще княжение обону страну Доуная летъ 500 и 15 остриженами главами и потомъ приде на страну Доуная Исперихъ кнѣзъ, дожде и доселе. Есперерихъ кнѣзъ 60 и одно лето, родъ емоу Доуло. а летъ емоу верениалемъ. Тервель 20 и I лето, родъ емоу Доуло, а летъ емоу текоучитемъ твиремъ 20 и 6 летъ, родъ емоу Доуло, а летъ емоу дваншехтемъ. Севаръ 15 летъ, родъ емоу Доуло, а летъ емоу тохъ алтомъ. Кормисошъ 17 летъ, родъ емоу Вокиль, а летъ емоу шегоръ твиремъ. Сии же князь измени родъ Доуло, рекше Вихтунъ. Винехъ 7 летъ, а родъ емоу Оукиль, емоу имяше горалемъ. Телець 3 лета, родъ емоу Оугаинъ, а летъ емоу соморъ алтемъ. Оуморъ 40 днии, родъ емоу Оукиль, а емоу диломъ тоутомъ».

Как видим, в именнике приводятся весьма странные сведения: некий Авитохол жил якобы 300 лет, Ирник — 150 лет, Оумор — всего 40 дней. Есть в списке и имена исторических личностей, например, в «Коуръте» можно усмотреть имя вождя Кубрата, создавшего Великую Болгарию в Приазовье, в «Тервеле» — князя Тервеля, помогавшего в 705 году вернуться на престол византийскому императору Юстиниану, в «Ирнике» — сына Атиллы Эрнаха, в «Авитохоле» — Аспаруха, приведшего свой народ на Дунай, или даже Атиллу, хотя последний не имел никакого отношения к династии Дуло. Но все эти имена приведены без всякой хронологической последовательности. Ясно, что именник этот — не исторический документ, а запись отрывка какой-то народной легенды, реминисцирующий имена некоторых исторических личностей. Но дело вовсе не в достоверности самого документа, а в загадочности тех приписок, которые приведены после каждого из тринадцати имен, получивших в литературе известность, как «неславянские вокабулы именника»: «дилом твирем», «дохс твирем», «шегор вечем» и т.д. Всего таких непонятных слов приведено 26, но некоторые из них повторяются по два и по три раза, так что в конечном итоге загадочными остаются 15 вокабул: дилом, шехтем, твирем, дохс, шегор, вечем, верени, алем, текоу, четем, дван, тох, алтом, сомор, тоутом. Вот эти слова и составляют настоящую шараду для исследователей, поскольку ни в русском, ни в болгарском, ни в каком-либо другом языке таких слов не существует. Поскольку именник написан на церковнославянском языке с употреблением буквенных обозначений чисел, следовало бы полагать, что эти вокабулы тоже суть какие-то даты, выраженные буквами, но

попытки подставлять вместо букв цифры приводят к астрономическим числам, каких нет ни в одном из известных нам календарей. Поэтому многие исследователи склонны полагать, что это должно быть иноязычные слова, неправильно транслитерированные славянскими буквами.

Например, Роберт Реслер считал, что вокабулы эти, возможно, являются словами самоедов, и предлагал расшифровать их на материале самодийского языка³. Геца Куун предположил, что это турецко-османские слова, неправильно транслитерированные болгарскими, хотя позднее он отказался от такой точки зрения⁴. Некоторые болгарские исследователи пытались расшифровать вокабулы на материале старославянского языка и тоже безуспешно. Гильфердинг, Иричек, а в последнее время и А. Карасик высказывали предположения, что это, должно быть, венгерские слова, тем более что венгерские числительные *negyven* «40», *ötven* «50», *hatvan* «60», *hetven* «70» весьма созвучны с вокабулами именника «дилом», «твирем», «вечем» и т.д.⁵ Притом вокабула «шегор» как будто соответствует венгерскому *szigogy* «грозный, суровый», «дохс» — титулу *duks* «наместник», «Дуло» — венгерскому *dalia* «богатырь» и т.д.

Но академик А. Куник, находившийся в то время под впечатлением недавно опубликованной статьи Н. И. Ильминского о чувашских словах в болгарском языке, решил объяснить вокабулы именника на материале чувашского языка, поскольку язык дунайских протобулгар по логике вещей должен быть родственным языку волжских булгар. Сам Куник, не зная чувашского языка, не смог этого сделать и обратился за помощью к тюркологу В. В. Радлову, прося последнего расшифровать именник на материале чувашского языка⁶.

Молодой Радлов, находившийся тогда на стажировке в Барнауле, не посмел, видимо, отказать в просьбе известному столичному академику и послал ему несколько туманный ответ о некоторых возможностях отождествления вокабул с чувашскими числительными. Например, вокабулу «сомор» он

³ *Romanische Studien von Robert Rösler*. Leipzig. 1871. s.243.

⁴ ИОАИЭ, т. XXVII, вып. 1. Казань, 1911, с. 445.

⁵ Гильфердинг А. Собрание соч. СПб., 1868, с.74; Карасик А. Болгарская письменность (подробный перечень литературы см.: Журн. «Вопросы истории», 1950, №5, с.115-118).

⁶ Куник А. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому именнику. — В кн.: Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Приложение к 32 тому Записок РАН. СПб., 1878, с.118-161.

возводил к чувашскому *ikkĕ* «два», «четем» — к чувашскому *šičĕ* «семь», а также к *šitmĕl* «семьдесят», «дохс» и «текоу» оба возводил к *vätär* «тридцать», «шехтем» — к *sakär-vunnă* «восемьдесят», «тутом» — к хĕгĕх «сорок», а окончания вокабул на -ом и -ем истолковал как числительное *vunnă* «десять». В результате такого произвольного толкования Радлов вывел несуществующие в чувашском языке «числительные»; например, «диллом твирем» истолковал как «пять двадцать», «шегор вечем» — как «восемь тридцать», «текоу четем» — как «девять семьдесят», «дван шехмет» — «четыре восемьдесят» и т.д. Однако что означают эти бессвязные слова, он и сам объяснить не мог⁷, поскольку единицы в его «двузначных числах» оказались впереди десятков. Такая обратная последовательность в структуре сложных числительных чужда не только чувашскому, но и большинству других тюркских языков; нечто подобное можно встретить лишь в сарык-югурском языке и в древних орхоно-енисейских письменах, где некоторые сложные числительные имеют иную структуру и количественное значение⁸.

Если бы Радлов не был тогда связан с просьбой влиятельного академика Куника и отнесся к расшифровке именника более объективно, он наверняка пришел бы к выводу не в пользу гипотезы Куника, а скорее в пользу высказывания Гезы Кууна, считавшего вокабулы турецкими лексемами. В самом деле, многие вокабулы гораздо более близки к общетюркским числительным, нежели к чувашским. Например, вокабула «верени» более созвучна с тюркским *berençe* «первый», чем с чувашским *rĕttemĕš*; вокабула «дохс» более созвучна с тюркским *toquz* «девять», чем с чувашским *tăxăr*; «вечем» тоже более похоже на тюрк. *üçop* «тридцать», чем на чув. *vätär*; «читем» и «шехтем» тоже более созвучны с тюркскими *žiten* и *siksen*, нежели с чувашскими *šitmĕl* «семьдесят» и *sakărvunnă* «восемьдесят». Окончания вторых вокабул -ом и -ем гораздо лучше сопоставимы с тюркским *op* «десять», чем с чувашским *vunnă*. Кроме того, о восьми князьях в именнике прямо сказано «род емоу Доуло», а род Дуло, как известно, не был собственно болгарским, а был западно-тюркским, из потомков Ашинов, узурпировавших в VII веке болгар, что также говорит о большей вероятности употребления в имен-

⁷ Куник А. Указанное соч., с. 138-143.

⁸ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л., 1980.

нике общетюркского з-языка. Однако молодой Радлов пренебрег этими данными и написал Кунику, что это «наречие очень близко к чувашскому». Но в том же письме он недвусмысленно оговорился: «Согласно желанию Вашему... я пришел к изложенным выше выводам», но «я чувствую сам всю неудовлетворенность... своих изысканий»⁹.

Однако это признание Радлова не остановило Куника, вознамерившегося обнародовать свою гипотезу. В 1878 году он дополнил ответное письмо Радлова своими суждениями, изложил историю проблематики и, снабдив все это броским заголовком «О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому именнику», опубликовал в приложении к 32-му тому «Записки Российской академии наук»¹⁰. Так появилась на свет эта версия о «родстве хагано-болгар с чувашами», а вместе с тем и о мнимом родстве протоболгарского языка с чувашским.

После публикации Куника многие его последователи пытались исправить и совершенствовать неудачные сопоставления Радлова. Например, Бьюри предлагал полученные Радловым «обратные» числительные рассматривать как примеры особой числительной системы, бытовавшей в древности. Он же, в отличие от Радлова, предлагал под вокабулой «твирем» подразумевать не «двадцать», а «тридцать», и под вокабулой «вечем» подразумевать не «тридцать», а «сорок» и др.¹¹. В. Златарский предлагал полученные Радловым числительные рассматривать как обозначения периода времени, прошедших со дня начала предполагаемого древнеболгарского летоисчисления и до воцарения упомянутых князей¹². Были и другие попытки совершенствования этой версии о числовом значении вокабул, но ни одна из них не привела к ожидаемым результатам. Поэтому в начале нашего столетия версия Куника — Радлова была окончательно отвергнута, а вместо нее предложена совершенно новая версия, рассматривающая вокабулы как названия дат древнетюркского «животного» календаря.

Основателем этой новой версии по праву считается финский лингвист И. Миккола, хотя идея эта впервые была вы-

⁹ Куник А. Указанное соч., с.130, 143.

¹⁰ Куник А. Указанное соч., с.118- 161.

¹¹ См.: ИОАИЭ, т. XXIX, вып.4, с.131-132.

¹² Златарский В. Болгарское летосчисление.— Известия Отдела русского языка и словесности РАН, т. XVII, кн.2. — СПб., 1912, с.28-59; Петровский Н. О летосчислении древних болгар.— ИОАИЭ, т.27, с.433-500.

сказана Бьюри. Отвергая мнение Куника, Радлова, Златарского и других авторов, рассматривавших вокабулы как имена числительные. Миккола предлагал рассматривать их как названия годов и месяцев восточного «животного» календаря, бытовавшего также у средневековых тюрков¹³. По его мнению, в каждой паре вокабул именника первые слова являются названиями животных, обозначающими годы, а вторые — числительными, обозначающими порядковые номера месяцев в году. Притом названия животных, по его мнению, были взяты из разных тюркских и нетюркских языков. Например, вокабулу «шегор» он возводил к тюркскому *syğur* «корова», обозначающему якобы год быка; вокабулу «сомор» возводил к монгольскому *moγin* «лошадь», «дван» — к огузскому *davšan* «заяц», «диллом» — к общетюркскому *jylan* «змея», «тох» — к джагатайскому *tahuk* «курица», «дохс» — к тюркскому *tongyuz* «свинья», «текоу» — к огузскому *koç* «баран», «верени» — к чувашскому *sävär* «сурок» и т.д. Вторые же вокабулы в каждой паре (твирем, вечем, алем, четем, шехтем, алтом, тоутом) Миккола считал числительными, обозначающими порядковые номера месяцев в году. Поскольку в году имеется не более тринадцати лунных месяцев, а в именнике имеются числительные даже «пятьдесят» (алем), то Микколе пришлось таким вокабулам присваивать другие числовые и даже нечисловые значения. Например, вокабулу «алем» он возвел к чагатайскому *iläg* «перед», придав ему значение «первый месяц в году»; вокабулу «твирем», считавшуюся чувашским *širēm* «двадцать», возвел к чув. *täxxär* «девять», а для объяснения вокабулы «текоу» пришлось ему приписывать чувашскому языку несуществующее слово *koç* «баран» и т.д.¹⁴ Путем такого произвольного подбора слов и их значений он получил некие подобия календарных дат: «диллом твирем» рассматривал как «змея девятая» и объяснял как «девятый месяц года дракона», «шегор вечем» — как «корова третья» со значением «третий месяц года быка», «верени алем» — как «сурок пятый» со значением «первый месяц года мыши» и т.д. Однако общеизвестно, что древние тюрки, как и монголы или китайцы, не употребляли таких условных названий календарных дат. Например, в орхоно-енисейских письменах все даты обозначены пол-

¹³ Миккола И. Хронология дунайских болгар.— ИОАИЭ, т. 29, вып. 4, с. 129-161.

¹⁴ Миккола И. Указанное соч., с. 144.

ностью, с употреблением слов «год», «месяц», «день».

Поскольку версия Микколы оказалась во всех отношениях неубедительной, а главное, не сближающей вокабулы именика с чувашским языком, сторонники болгаро-чувашской концепции не раз предпринимали попытки к ее «совершенствованию», внося различные поправки и дополнения. Сам Ашмарин, ранее опиравшийся на числовую версию Куника — Радлова, в 1917-1923 годах полностью отрекся от нее и принял попытку «очувашить» новую версию Микколы тоже. Например, вокабулу «сомор», возведенную Микколой к монгольскому *morin* «лошадь», он предлагал возводить к чувашскому *ămărt* «орел», «верени» возводил к чув. *răgan* «молодняк овцы», «текоу» — к чув. *šăxă* «курица», «твирем» — к чув. *terëġ* «другой, иной», «диллом» — к чув. *šëlen* «змея», «алем» — к чув. *ülëm* «потом, в будущем», «шехтем» — к чув. *šiččë* «семь», а для остальных вокабул (*тох*, *дохс*, *дван*, *четем* и др.) Ашмарин не нашел созвучных слов, но тем не менее утверждал, что такие слова могли существовать в чувашском языке когда-то в прошлом¹⁵.

О. Прицак, находя поправки Ашмарина тоже неудачными, предлагал оставить в силе сопоставления Микколы в отношении вокабул «диллом», «твирем», «шегор», «вечем», «тох», «дохс», а вокабулу «верени» предлагал возводить к тюрк. *büge* «волк» и истолковать как «год волка», хотя такого названия месяца нет в восточных календарях. Находя неуместным сопоставление вокабулы «сомор» с монгольским «лошадь», Прицак предлагал для лошади выделить первый слог из слитной вокабулы «имаше горалем», то есть «има-», и истолковать его как название лошади в предполагаемом протоболгарском языке¹⁶.

После Прицака тоже не раз предпринимались попытки к совершенствованию версии Микколы. Например, В.Ф. Каховский предлагает вокабулу «текоу», возведенную Ашмариным к чув. *šăxă* «курица», возводить к чув. *taka* «баран», а вокабулу «сомор» возводить к гипотетическому *saġar* «лошадь», хотя такого слова тоже нет и не было в чувашском языке, как и в других тюркских языках¹⁷.

¹⁵ Ашмарин Н. И. Несколько слов о труде И. И. Микколы «Хронология дунайских болгар». — ИОАИЭ, т. 32, вып. 2, с. 227-237.

¹⁶ Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden. 1955.

¹⁷ Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. — Чебоксары, 1965, с. 276-278.

В последнее время в защиту версии Микколы высказались Д. Г. Мухаметшин и Ф.С. Хакимзянов¹⁸, мотивируя ее тем, что окончания -ом -ем в вокабулах «алем», «вечем», «тутом» и др. являются тюркским аффиксом порядковых числительных, встречающимся и в татарском языке, и в языках волжских булгар, и северокавказских протоболгар. Однако это мнение не соответствует действительности. Языку волжских булгар аффикс -ом -ем приписывают по ошибке, принимая месельменские эпитафии 2-го стиля за болгарские. На самом же деле в тюркских языках такого аффикса порядковых числительных не существует, как не существовало его и в болгарском языке.

Было высказано множество и других предложений по расшифровке этого именника. В частности, Томашек и Геза Куун предлагали рассматривать все вокабулы как хвалебные эпитеты болгарских князей, а Моравчик предлагал рассматривать их как девизы правления тех же князей¹⁹. И. Дринов, Р. Стойков, И. Глыбов, М. Москов и др. считали вокабулы славянскими календарными датами древних болгар, а М. Н. Тихомиров предлагает дешифровать их на материале тюркских языков и т.д. Но все эти предложения страдают одними и теми же недостатками. Во-первых, все дешифровальщики противоречат один другому и поэтому одни и те же вокабулы истолковывают совершенно по-разному. Например, вокабулу «верени» Куник и Радлов «расшифровывают» как чувашское числительное *рётге* «один», Миккола — как чув. *sävär* «сурок», Ашмарин — как чув. *рăгап* «молодняк овцы», Прицак — как тюрк. *büre* «волк». Вокабулу «шегор» Куник и Радлов рассматривают как чув. *sakkâg* «восемь», Иричек — как венгерское *szigoru* «суровый, грозный», Миккола — как тюрк. *syğur* «корова», Гольдберг — как араб. *sâhir* «знаменитый». Вокабулу «сомор» Куник и Радлов «расшифровывают» как чув. *ikkë* «два», Миккола — как монг. *morin* «лошадь», Ашмарин — как чув. *âmärt* «орел», Каховский — как гипотетическое *samâr* «лошадь» и т.д. и т.п. Одним словом, во всех этих расшифровках нет ничего определенного и достоверного — все варианты являются лишь субъективными гаданиями или, по выражению самого Ашмарина, «гадательными предположениями».

¹⁸ Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. — Казань, 1987, с.67, 81.

¹⁹ См.: ИОАИЭ, т. XXIX, вып. 4, с. 130-131.

Кроме того, все энтузиасты по расшифровке в своих суждениях ограничиваются нахождением в том или другом языке одного-двух слов, созвучных с вокабулами, и считают, что они уже нашли ключ к расшифровке всего именника, в то время как остальные вокабулы оставляют необъясненными. Между тем в дешифровальном деле всякий текст считается расшифрованным лишь в том случае, если найденный ключ подходит ко всему тексту в целом и раскрывает полностью его смысл; в противном случае текст не может считаться расшифрованным. Именно такую незавершенность имеют все предложенные до сих пор попытки разгадать этот именник.

Никто не знает, будет ли он вообще когда-нибудь расшифрован. Многие авторы, например, Б. Мункачи, К. Шкропила, И. Шишманов, И. Занетов, В. Н. Степанов, Н. Н. Поппе, Вамбери, И. Бенцинг, К. Менгес, В. Т. Сиротенко и другие, высказываются на этот счет совершенно отрицательно. Н. Н. Поппе, например, об этом писал: «Болгарский именник содержит ряд совершенно искаженных и невозстановливаемых форм. Это необходимо иметь в виду и лучше отказаться вообще от сопоставления форм именника с нынешними чувашскими (словами) и от исторических построений на основании этого лишь материала». Н. Шкропила тоже считал совершенно бесполезным пытаться отождествлять вокабулы «Именника» с современными словами. Все сказанное дает нам основание согласиться с оценкой всех исследований «Именника», данной В. Т. Сиротенко в 1961 году. Он пишет: «После опубликования «Именника», а в дальнейшем при выявлении новых памятников с древнеболгарскими именами и непонятными словами сторонники различных теорий по вопросам происхождения и этнической принадлежности болгар и болгарского народа, усердно искали в них обоснований для своих точек зрения... Все попытки прочитать «Именник», предпринятые этими исследователями, оказались безуспешными, и, следовательно, выдвинутые ими на основе этого чтения различные теории несостоятельны с научной точки зрения»²⁰.

Однако, исходя из результатов объективного анализа других источников, можем предсказать, что если эти слова «Именника» будут достоверно расшифрованы, все равно они не будут подтверждать правильность болгаро-чувашской кон-

---

²⁰ Сиротенко В.Т. Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV-VII вв.— Ученые записки Пермского университета. Пермь, 1961, т. XX, вып. 4, с. 6-7.

цепции. На это обратил внимание еще в 1900 году болгарский ученый И. Д. Шишманов. Он писал, что в «Именнике» имеют слова с начальными д, г, б, что противоречит чувашской фонетике. Например, doulo, dilom, doxc, Gostun, goralem, Bezmer.

Противоречит чувашской фонетике сам этноним болгар. Если бы болгары говорили на чувашеподобном языке, то они распространили бы этноним не болгар, а палгар ~ палхар или мургар. Исходя из таких моментов, И. Д. Шишманов делает вывод, что протоболгарский язык не имеет никакого сходства с чувашским языком, он был близок к чагатайскому языку²¹. Надо полагать, что этот известный болгарский ученый был знаком с литературным чагатайским языком, который носил огузо-кыпчакский характер.

Одним словом, многие авторы считают исследования именника совершенно бесполезным занятием и на этом основании предлагают прекратить его обсуждение. Однако, нам кажется, не следует делать окончательных выводов и исключать всякую возможность дальнейшего изучения этого памятника. Негативные отношения многих лингвистов к его изучению возникли не столько из-за отсутствия в нем всякой историкографической значимости, сколько из-за неубедительных выводов его исследователей, которые нередко тенденциозно стремились возводить его вокабулы непременно к чувашскому, венгерскому или же самодийскому языкам из-за малой изученности последних. Не исключено, что вокабулы именника действительно являются искаженными протоболгарскими словами, хотя совершенно ясно, что к чувашскому языку они не имеют отношения. Возможно, когда-нибудь в будущем вокабулы эти все же будут разгаданы и расшифрованы. Нам кажется, такая возможность открывается, если рассматривать все вокабулы как протоболгарские числительные, искаженные вследствие первоначального написания их знаками тюркской руники, но об этом речь будет несколько позже, в разделе о протоболгарском языке (см. гл. VII настоящей книги). А пока этот именник не расшифрован и поэтому ссылки на него как на доказательства «родства хагано-болгар с чувашами» по крайней мере неуместны.

---

²¹ Шишманов И.Д. Критичен преглед на вопроса за происхождения на прабългарите от езиково гледище и етимологните на името «българин». — Сборник За народни умотворения, наука и книжина, издава Министр. на народното просвещение, книга XVI и XVII. София, 1900, с. 684.

Более того, ссылки эти и не имеют важного значения для решения проблемы, потому что для выявления особенностей протоболгарского языка существуют, кроме именника, и другие более достоверные источники, прежде всего сам болгарский язык и его древние письменные памятники. Эти источники позволяют вполне определенно судить о характере протоболгарского языка и без вокабул именника, тем более что именник этот написан лишь в XVI веке и обнаружен не в самой Болгарии.

Наиболее достоверным и доступным источником для выявления особенностей протоболгарского языка служит, бесспорно, сам живой болгарский язык с его древними протоболгарскими субстратами. Известно, что современный болгарский язык сложился в результате ассимиляции протоболгарского тюрки южнославянским языком, после чего в нем сохранились субстратные тюркизмы. Если бы протоболгарский тюрки был чувашского типа р-языком, то и среди субстратных тюркизмов сохранились бы элементы чувашского типа р-языка. Но их в болгарском языке как раз нет. В лексическом составе современного болгарского языка насчитывают более тысячи тюркизмов, среди них есть и слова, одинаковые с чувашскими (типа адаш «тезка», арслан «лев», токмак «колодушка», бозов «серый», балдъза «своячница» и проч.), но все они восходят к тюркским з-языкам, и нет среди них ни одной лексемы с признаками ротацизма и ламбдаизма. Между тем сторонники булгаро-чувашской концепции пытаются утверждать, что они все же есть. Например, В. Д. Дмитриев вслед за Ашмариним и Каховским утверждает, что «в славянском языке дунайских болгар сохранилось несколько тюркизмов с ротацизмом, соответствующие чувашским словам»²². В качестве примера таких «чувашизмов» обычно указывают на древние славянизмы, когда-то проникшие в чувашский язык, или же на болгарское слово керка «дочка», которую ошибочно возводят к чувашскому хѣт «дочь». Между тем болгарское «керка» генетически восходит не к чувашскому хѣт «дочь» и не к тюркскому куз «дочь», а к древнетюркскому hārka «неженка» (ср. чув. хѣтке «неженка; любимица», тат. irkã «неженка, баловень», ат., тел., ст.узбек. ārka «неженка, любимица, баловень» и т.д.).

Одним словом, в современном болгарском языке нет чуваш-

---

²² Дмитриев В. Д., О последних этапах этнонегеза чувашей.— В кн.: Болгары и чувашы.— Чебоксары, 1984, с.29.

шизмов с ротацизмом и ламбдаизмом, а есть лишь общетюркизмы, которые восходят частично к протоболгарскому тюрки, а в большинстве своем являются поздними заимствованиями из турецкого, гагаузского и кыпчакского языков. Поэтому К. Г. Менгес справедливо пишет: «Когда печатно провозглашают, что в современном болгарском языке представлено много общих с чувашскими слов типа дост (болг.) — тус (чув.), душек (болг.) — тушек (чув.), чавка (болг.) — чавка (чув.) и др., то их авторы делают грубую ошибку, так как здесь речь идет о турецких заимствованиях в болгарском языке, которые по своему фонетическому облику ничем не отличаются от кыпчакских заимствований в чувашском языке»²³...

Поскольку в живом болгарском языке отсутствуют тюркизмы чувашского типа, некоторые авторы выискивают их в древних письменных памятниках болгар и тоже, разумеется, безуспешно. Например, когда был обнаружен в Тыче обломок гранитной колонны дворца Омуртага с древней надписью, появились сенсационные сообщения о наличии в ее тексте тюркизмов чувашского типа²⁴. Поскольку никаких чувашизмов найти в тексте не удалось, то все доводы ашмаринистов свелись к содержащемуся в ней непонятному слову *sigor*, которого пытались возводить то к чувашскому *sakkār* «восемь», то к тюрк. *syğut* «корова». Расшифровка надписей с известного Сент-Миклошского клада тоже привела некоторых авторов к поспешным выводам о наличии чувашизмов в надписи на золотой чаше с отверстием, но последующие уточненные чтения надписей опровергли эту версию²⁵. Точно так же и после обнаружения в «Житии» святого Афанасия Александрийского непонятной фразы «ехтъ бехти» иные авторы пытались выдать ее за тюркизмы чувашского типа, но в чувашском языке ничего похожего найти не удалось²⁶. Недавно В. Бешевлиев принял было за чувашизм обнаруженное им в греческом тексте слово *subihī* или *subuhi*, которое тоже не имеет никакого соответствия в чувашском языке²⁷.

---

²³ Менгес К. Г. Взаимен интерес.— Цитируется по кн.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2, с.21-22.

²⁴ Известия Русского археологического института в Константинополе, т. X, 1905.

²⁵ Малов С. Е. Болгарская золотая чаша с турецкой надписью. В кн.: Казанский музейный вестник. №1.-2.— Казань, 1921, с. 67-72.

²⁶ Миккола И. Указ. соч., с.144-145.

²⁷ Бешевлиев В. Първобългарски надписи.— Годишник на Софийския Университета, I. Ист. фил. фак.— София, 1953.

Одним словом, в древних письменных памятниках не имеется никаких тюркизмов чувашского типа. Этот факт признается теперь всеми компетентными лингвистами. Поэтому сторонники болгаро-чувашской концепции ищут объяснение этому явлению в экстралингвистических обстоятельствах. В частности, К. Г. Менгес пытается объяснить этот факт следующим рассуждением: «Это удивительное обстоятельство (отсутствие чувашизмов.-К.-Ю.), — пишет он, — находит себе объяснение в самой природе древнеболгарских текстов, представляющих собою переводы с греческого исключительно церковного значения. Даже в светские тексты не допускались алтайские (т.е. чувашского типа) слова. Несомненно, алтайские слова сохранились в разговорной речи населения, но они изгонялись из церковноориентированной письменности; более того, алтайские болгарские слова могли запрещаться как языческие и варварские»²⁸.

Как видим, объяснение весьма странное и неубедительное: не запретило же христианство ни строителям дворца Омуртага, ни зопану Бутулу употреблять в письме свои тюрко-болгарские слова. Менее всего вероятно, чтобы христианство, разрешившее богослужение на «варварском» языке, запрещало употребление болгаризмов в обычной светской письменности. Ясно, что причина здесь совсем иная: просто не было тюркизмов чувашского типа в протоболгарском тюрки — язык этот был таким же зетацирующим, каким был и язык волжских болгар. Во всяком случае, ни в древних письменных памятниках, ни в живом болгарском языке, ни в славяно-болгарском именнике не обнаруживаются признаки чувашского типа р-языка.

---

²⁸ Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, с. 51.

Г Л А В А IV

О ЧУВАШИЗМАХ В ДРЕВНЕБАЛКАРСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПИСЬМЕНАХ

Следующим «доказательством» существования у волжских булгар р-языка считаются предполагаемые чувашизмы, обнаруженные в наскальных рунических письменах северокавказских балкар. Поскольку балкары считаются исторически родственниками волжских булгар, то наличие чувашизма в их языке, естественно, должно бы свидетельствовать о р-язычности волжских булгар тоже. Поэтому сторонники булгаро-чувашской концепции не раз обращали свое внимание на характер этого северокавказского языка, но ни в самом балкарском языке, ни в его диалекте, называемом карачаевским языком, не находили никаких признаков ротацизма и ламбдаизма, так как обе эти этнические группы балкар говорят на обычном тюркском языке кыпчакской группы. В связи с этим строились предположения о существовании р-языка у древних балкар, полагая, что когда-то этот народ говорил на р-языке, а затем с приходом в Предкавказье кыпчаков переняли кыпчакский язык. Но подтвердить эту гипотезу не удалось из-за отсутствия древних письменных памятников балкарского языка. И вот, наконец, в 1970-х годах такие письменные памятники были найдены в горных ущельях Северного Кавказа вместе с древними наскальными погребениями горцев, в связи с чем булгаро-чувашская концепция ашмаринистов получила себе новое «подтверждение». Но прежде, чем перейти к рассмотрению этих письменных памятников, напомним вкратце об обстоятельствах, в которых происходила эта необычная находка.

Вообще-то о существовании странных надписей и наскаль-

ных погребений в горах Северного Кавказа знали давно. Внимание исследователей привлекало то, что в ущельях вокруг Эльбруса часто встречаются странные наскальные погребения, совершенные в выдолбленных в скалах небольших пещерах с четырехугольным, а иногда и круглым входным отверстием. Кем были эти люди и в какие века совершались эти погребения — никто не знал. Живущие в этих местах народы Северного Кавказа не имеют подобных погребальных обрядов и даже не знают преданий о существовании таких обрядов когда-либо в прошлом. Антропологические исследования черепов, найденных в развалах некоторых пещер, тоже не дали определенных результатов, поскольку в них были обнаружены признаки как долихокрании (длинночерепность), так и брахикрании (короткочерепность). Поэтому основное внимание исследователи сосредоточили на писаницах вокруг этих погребений, полагая, что разгадка их содержания приведет к определению этнической принадлежности самих памятников.

Писаницы эти представляют собой довольно разнообразные фигурки, похожие на иероглифы, врезанные в камень или же нарисованные коричнево-красной охрой. Расположены они группами иногда над входом в пещеру, в других случаях рядом с ней, а иногда и в глубине пещерки, где-нибудь на гладкой поверхности. Количество знаков около каждой пещерки варьирует от единицы до нескольких десятков. Если внимательно присмотреться к ним, то можно подразделить их на четыре вида: на обычные пиктограммы, на личные тамги, на рунические знаки и буквы уйгурского письма. Расположены они все вместе, вперемежку, без всяких разграничений.

Пиктограммы представляют собой схематические изображения людей, зверей и птиц, похожие на примитивные детские рисунки. Иногда они изображают отдельных животных, а иногда — целые сцены охоты на зверей. По технике исполнения они ничем не отличаются от пиктограмм людей каменного века, встречающихся во всех уголках земного шара.

Другую разновидность писаниц составляют наиболее разнообразные по форме фигурки, которых можно принять за личные тамги или личные эмблемы древних людей. У бесписьменных народов такие тамги обычно служили знаками собственности — ими метили личные вещи или личный скот, чтобы не путать их с чужими. Обозначали ими также место своей стоянки или место погребения умершего человека. Чувашки, например, тамгу умершего человека рисовали и

на его надгробии, чтобы не путать его могилу с другими соседними могилами. На приэльбрусских наскальных писаницах их почему-то очень много — около каждой могилы нарисовано по несколько тамг. Возможно, некоторые из них принадлежали погребенным здесь людям, а остальные могли принадлежать их родственникам и близким, участвовавшим в ритуале погребения или же в сооружении пещеры. Удивляет то, что одни и те же тамги иногда встречаются около нескольких пещерок. Возможно, это свидетельствует о сооружении этих могил одними и теми же мастерами.

От обычных тамг несколько отличаются более сложные знаки, похожие на уйгурские буквы. Некоторые исследователи предполагают, что люди, создававшие приэльбрусские памятники, пользовались уйгурским письмом, хотя наличие в тех же памятниках рунической письменности как будто противоречит этому, поскольку народы обычно пользуются какой-нибудь одной письменностью.

Что же касается рунических знаков, то они встречаются в писаницах несколько реже, чем тамги. Значение их тоже не совсем ясно. Хазары, например, часто использовали рунические знаки в качестве своих личных тамг. В частности, при всенародном сооружении Саркелской крепости каждый житель Хазарии обозначал своей личной тамгой изготовленные им кирпичи, и на этих кирпичах теперь исследователи находят много разрозненных рунических знаков. Предполагать, что и в приэльбрусских писаницах руны использовались исключительно только в качестве личных тамг, довольно трудно, потому что здесь не все они нарисованы поодиночке и вразброс, а есть и групповые руны, которых можно принять за связанные между собой знаки буквенного письма.

В отношении этнической принадлежности этих наскальных памятников существуют различные точки зрения. Одни исследователи приписывают их древним кавказским горцам, другие — средневековым тюркоязычным, даже ираноязычным аланам, третьи, как, например, Г. Ф. Турчанинов, — северокавказским косогам, четвертые — хазарам¹ и т.д. Но большинство исследователей все же склонно приписывать их горным аланам. Так, например, Т. М. Минаева, посвятившая

---

¹ Мухамадиев А. Г. Монеты как источник по изучению болгарского языка. — В кн.: Исследования по источниковедению истории Татарии. Казань, 1980; Он же. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983, с. 170-175.

этим памятникам специальные исследования, считает их творениями аланов, пришедших в Приэльбрусье в VI веке н.э. под натиском кочевых тюрков и вынужденных здесь за неимением свободной земли хоронить своих умерших в скалах². А. П. Рунич тоже приписывает памятники аланам, полагая, что, оказавшись прижатыми в горах, аланы трансформировали свои традиционные погребальные катакомбы в наскальные пещеры. С этим мнением согласны также исследователи Г. Ф. Турчанинов, М. А. Хабишев, В. А. Кузнецов³ и многие другие. Но необходимо иметь в виду, что под аланами одни авторы понимают предков ираноязычных осетин, другие — предков тюркоязычных балкар и карачаевцев.

Другой карачаевский ученый, С. Я. Байчоров, в 1970-х годах выдвинул совсем иную точку зрения. По его мнению, памятники эти принадлежали не аланам (под аланами он понимает только ираноязычных осетин), а северокавказским протоболгарам, то есть предкам нынешних балкар и карачаевцев. Основанием для такого вывода он считает наличие в составе наскальных писаниц рунических знаков и букв уйгурского письма, поскольку эти письменности были известны тюркам Центральной Азии и Сибири. Чтобы подтвердить свою гипотезу, он осуществил ряд дешифровок наскальных писаниц и обнаружил, что и руны, и буквы уйгурского письма при умелом их чтении образуют тюркские слова, относящиеся к древнему протоболгарскому языку. Собрав все копии наскальных писаниц и расшифровав их своим особым методом, Байчоров получил целую серию предполагаемых протоболгарских текстов и в 1977 году защитил по ним кандидатскую диссертацию⁴, а затем в последующие годы осуществил целый ряд публикаций, популяризирующих свое открытие, в

² Минаева Т. М. К истории алан верховья Кубани по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 227.

³ Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в X—XIII вв.— Советская археология, 1973, № 2, с. 64,68.

⁴ Байчоров С. Я. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности (автореферат кандидатской диссертации). М., 1977.

1989 году выпустил и обобщающую монографию⁵. В этих публикациях он выдвинул два основных тезиса. Первый его тезис состоит в том, что язык приэльбрусских рунических памятников — это тюркский язык северокавказских протоболгар, или, иначе говоря, язык предков нынешних балкар и карачаевцев. В своей монографии, включающей анализ рунических памятников не только северокавказского ареала, но и дунайского и волго-донского ареалов, он делает вывод о том, что «рунические надписи дунайского, волго-донского и северокавказского регионов — это памятники болгарских диалектов...»⁶. Второй его тезис состоит в том, что язык этих протоболгар был ротацирующим, похожим на языки волжских болгар и дунайских протоболгар, следовательно, и чувашей. «Анализ языка рунических памятников Приэльбрусья показал,— пишет он,— что по своим графо-фонетическим особенностям он — протоболгарский, имеющий дь-и дж-диалекты, которым характерен ротацизм. Первый из них известен как дунайскоболгарский, второй — как волжскоболгарский»⁷. Его методика исследования такова: полностью поверив теории чувашезычности протоболгар, он начинает целенаправленно искать нужные ему признаки и обязательно находит.

Эти выводы Байчорова явились такой же неожиданной сенсацией, какой были в прошлом столетии публикации Н. И. Ильминского по части волжскоболгарского языка и А. А. Куника в отношении хагано-болгарского языка дунайских протоболгар. И в том, и в другом случае отстаивалась одна и та же идея, что древний протоболгарский язык,— будь он на Дунае, в Поволжье или же на Северном Кавказе,— везде характеризовался одними и теми же особенностями чувашского типа р-языка.

Поскольку идея эта выглядит вполне логичной и на пер-

---

⁵ Байчоров С. Я. О протоболгарских географических названиях в верховьях Кубани.— В кн.: Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Черкесск, 1978; Он же. Диалекты протоболгарского языка по данным северокавказских рунических памятников.— В кн.: Лингвистическая география и проблемы истории языка. Часть II. Нальчик, 1981; Он же. Протоболгарские рунические памятники Балкарии в их диалектном членении.— В кн.: IX-я конференция по диалектологии тюркских языков. Тезисы, доклады и сообщения. Уфа, 1982; Он же. Протоболгарские эпиграфические памятники наскальных могильников кубано-терского междуречья.— В кн.: Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесий. Черкесск, 1983; Он же. Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь, 1989.

⁶ Байчоров С. Я. 1989, с. 282.

⁷ Байчоров С. Я. 1977, с.19-23.

вый взгляд кажется достаточно обоснованной, работы Байчорова тоже, как и работы Кунике и Ильминского в прошлом веке, нашли себе немало горячих сторонников. Например, положительно отозвались о них археологи В. Б. Ковалевская⁸, Х. Х. Биджиев и М. П. Абрамова⁹ и особенно восторженно восприняли их ашмаринисты, обрадованные тем, что найдено новое подтверждение отстаиваемой ими болгаро-чувашиской концепции. Например, заслуженный деятель науки Чувашской АССР В. Д. Димитриев не без восторга писал: «Байчоровым выявлены и исследованы памятники северокавказской болгарской рунической письменности с характерным для их языка ротацизмом»¹⁰. В унисон с ним восторгались и некоторые казанские ученые. В частности, Д. Г. Мухаметшин и Ф. С. Хакимзянов писали: «Стало быть протоболгары (Приэльбрусья. — Я. Ю.), исходя из природных условий, в честь погребенных сооружали поминальные дома и составляли надписи» на древнеболгарском языке, имея при этом в виду то, что, по их мнению, древнеболгарский язык характеризовался чувашскими особенностями¹¹.

Но тексты, вычитанные Байчоровым в рунических письменых, весьма сомнительны и существуют скорее всего в воображении их чтеца, нежели в реальности. Те же рунические знаки, при чтении их другими авторами, часто не образуют тех тюркизмов, которые вычитаны Байчоровым. Дело в том, что тюркское руническое письмо и само по себе весьма несовершенно: в нем одни и те же руны зачастую обозначают по нескольку фонем. Например, руна в виде вертикальной палочки с крючком на конце (Г) обозначает одновременно семь различных фонем: «е», «э», «и», «ы», «л», «п», «пь». Поэтому в рунических письменых одна и та же фонема может обозначаться разными рунами, что позволяет одну и ту же запись читать по-разному. С. Я. Байчоров к тому же не придерживается общепринятых правил чтения — он читает руны произвольно, по своей собственной системе, которую никак не назовешь научной. Заранее поставив перед собой задачу обнару-

⁸ Ковалевская В. Б. Северокавказские древности.— В кн.: Археология СССР. Т. I. М., 1981.

⁹ Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре.— Советская археология, 1978, №1.

¹⁰ Димитриев В. Д. О последних этапах этногенеза чувашей.— В кн.: Болгары и чувашы. Чебоксары. 1984, с. 29.

¹¹ Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники рода Булгара. Казань, 1987, с. 15.

жить в писаницах чувашеподобные тюркизмы, он на разных этапах работы с текстом постепенно трансформирует его в нужном направлении и в конечном итоге получает то, что ему требовалось. Уже на стадии копирования и снятия эстампажей с наскальных писаниц постепенно «корректирует» их под видом восстановления стертых мест и дорисовки недописанных штрихов. Затем во втором этапе работы, выделяя из общей кучи писаниц рунические знаки, к последним причисляет не только действительные руны, но и надуманные им самим псевдоруны, которые, по его мнению, могли существовать в протоболгарской письменности. Например, часто встречающееся в наскальных писаницах изображение лестницы , он читает как букву «д» или «дъ», хотя в тюркском руническом алфавите такой руны не существует. Затем на стадии чтения рун тоже допускает произвольные действия, читая их то справа налево, то слева направо, то сверху вниз, то снизу вверх, то находя одну руно внутри другой и т.д. — лишь бы это привело к образованию нужного тюркизма. А если в данной куче писаниц не находит нужных рунических знаков, то находит там же буквы уйгурского письма и тоже прочтет их по протоболгарски. Если в какой-то куче писаниц имеются лишние руны, которым нет соответствий в тюркских языках, то отождествляет их с созвучными словами из других языков, в частности из венгерского или чувашского, и тоже объявляет их «протоболгарскими», как это сделал, например, с писаницей «Гнакызы 12», где «обнаружил» слово «изден» («бог»), якобы заимствованное из венгерского «иштен» («бог») ¹².

Такие же вольности допускает и при огласовке консонантных рун. Там, где обычная огласовка не образует нужного слова, он тут же находит иную огласовку, образующую такое. Например, обнаружив среди писаниц Хасаутского ущелья два рядом стоящих по-вертикали графити , , Байчоров читает их как буквы «дъ» и «гъ». Затем, огласовав их через «о», получает слово «дъ(о)гъ», которого по аналогии с древнетюркским *joq* «кончина, погребение», истолковывает как «поминание» ¹³, хотя эти же руны можно было расшифровать и по-другому, например, огласовав через «а», читать как д(а)гъ (гора), или огласовав через два «а», читать как (а)дъ(а)гъ (нога), или огласовав через «а», «ы», «э», читать как «(а)д(ы)г(э)», то есть как этноним северокавказских ады-

¹² Байчоров С. Я. 1983, с. 117.

¹³ Байчоров С. Я. 1983, с. 109.

гейцев и т.д. В другом случае, обнаружив в писаницах «Гнаказы 2» три рядом стоящие графити 𐰇 , N , X , читает их как «д», «г», «з» и, огласовав через «о», «ы», образует слово «д(о)г(ы)з», которого по аналогии с предыдущим «дь(о)гъ» называет тоже «поминание»¹⁴, хотя те же руны при иной огласовке можно было прочесть и как «д(и)г(е)з» («ровный, гладкий»), и как «д(ы)г(ы)з» («тугой»).

Если же и при огласовке не получаются желаемые тюркизмы, то Байчоров переосмысливает их уже при семантизации, присваивая им требуемые смысловые значения. Например, при чтении одной из писаниц у него получилось непонятное слово «менчур», которому не нашлось соответствий ни в одном из тюркских языков. Тогда он делит это непонятное слово на два слога — на «мен» и «чур» — и приписывает каждому слогу отдельную семантику: «мен» толкует как тюркское слово «тысяча», а «чур» — как «волжскобулгарское» «сто» (по аналогии с чувашским «сьер» («сто»). А то, что в тюркских языках нет слова «чур» со значением «сто», а в чувашском нет слова «мен» со значением «тысяча», его несколько не смущает — лишь бы эти два слова, взятые вместе, приспособить для обозначения даты «тысяча сотый (год)» (разумеется, со дня рождения Иисуса Христа), которой он хочет датировать данный наскальный памятник. Притом делает это совершенно неуместно, без учета истории христианских календарей, ибо в тысяча сотых годах не только языческие протоболгары Приэльбрусья, но и сами христиане на Востоке еще не вели счет годам со дня рождения Христа, а пользовались древнебиблейским календарем, ведущим счет годам со дня сотворения мира, как это мы находим в византийских хрониках и русских летописях раннего периода.

Такие искусственно надуманные слова в предложениях обычно не согласуются между собой и остаются бессвязными наборами слов, как, например, в тексте писаницы «Гнаказы 12», где мы читаем: «(А)лб(э)р (э)рдмлгъ (и)зден ос й(а) (а)джа» («Богатырь муж мужество бог ос(етин) ай отец»). Чтобы придать таким наборам слов какой-то определенный смысл, Байчоров обычно придумывает им смысл уже при переводе на русский язык и тем самым доводит, что называется до нужной кондиции. Например, в одной из пространных писаниц Приэльбрусья он вычитал 7 совершенно бессвязных слов: «Джгутур учемэ менчур элинче ур бити эшген». Лю-

¹⁴ Байчоров С. Я. 1983, с. 109.

бой переводчик без предвзятых мнений перевел бы их на русский язык примерно такими словами: «Джгутур втроем с Менчур и Элинче сделали пещерку и надпись», так как «бити» можно переводить как «надпись», «ур» — как «ров» или «пещера», «эшген» — глагол «сделал», «учемэ» — «втроем» (собирательно-разделительное числительное от «уч» — («три»)), а малопонятные слова «Джгутур», «Менчур», «Элинче» можно истолковать как личные имена. Но Байчоров переводит их с совершенно иной семантикой: «В третьем (месяце года) горного козла, в тысяча сто пятидесятом, выбитой надписью воздам хвалу». Как видим, весь текст русского перевода здесь придуман заново, ибо в числе семи слов переводимого оригинала не было ни «года горного козла», ни «третьего месяца», ни «выбитой надписи», ни «воздам хвалу»; не было в них и фразы «тысяча сотый (год)» — она образована, как мы уже отметили выше, от слова «Менчур» путем его расщепления на два самостоятельных слога.

Вот так, с начала и до конца, на всех этапах расшифровки писаниц Байчоров неизменно трансформирует их по своему усмотрению и в конечном итоге выдает «протоболгарские тексты». При таком методе расшифровки те же самые рунические знаки можно прочесть не только на протоболгарском, но и на любом другом языке мира.

По убеждению самого Байчорова, как и его последователей, все представленные в его публикациях тексты являются, бесспорно, протоболгарскими, о чем, по его мнению, свидетельствует несомненное сходство их языка с «языками волжских болгар и дунайских протоболгар».

Но если даже предположить, что расшифрованные им тексты действительно являются протоболгарскими, и что имеющиеся в них шероховатости обусловлены лишь несовершенством самой рунической письменности, то и тогда нет оснований утверждать, что приэльбрусский протоболгарский язык был ротацирующим. Чтобы доказать его ротацирующий характер, Байчоров и его последователи обычно стремятся отождествлять его с «волжскобулгарским» р-языком, вместо того, чтобы отождествлять с подлинным болгарским з-языком. Отсюда исходит целый ряд необоснованных сопоставлений и ошибочных выводов, направленных на доказательство родства этих двух языков.

Например, ссылаются на сходство приэльбрусского протоболгарского языка с волжскобулгарским по признаку нали-

чия в них двух аналогичных диалектов: в волжскобулгарском языке дж -и т-диалектов, а в приэльбрусском протоболгарском языке дж -и дъ-диалектов. «Анализ языка рунических памятников Приэльбрусья показал, — пишет Байчоров, — что по своим графо-фонетическим особенностям он — протоболгарский, имеющий дъ- и дж-диалекты, которым характерен ротацизм»¹⁵. Однако, утверждая это, Байчоров не учитывает, что волжскобулгарский язык с его дж- и т-диалектами присущ лишь эпиграфике 2-го стиля и был отнюдь не булгарским, а чувашским (месельменским) языком. Что же касается собственно булгарского языка, представленного в текстах эпиграфики 1-го стиля, то он, наоборот, был зетацирующим и вовсе не имел дж- и т-диалектов. Поэтому наличие указанных диалектов в языке рунических памятников не может служить доказательством ни его сходства с подлинным булгарским языком, ни наличия в нем ротацизма.

Другим таким же косвенным доказательством ротацизма протоболгарского языка считают его сходство с волжскобулгарским по признаку употребления в них одинаковой грамматической формы порядковых числительных на -ом, -ем. В связи с тем, что в р-языке булгарской эпиграфики 2-го стиля порядковые числительные имели чувашского типа аффикс -ом,-ем (beget «первый», iket «второй», йсет «третий» и т.д.), Байчоров провозгласил, что он нашел такую же форму числительных и в языке рунических памятников, в частности, в слове «учемэ» из приведенного выше бессвязного предложения «Джгутур учемэ менчур элинче ур бити эшген», где оно якобы имеет смысловое значение «третий». Но что это не так, свидетельствует имеющееся в том же предложении второе порядковое числительное «элинче» («пятидесятый»), которое оканчивается не на -ом,-ем, а имеет общетюркский формант порядковых числительных -нче. По словам Байчорова выходит, что в одном и том же предложении представлены два порядковых числительных, написанные на двух языках: «элинче» («пятидесятый») на тюркском языке с окончанием -нче, и «учемэ» («третий») на месельменском р-языке с окончанием -ем. Разумеется, в реальности такого разноязычия внутри предложения не могло быть. Если «элинче» действительно является тюркским порядковым числительным, то «учемэ» не может быть таковым. Скорее всего «учемэ»—

¹⁵ Байчоров С. Я. Северокавказский ареал древнетюркской письменности (кандидатская диссертация). М., 1977.

это собирательно-разделительное числительное «уч» («три»), соответствующее числительным из тюркских детских считалок: берэм-берэм, икэм-икэм, өчэм-өчэм... и т.д. Следовательно, расшифрованное Байчоровым «учемэ» — это вовсе не порядковое числительное — оно не имеет ничего общего с месельменскими числительными *berem*, *iket*, *üsem* и др. и поэтому не может ни прямо, ни косвенно свидетельствовать о ротацизме протоболгарского языка.

Третьим таким же косвенным доказательством ротацизма приэльбрусского языка считают слово «белег», «белюх» («знак, памятник»), вычитанное Байчоровым в наскальных писаницах и отождествляемое с волжскобулгарским *bälük* «знак, памятник». Полагают, что это слово было присуще только р-языкам и поэтому свидетельствует о ротацизме приэльбрусского языка тоже. Но такое мнение является ошибочным, ибо «белюк~белюг» — это общетюркское слово, образованное от древнетюркской глагольной основы *bel* «знать», и присуще всем тюркским языкам без исключения. В Волжской Булгарии оно одинаково часто употреблялось в эпитафиях как 1-го, так и 2-го стиля. Поэтому наличие его в приэльбрусском языке тоже не может свидетельствовать о его ротацизме.

И, наконец, прямым и непосредственным доказательством ротацизма приэльбрусского языка считают обнаруженное в нем слово «чур» («сто»), якобы употреблявшееся вместо общетюркской зетацирующей формы «йез» («сто»). В приведенных выше материалах Байчорова это слово встречается лишь один раз и притом в том же самом бессвязном предложении «Джгутур учемэ менчур элинче ур бити эшген», которое уже приводилось выше. Слово «чур» здесь образовано искусственно от непонятной лексемы «менчур» путем ее расщепления на два слога («мен» + «чур») и последующей произвольной семантизации. Поэтому аргументировать этим надуманным словом наличие ротацизма в протоболгарском языке было бы несерьезно, тем более что других подобных примеров в лексическом материале Байчорова не обнаружено.

Таким образом, если даже предположить, что язык рунических памятников Приэльбрусья и в самом деле был протоболгарским, то все-равно в лексических материалах Байчорова не имеется ничего такого, что бы достоверно свидетельствовало о ротацирующем характере этого языка. Нужно полагать, что подлинно протоболгарский язык Северного Кав-

каза был таким же зетацирующим, какими являются и его нынешние приемники — балкарский и карачаевский языки, а также язык казанских татар, являющийся приемником волжскобулгарского, ибо все они относятся к одной общей группе тюркских 3-языков.

Г Л А В А V

ТЮРКИЗМЫ ЧУВАШСКОГО ТИПА В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Следующим аргументом, «свидетельствующим» о ротацизме волжско-булгарского языка, Н. А. Баскаков и другие тюркологи называют «сообщение венгерских хроник»¹, но это явное недоразумение², ибо в венгерских хрониках таких сообщений вообще нет — речь может идти о другом — о «чувашизмах» в венгерском языке, которыми обычно оперируют ашмаринисты для доказательства булгаро-чувашской концепции.

Впервые этот вопрос был поднят венгерским ученым Барнатом Мункачи в 1894 году, а затем поддержан Н. И. Ашмаринным³. Особо следует отметить работу Золтана Гомбоца, которая посвящена анализу булгаро-тюркских заимствований в венгерском языке. Почти из 800 тюркских заимствований в венгерском языке Гомбоц выделяет 227 слов, которые, по его мнению, характеризуются так называемыми старочувашскими особенностями. На этой основе он заключает: венгры с чувашами никогда не общались, а более 100 лет находились в соприкосновении с булгарами, следовательно, такие слова попали в венгерский язык из языка волжских булгар, который был близок к чувашскому⁴.

¹ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков.— М., 1969, с. 231.

² Закиев М. З. Об истоках языка основных компонентов волжских татар.— Учен. зап. Казанского пединститута, 1978, вып. 186.— Казань, с. 3-65. Кузьмин-Юманади Я. Ф. Тюркизмы в венгерском языке и в славяно-болгарском именнике.— В сб. «Формирование татарского литературного языка».— Казань, 1989, с. 23-44.

³ Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша..., 1902, с. 34-35.

⁴ Zoltan Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter wörter in der ungarischen Sprache. MSFOu, 30. Helsinki. 1912, стр. 203-206.

После этой работы З. Гомбоца для венгерских ученых, а также для некоторых зарубежных и советских тюркологов мысль о тождестве болгарского и чувашского языков, т.е. болгаро-чувашская теория, стала положением, не требующим доказательств. Поэтому материалы эти никем не проверялись. Между тем первое же знакомство с книгой дает возможность установить следующую особенность анализа. З. Гомбоц в области своего исследования не включает татарский и башкирский разговорные языки, которые формировались на территории, занятой когда-то волжскими булгарами. Такое искусственное сужение объекта сравнительно-исторического исследования привело его к необъективным выводам. Так, З. Гомбоц почти каждое выбранное слово сравнивает не с реально существующим чувашским словом, а с реконструированным им самим словом, которое он называет старочувашским. Но, следует сказать, что, во-первых, поскольку эти реконструированные старочувашские слова не подтверждаются зафиксированными в письменных источниках действительными старочувашскими словами, постольку их реальность весьма условна. Во-вторых, большинство приведенных З. Гомбоцем слов, называемых им старочувашскими, совпадает со словами тюркского языка огузкыпчакского типа, в частности, со словами татарского языка. Если бы З. Гомбоц в своем исследовании оперировал и татарским языком, то он бы это легко заметил и сделал вывод о том, что старочувашский и, следовательно, болгарский языки представляли собой языки огузкыпчакского типа. Однако он сравнивал специально отобранные тюркские заимствования в венгерском языке лишь с созданными им весьма условными старочувашскими словами и, естественно, пришел к выводу о близости болгарского и старочувашского языков.

Если проверить близость 227 слов, проанализированных З. Гомбоцем, не только к чувашским, но и татарским эквивалентам, то мы получим следующую картину.

1. Из 227 заимствований 87 слов настолько приспособлены к венгерским произносительным нормам, что их без тщательного фонетического анализа трудно приблизить как к чувашскому, так и татарскому языку, например, *artany* «очищать», *baĵ* «колдовство», *beke* «подкова», *bika* «упрямый», *boglya* «копна», *bü* «колдовать», *gyŋ* «давить, связать», *kororso* «гроб, ящик», *tömeny* «бесчисленный», *zege* «козел» и т.д. Сюда мы включили и такие заимствования, которые фонети-

чески стали далеки от чувашских и татарских слов, но больше напоминают татарские варианты. Например, в венгерском *boglya*, в татарском богол «копна, стог»; в венгерском *artany*, в татарском арыну «очищаться, освобождаться», в венгерском *tömeny*, в старотатарском төмән «бесчисленный, десять тысяч» и т.д.

2. 44 слова совпадают как с татарскими, так и с чувашскими эквивалентами почти в одинаковой степени. Например, *sörke* «гнида» — т. серке,; ч. шарка; *szakal* «борода» — т. сакал, ч. сухал и т.д.

Таким образом, из двух предыдущих пунктов 131 слово, т.е. 58% слов, не могут быть основанием для доказательства того, к какому языку близки эти заимствования; к чувашско-тюркскому или кыпчакскотюркскому.

3. 43 заимствования находят эквиваленты в татарском языке. Например, *balta* «топор» — балта; *beka* «лягушка» — бака; *beke* «закрытый» — бөке; *cziczkanu* «мышь» — сычкан; *gözü* «крыса» — күсе; *gyalom* «багор, невод» — жылым; *guart* «сделать, изготовлять» — ярату; *gyöplö* «связка» — жэплэу; *ildomos* «мудрый» — жылдам; *kesik* «поздно» — кичегу; *kobak* «тыква» — кабак; *kedek* «пупок» — кендек; *sörpö* «дрожжи» — чүпрэ; *szan* «считаться» — санау; *szirt* «хребет» — сырт; *szongor* «орел» — шонкар; *teker* «крутить» — тэкэрмэч; *tüg* «сложить» — төр; *tyuk* «курица» — таук и т.д.

4. 38 заимствований встречаются как в татарском языке, так и в чувашском, но с особенностями татарского языка, например, *al* «обманывать» — т. алдау, ч. ултала; *alma* «яблоко» или «картофель» — т. алма, ч. улма; *agra* «ячмень» — т. арпа, ч. урна; *bator* «храбрый» — т. батыр, ч. паттар; *bors* «перец» — т. борыч, ч. парас; *kender* «конопля» — т. киндер, ч. кантар; *kogom* «сажа» — т. корым, ч. харам и др.

Следовательно, из двух предыдущих пунктов 81 слово, т.е. 35,5% заимствовано венгерским языком из кыпчако-тюркского.

5. Лишь 15 заимствований, т.е. 6,5% можно обнаружить в чувашском языке и с так называемыми чувашскими особенностями: *boğji* «телёнок», *borso* «горох», *gyom* «трава», *gyüğü* «кольцо», *iker* «близнецы», *ir* «писать», *köris* «ясень», *ör* «молоть, дробить», *ökör* бык, *sar* «грязь, болото», *sario* «серп», *gyüğü* «кольцо», *szücs* «скорняк», *tükör* «зеркало», *ünö* «корова».

Таким образом, если в область объектов сравнения 3. Гомбоца включить и татарский язык, то лишь 6,5% собран-

ного им материала могут подтвердить теорию близости болгарского и чувашского языков, все остальные, т.е. подавляющее большинство материала, доказывает несостоятельность этой теории. Возникает закономерный вопрос: как же объяснить наличие среди этих заимствований нескольких слов с чувашскими особенностями? Объяснить это тем, что болгары являются предками чувашей, мы не можем, ибо ни лингвистические, ни этнографические, ни антропологические данные такое положение не подтверждают. Очевидно, дело здесь — в закономерностях процесса заимствования: как при формировании чувашского языка, так и при заимствовании венграми тюркские слова усваивались финно-угорами. Следовательно, в обоих случаях условия были одинаковыми. Тюркские слова воспринимались слухом, привыкшим к финно-угорской речи, воспроизводились устами, привыкшими к финно-угорской артикуляции. Поэтому как в чувашском, так и в венгерском языке можно обнаружить некоторые общие, в одинаковой степени фонетически измененные обычные тюркские слова. Но они и в том, и в другом языке появились не путем взаимовлияния, а совершенно самостоятельно. Это подтверждается и тем, что в материалах Золтана Гомбоца имеется несколько слов с ротацизмом, отсутствующих в чувашском языке или имеющих в нем без ротацизма. Например, *gögepü* «хорек» — т. *közän* (сасы *közän*), ч. пасара; *karó* «кол» — т. казык, ч. шалса; *tar* «плешь» — т. таз, ч. кукша или таса в смысле «чистый»; *tenger* «море» — т. диңгез, ч. тинес; *tör* «петля» — т. тозак, ч. йала (серепе); *tür* «страдать, терпеть» — т. *tyz*, ч. тус.

Золтан Гомбоц позднее сам, видимо, почувствовал неэффективность своего сравнительно-исторического исследования и нашел в себе силы отказаться от своих убеждений о проникновении болгарских слов в венгерский язык. Иначе венгерский ученый Ю. Немет не писал бы с сожалением: «От своей старой теории о соприкосновении волжских болгар с венграми Гомбоц не должен был отказываться»⁵. Таким образом, как тюркские заимствования в венгерском языке, так и их анализ, проведенный З. Гомбоцем, не могут быть основанием для болгаро-чувашской теории.

Об исторических обстоятельствах, способствовавших появлению этих «чувашизмов» в венгерском языке, среди иссле-

⁵ Немет Ю.Ф. Венгерские племенные названия у башкир. — Археология и этнография Башкирии. Т. IV, БФАН СССР, 1971, с. 261.

дователей нет единого мнения. Большинство историков ашмаринистского направления предполагают, что слова эти заимствованы венграми из языка волжских булгар, то есть от предполагаемых предков чувашей, во время предполагаемого совместного пребывания их в районе Волжской Булгарии. В связи с этим высказывается догадка, согласно которой венгры до прихода в Паннонию якобы обитали на Каме, где в процессе обоюдных контактов с булгарами переняли их чувашского типа лексические элементы, называемые ими «булгаризмами».

Если бы слова эти были заимствованы в процессе обоюдных контактов венгров с булгарами, то не только венгры заимствовали бы «чувашизмы», но и булгары, то есть предполагаемые предки чувашей, тоже заимствовали бы венгерские слова. Однако в действительности только чувашские слова «перешли» в венгерский язык, а венгерских слов ни в болгарском, ни в чувашском языке нет. Констатируя это странное явление, В. Д. Аракин, например, писал, что вопреки всякому ожиданию в чувашском языке совсем нет мадьяризмов, что в нем есть только финизмы, которых можно ошибочно принять за мадьяризмы, но они все заимствованы от поволжских финнов, но не от венгров⁶. Такое одностороннее проникновение «чувашизмов» в венгерский язык, разумеется, не могло иметь места в процессе обоюдных контактов чувашо-булгар с венграми — для этого необходима была миграция хотя бы части предков булгаро-чувашей в Венгрию, и только в этом случае могли булгаро-чувашские слова односторонне перейти в венгерский язык.

Однако история венгров не знает такого случая, чтобы поволжские булгаро-чуваши когда-либо прикочевали или присоединялись к ним в таком количестве, чтобы повлиять на характер их языка. Следовательно, чувашеподобные тюркизмы в венгерском языке появились другим путем.

Некоторые исследователи считают, что наиболее вероятными посредниками, перенесшими «чувашизмы» в венгерский язык, были не булгары, а хазарские кабары, говорившие на языке, близком к чувашскому, и прикочевавшие к венграм перед приходом их на Дунай.

В наиболее четкой форме эту мысль высказал в прошлом веке венгерский историк и этнограф П. Гунфальви в его ра-

---

⁶ Аракин В. Д. Ошибки в работе Н. Я. Марра по чувашскому языку. — Записки Чувашского НИИ. — Чебоксары, 1953, вып. VIII, с. 49.

боте «венгры или мадьяры»⁷. Базируясь на достоверных источниках, этот автор отмечал, что ни куманы, ни печенеги не могли быть носителями чувашского типа языка; хотя последние тоже внесли в венгерский язык элементы своих диалектов, но эти элементы носят явно общетюркский характер, а тюркизмы чувашского типа появились в венгерском языке гораздо раньше, чем кыпчакизмы, и были привнесены, по его мнению, кабарями.

Кабары, как явствует из сообщений их современников, были выходцами из среды рядовых «черных хазар» или гунно-хазар. После того, как хазарский каган Обадья произвел государственную реформу и стал насаждать в стране ортодоксальный иудаизм, исламизированные хазары подняли восстание против своих правителей, но оказались разгромленными, так как языческое население не поддержало повстанцев. Этим повстанцев хазарские правители прозвали заговорщиками — «кабарами» или, точнее, каварами (в византийских источниках они значатся *kavarios*, что соответствует чувашскому *kavar* «заговор, заговорщики, фронда»). Спасаясь от своих преследователей, кавары вынуждены были бежать в печенежские степи и присоединиться к кочевавшим там венграм. Византийский император Константин Багрянородный об этом событии писал следующее: «Так называемые кавары происходили из рода хазар. Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, — и одни из них были перебиты, другие убежали и поселились с турками (т. е. венграми) в печенежской земле, заключили взаимную дружбу и получили название каваров. Они научили турков (венгров) хазарскому языку и доселе говорят на том же наречии, но владеют и турецким (венгерским) языком. Вследствие того, что они в войнах оказывались сильнее и храбрее восьми родов (венгров), то им давали первенствовать на войне в качестве первых родов. У всех трех родов каваров один князь, который существует по настоящее время... Первый род, оторвавшийся от хазар, это — вышеупомянутый род каваров...». «Таким образом, кавары, соединившись с турками (венграми), поселились с ними (сперва) в печенежской земле; после этого по приглашению христианопубового и славного царя Льва, они перешли (Дунай)» и «поселились в этой земле, где живут ныне», то есть «по ту сторону Ду-

⁷ Hunfalvi P. Die Ungarn oder Magyaren. Wien. 1881, s. 55-62.

ная в земле Моравской, а также и по сю сторону между Дунаем и рекой Савой»⁸.

Как видно из сказанного, присоединение кавар к венграм произошло еще в IX веке, но ассимиляция их языка произошла позднее. Будучи еще в Восточной Европе, предки венгров находились под эгидой хазарских каганов и, несомненно, начали перенимать отдельные тюркизмы. После присоединения к себе каваров, по свидетельству Багрянородного, в Венгрии возникло двуязычие: кавары «научили турков (венгров) хазарскому языку», и сами кавары тоже владели венгерским языком⁹. Такое венгро-хазарское двуязычие просуществовало довольно долго, потому что приток хазарского населения в Венгрию не закончился с приходом трех каварских родов, а продолжался и позже, после падения Хазарского каганата.

Обуславливалось это тем, что кавары оказались нужными людьми в Венгерском государстве: они составляли ядро конной армии, были меткими стрелками и обеспечивали успех в сражениях не только в период обретения венграми родины, но и в последующих войнах с европейскими государствами. Венгерские короли использовали их также в борьбе со своими внутренними противниками и заставляли собирать дань с населения. Каварам же доверялось королевское казначейство и ведение военно-дипломатических переговоров с иностранцами, в частности, с Византией, в связи с чем Константин Багрянородный ошибочно называл всех венгров «турками». Особенно возросла потребность в наемных каварских воинах в период венгерских экспансий в Далмации, в связи с чем венгерские короли стали вербовать новых ландскнехтов в распавшейся к тому времени Хазарии, равно как и среди печенегов. Падение Хазарского каганата и принятие многими его жителями ислама создали для этого весьма благоприятные условия: лишенные своей государственности и ставшие мусульманами хазарские бесермены охотно отправлялись в Венгрию, к своим сородичам и единоверцам. В качестве вербовщиков среди них выступали посланные венгерскими королями каварские вожди. В 1150—1153 гг., например, когда в Венгрию приезжал Абу Хамид аль-Гарнати, такую вербовку проводил

---

⁸ Константин Багрянородный. Об управлении государством.— В кн: Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.-Л., 1934, вып. 91, с. 18-20,

⁹ Константин Багрянородный. Указанное соч., с. 18.

в Саксине на Волге некий Исмаил сын Хасана со своими гулямами. По возвращении из Венгрии в Саксин Аль-Гарнати тоже помогал ему в вербовке ландскнехтов. «Я набрал для этого посланца группу мусульман, которые мечут стрелы, и послал я вместе с ними своего ученика...», — сообщает Аль-Гарнати¹⁰. Слова «кавар» Аль-Гарнати, естественно, не употребляет, потому что это прозвище не было самоназванием хазар. Кавар вместе с исламизированными печенегам Аль-Гарнати называет «магрибцами», то есть «западниками» или «западными турками», но сами венгерские хазары, как и их исламизированные сородичи на Волге, называли себя «бесермен», и это самоназвание до сих пор сохранилось в ряде венгерских топонимов и ойконимов, как, например, в названии города Хайдубёсермень близ Дебрецена. В XII веке сообщения между венгерскими и поволжскими бесерменами осуществлялись через Киев и половецкие степи. Похоже, что венгерские бесермены же впервые принесли в южнорусские степи огнестрельное оружие из Европы. В летописи по Ипатьевскому списку сообщается, что половецкий князь Кончак в 1184 году нашел некоего бесерменина, который стрелял «живым огнем»¹¹. Регулярные связи венгров с поволжскими потомками хазар прервались лишь после нашествия монголов.

Основываясь на целом ряде таких исторических фактов, Гунфальви высказал свои соображения и по поводу происхождения чувашей тоже. Как и русские ученые Френ, Фукс и Риттих, он считал чувашей потомками хазар, сохранившими следы своего пребывания в Поволжье. В том же своем сочинении он писал: «Ввиду того, что тюркские заимствования в мадьярском языке выделяются типично чувашскими фонетическими особенностями, а в хазарском языке тоже заметны чувашские элементы, то можно заключить, что нынешние чуваша являются потомками некогда могущественных хазар. Посредниками между хазарами (чувашами) и мадьярами, по видимому, были кабары (одного с хазарами племени), которые потом смешались с мадьярами»¹². Эту версию можно принять только с оговоркой о том, что хазары не были однород-

¹⁰ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). — М., 1971, с.44.

¹¹ Исследования по отечественному источниковедению. — М.-Л., 1964, с.52.

¹² Hunfalvi P. Указанное соч. (Цитируется по кн.: Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. 1965, с.5).

ными: среди них были и монголо-тюркоязычные, и обычно-тюркоязычные. У Гунфальви речь может идти только о хазарах, которые говорили на смешанном тюркомонгольском языке; часть этих хазар при дальнейшей туркизации могла лечь в основу предков чувашей; другая часть под названием «кабар» могла раствориться среди венгров. Так или иначе эти высказывания Гунфальви не получили дальнейшего развития и вскоре были забыты. Причиной тому послужила распространенная тогда в России версия Ильминского о болгарском происхождении чувашей. Не желая противоречить этому «новейшему открытию» русских ориенталистов, последующие тюркологи Венгрии отказались от идей своего прозорливого соотечественника и занялись поисками несуществующих историко-лингвистических связей венгров с волжскими булгарами. Ярким представителем этого поколения венгерских тюркологов явился, как уже мы знаем, Золтан Гомбоц, составивший наиболее полный перечень венгро-чувашских лексических параллелей и назвавший их «заимствованиями из болгарского языка». Принимая за истину версию Ильминского о принадлежности булгарам р-языка, Гомбоц писал: «Современный чувашский язык можно считать прямым продолжением волго-болгарского языка или, по крайней мере, его диалектом»¹³. Примечательно то, что З. Гомбоц, как мы уже знаем, затем отказался от этого взгляда. Но его прежняя трактовка, поддержанная тогда Б. Мункачи, Д. Неметом и другими лингвистами, господствовала в венгерской тюркологии почти до наших дней, а в России использовалась ашмаринистами как один из аргументов болгаро-чувашской концепции. Произошла своего рода круговая дезинформация: сперва сторонники болгаро-чувашской концепции ввели в заблуждение Гомбоца, а затем они же стали ссылаться на высказывания Гомбоца для подтверждения своей версии. К счастью, ныне эти взаимные ссылки уже отпали, так как современные венгерские тюркологи в большинстве своем, как и сам Гомбоц, отказались от болгаро-чувашской теории и рассматривают венгерские «чувашизмы» просто как тюркизмы чувашского типа, не связывая их с волжскими булгарами¹⁴. Так что

---

¹³ Zoltan Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprachen. S. 187.

¹⁴ Bibliotheca orientalis Hungarica, XXVIII. Budapest, 1983; Studia Altaica, 17. Szeget. 1982.

«чувашизмы» в венгерском языке отнюдь не свидетельствуют об их болгарском происхождении и тем более не могут свидетельствовать о принадлежности булгарам чувашского типа языка.

Г Л А В А VI

ЧУВАШСКИЕ СЛОВА В ЯЗЫКАХ ФИННО-УГРОВ ПОВОЛЖЬЯ И ОБ ЭТНОНИМЕ «СУАС»

Еще одним доказательством р-язычности волжских болгар считают чувашско-финно-угорские лексические сходения. Дело в том, что в языках марийцев, мордвы, удмуртов и коми зафиксировано большое количество тюркизмов, среди которых имеются и р-язычные и другие лексические заимствования, характеризующиеся чувашскими особенностями. В их числе есть хозяйственные термины, термины родственных отношений, домашнего быта, но особенно много терминов, связанных с земледелием и домашним скотоводством. Например: чув. *šakkär* «хлеб», морд. *šukro* «хлеб», марийск. *сукуг* «хлеб», *sukug* «хлебный каравай»; чув. *šaräk* «репа», удмурт. *šarši* «репа», коми *šerknï* «репа» и т.д. Кроме того, в некоторых финно-угорских языках существуют одинаковые с чувашскими грамматические формы, например, чувашская форма причастия на-*sa* (ср. чув. *tärsa* «стоя», удмурт. *puktysa* «стоя», коми *suvtsa* «стоя»); или чувашская форма реликтового глагола на-*ni* (чув. *šutni* «светить, свечение», удмурт. *šötyny* «светить» (в выражении *jugyt šötyny* «святить»), ср. венгр. *sütni* «светить» и т.д.).

Общеизвестно, что в Поволжье и Приуралье еще с древнейших времен складывался тюрко-угро-финский языковой союз. В результате взаимовлияния этих народов отмечаются тюркизмы в угро-финских и финноугризм в тюркских языках. Некоторые тюркские слова в угрофинских языках осваиваются соответствующими фонетическими изменениями, например, фонема «з» через «д» переходит в «р»: тугыз >

тугыд > тухыр; происходит оглушение начальных звонких и т.д. Поскольку чувашский язык образовался в результате смешения тюрских, монгольских и позже угро-финских языков, постольку такие изменения тюркизмов мы наблюдаем как в чувашском, так и в угро-финских языках. Поэтому тюркизмы со специфическими изменениями в угро-финских языках появлялись и без влияния чувашского языка, в то же время нельзя начисто отрицать и влияние чувашского языка.

До сих пор тюркизмы в угро-финских языках с оглушением начальных звонких и с ротацизмом изучались тюркологами только как результат влияния чувашского языка, т.е. только как чувашизмы. Сторонники болгаро-чувашской теории такие явления называли еще и болгаризмами. Таких лингвистов обычно удивляет то, что некоторые чувашизмы обнаруживаются в языках самых отдаленных финно-угров, например, в диалекте коми, проживающих за тысячу километров от Чувашии. Поэтому высказываются невероятные гипотезы о путях их распространения. Большинство лингвистов связывает эти лексические сходства с известной теорией пермской общности народов Севера, согласно которой предки нынешних финно-угров (удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян) когда-то составляли одну общую народность и компактно проживали рядом с волжскими булгарами, от которых и переняли многочисленные болгарские слова, рассматриваемые ныне как чувашизмы; а затем, когда эта пермская общность распалась, ее племена рассеялись на огромных просторах Северо-Восточной Европы, разнося с собой повсюду заимствованные ими чувашизмы — «булгаризмы». По мнению исследователей Г. Рамстедта, Р. Рясненна, Ю. Вихмана и др., булгаризмы эти были заимствованы очень давно, еще тогда, когда булгары говорили на старо-чувашском языке, и поэтому они свидетельствуют о ротацизме болгарского языка. Один из сторонников этой гипотезы, М. Р. Федотов, например, пишет: «...Предки современных коми еще в период их общепермской языковой общности находились под сильным влиянием тюркоязычных болгарских племен», и поэтому болгарский язык «оказал на пермяков огромное по тому времени влияние, что доказывается наличием в коми языке нескольких десятков слов чувашского происхождения, не говоря уже о сотнях чувашских заимствований в удмуртском языке...». Такое же предположение высказывает этот автор и по поводу чувашизмов в марийском языке: «Существование

в марийском языке непродуктивных и продуктивных чувашских морфем,— пишет он,— говорит о глубокой древности тюркских заимствований, имеющих тысячелетнюю давность, о той силе тюркского влияния, которое пронизало всю морфологию марийского языка»¹.

При таком представлении о давности чувашских заимствований действительно можно прийти к выводу о существовании ротацизма в волжскобулгарском языке. Однако, как мы уже видели, многие факты исторического и лингвистического порядка противоречат такому представлению².

Сторонники болгаро-чувашской теории часто ссылаются на то, что на некоторых регионах Волжской Булгарии, затем и Казанского ханства отмечается распространение так называемых суасов, которые воспринимаются этими учеными как предки чувашей, т.е. как остатки прежних болгар. При внимательном и всестороннем изучении вопроса такое отождествление прежних суасов и предков чувашей не выдерживает критики.

1. Начнем с этнонима «суас», который изучен многими исследователями, но до сих пор нет удовлетворительного объяснения его этимологии. И наше прежнее объяснение этимологии суас от зуяле — зуяде — суяз — суас «люди из свияги» также не соответствует действительности. Как мы сейчас убеждены, этноним суас состоит из двух частей су «вода, река» и ас (ас, яс, эс, аз, эсе) — древнее самоназвание многих тюркских племен. Этноним суас означает водных, речных асов.

2. В связи с тем, что этноним ас (яс, асы, эсе, аз, яз) одними исследователями признается названием ираноязычных племен, а другими — тюркоязычных, требуется более подробное его объяснение.

Сначала рассмотрим, какие же имеются основания считать асов ираноязычными. Прямых указаний на этот счет у историков древности нет. Асов они часто отождествляли с аланами. Кроме того, Птолемей (2 в.н.э.) асов считает сарматскими, а Стефан Византиец (6 в.н.э.) скифскими племенами. Поскольку бытовало необоснованное мнение об ираноязычности всех скифов и сарматов, постольку и асы, а также и аланы В. И. Абаевым, а вслед за ним и другими исследова-

¹ Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 1. Чебоксары, 1980, с. 54; Ч. 3. 1986, стр. 3.

² В данной главе далее использованы материалы из публикации М. Закиева «Проблемы языка и происхождения волжских татар». 1986.

телями, автоматически отнесены к ираноязычным³. Однако, несмотря на чрезвычайную распространенность мнения о моноэтничности древнего населения многих территорий и моноэтничности скифов и сарматов, а также о принадлежности обширных районов Евразии исключительно ирано-арийским племенам, ученые доказали полиэтнический характер древней Евразии, а также ее древнего, известного нам населения, называемого общими географическими терминами: киммерийцы, скифы, сарматы и т.д. Скифолог Л. А. Ельницкий пишет, в частности: «Таким образом, вряд ли серьезно можно говорить о какой-либо этнической (даже если не идти в определении этноса дальше языковой общности) однородности скифов, хотя на этом время от времени пытаются настаивать некоторые ученые»⁴. Если бы ученые этническим составом асов и аланов занимались серьезнее, то это дало бы возможность им признать и скифо-сарматов полиэтничными.

Какие же имеются основания признать асов и аланов тюркоязычными? В древнетюркских рунических памятниках VIII в. н.э. асы (яс, яз) зафиксированы как тюркские племена. Они много раз упоминаются рядом с тюрками (в узком смысле), киргизами⁵ и представлены как ветвь тюргешей⁶ и киргизов в долине реки Чу⁷. Восточные историки X—XI вв., в том числе и М. Кашгарский, сообщают о племенах азкешэ «люди аз», которые наряду с аланами и каса (касогами) без сомнения относятся к тюркским племенам⁸. Аль-Бируни как ученый заявляет, что язык у асов и алан напоминает языки хорезмийцев и печенегов⁹. Современник Аль-Бируни, неизвестный переводчик «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия (написана в 90-х годах н.э.) на древнерусский язык этноним алан передает словом яс и без тени сомнения утверждает, что яский язык по роду является печенежским: «Язык же ясекский ведомо есть яко от печениженьска рода родися, живущие подле Тана и Меотскаго моря»¹⁰.

³ Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия.— В кн.: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, с. 281.

⁴ Ельницкий Л. А. Скифия Евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977, с. 14.

⁵ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, с. 34.

⁶ Бартольд В. В. Сочинения, т. V. М., 1965, с. 204.

⁷ Его же. Том II. ч. I, с. 492.

⁸ Его же. Том VIII, с. 109; том V, с. 587.

⁹ Кляшторный С. Г. Древнетюркские..., 1964, с. 174-175.

¹⁰ Мещерский Н. А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе.— М.-Л., 1958, с. 454, 530.

Заслуживает внимания и то, что и в древности, и в средние века асов всегда ставили рядом или даже отождествляли с аланами. Кроме того, алан часто отождествляли с аорсами, которые представляют собой предков тюркоязычных аваров. Об этом красноречиво говорит идентичность этнонимов авар и аорс: в этнониме аорс -с (-ос) является греческим окончанием, а корень аор — это не что иное, как диалектное произношение слова awar авар < ауар < аор). Уникален тот факт, что свидетельство идентичности асов и аланов сохранилось до наших дней у карачаево-балкарцев: они именуют себя аланами, а осетины их — ассиями. По этому поводу карачаево-балкарский ученый М. А. Хабичев, занимающийся вопросами этногенеза своего народа, пишет так: «Балкарцы и карачаевцы именуют себя этнонимом алан, как, например, адыгейцы, кабардинцы и черкесы называют себя адыга, грузины — сакртелело, осетины — ирон, якуты — саха и т.д. Аланами называют карачаевцев менгрелы, ассиями называют балкарцев осетины. Высказывания В. Миллера и В. И. Абаева о том, что аланы, жившие в древности на территории Карачая, были ираноязычными, а менгрелы этноним алан механически перенесли на позднейших пришельцев-карачаевцев, не соответствуют действительности, ибо балкарцы, карачаевцы, менгрелы, осетины с древних времен хорошо знали друг друга»¹¹. М. Фасмер и В. И. Абаев, зная, что осетины называют не себя, а балкарцев ассиями, придумали версию о переносе этнонима ас с осетинов на балкар. По их мнению, осетинцы сначала этнонимом ас называли себя, а затем это им почему-то не понравилось, и они своим именем начали обозначать балкарцев, а себя именовать иронцами. Такое утверждение трудно назвать научным. Совершенно прав М. А. Хабичев, который пишет по этому поводу: «Наивно утверждать, что осетины стали с XIV в. именовать себя иронцами, т.е. иранцами, а этнонимом своих предков яс называют балкарцев»¹².

Обратимся к русским летописям, в которых говорится, что в 965 г. Святослав ходил на Козары, победил и яссов, и косогов. Ученые-ориенталисты, отождествляя это сообщение с таковым восточного историка Ибн-Хаукаля, утверждают, что здесь речь идет о походе Святослава на Волгу против ха-

---

¹¹ Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное формообразование и словообразование. Черкесск, 1977, с. 75.

¹² Там же.

зар, болгар и буртасов¹³. Если это так, то выходит, что болгар и буртасов Поволжья называли и яссами. Венгерский ученый Эрней поход 965 г., о котором свидетельствуют русские летописи, также отождествляет с походом на Волгу, о котором говорит Ибн-Хаукаль. Для нас очень важно его сообщение о том, что «после победы русских в 969 г. из Булгар переселились мусульмане, их называли ясами»¹⁴. С. М. Шпилевский, кроме этого, сообщает еще, что у русского князя Андрея Боголюбского, жившего в XII в., жена была болгаркой¹⁵, а В. Н. Татищев эту жену князя называет «княжна яская» и утверждает, что князя А. Боголюбского в 1175 г. убил брат «княжны яской» (шурин князя) Кючук¹⁶. Кючук — явно тюркское имя. Эти факты неопровержимо доказывают, что среди болгар и буртасов были племена, которые называли себя ясами. Возможно, это были суасы, называвшие себя сокращенно (т.е. без элемента су «вода, река»). Попутно следует сказать и об этнониме касог, который необоснованно признан названием черкесов. Внимательное изучение всех обстоятельств показывает, что и этот этноним означает тюркоязычные племена и родственен со словом казак (киргиз-кайсак).

О том, что этноним ас обозначал тюркоязычные племена, говорит и наличие этого слова в составе многих тюркских этнонимов. Так, В. Ромадин, готовивший к изданию труды В. В. Бартольда, основываясь на том, что в сочинении VII в. «Бадан ат-таварих» киргизы называются асами, этноним киргиз (кырык-ас «сорок асов») связывает с этническим или географическим термином аз, ас или ус¹⁷. Слово ас (яс, аз, ус, уз), по-видимому, имеется в составе этнонимов буртас (бурта-ас) «лесные асы или асы, занимающиеся бортничеством», язгыр (огузские племена у М. Кашгарского), ясыр¹⁸ (туркменские племена), языги (сарматское племя), огуз (ак-оз «белые, благородные асы»), таулас (таулы-ас «горные асы»), суас (су-ас «речные или водные асы») и т.д. Обратим внимание на два последних этнонима: таулас и суас. Как в слове тулас (таулас), которым называли одну из горных областей Хазарии¹⁹, а так-

¹³ Шпилевский С. М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, с. 103.

¹⁴ Шпилевский С. М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, с. 105.

¹⁵ Там же, с. 115.

¹⁶ Татищев В. Н. История Российская, т. I, М.-Л., 1962, с. 375.

¹⁷ Бартольд В. В. Сочинения, т. II, ч. I, с. 485.

¹⁸ Кононов А. Н. Родословная туркмен. М.-Л., 1958, с. 92.

¹⁹ Бартольд В. В. Сочинения, т. 8, с. 541, 544.

же, по-видимому, и ее население, так и в суас слово ас применяется вместе с тюркскими определяющими словами, что лишний раз доказывает тюркоязычность асов.

Кроме того, необходимо учесть и то, что так называемые пермские татары, предки которых были непосредственно связаны с волжскими булгарами, до принятия в то время сословного этнонима татар называли себя остяками, что означает осские (ясские люди), т.е. эс-тек или ос-тек (эс-лек > эс-тек > ис-тяк > иш-тяк > ос-тяк). Остяки принимали участие и в образовании башкир, поэтому пермские и западносибирские татары и часть башкир восточными соседями и сейчас называются остяками-иштяками-уштяками. Татарский историк конца XVIII — начала XIX в. Т. Ялчигул считал себя «болгарлык иштэк». Еще в XVII в. пермские татары в своих прошениях указывали, что их предки именовались остяками²⁰. Интересен и тот факт, что древние центры расположения пермских татар, ставшие затем уездными городками, назывались Ос и Кунгур, которые совпадают с этническими названиями ос (ас-эс-ос-яс) и кунгур (конгор-кангыр). Последнее обычно считается самоназванием печенегов.

Таким образом, слово ас (аз, яс, яз, ус, уз, ош, иш, уш) для обозначения тюркоязычных племен применялось очень широко, параллельно со словом ар (эр, ир). По-видимому, в древности этноним ас (яс) как название восточных народов применялся весьма активно и у западных народов. Так, в скандинавской мифологии асами называли основную группу богов, в то же время утверждали, что ассы происходят из Азии, намекали на идентичность слов ассы и азия²¹.

3. Что касается первоначального, апеллятивного значения этнонима ас, то по этому поводу высказано несколько соображений. Ученые, отстаивающие ираноязычность асов, естественно, слово ас выводят из авестинского асу «быстрый» (М. Фасмер). Другие ученые, убедительно доказывающие тюркоязычность асов и аланов, — иного мнения. Так, М. А. Хабичев слова ас и алан считает семантически идентичными: алан, по его мнению, восходит к слову олан (улан, огълан) в значении «сын», а ас — к слову яс в том же значении — в ногайском языке и караимско-галичском диалекте яс-ы — это «сын, молодой человек»²². Мы высказали предпо-

²⁰ Рамазанова Д. Б. К истории формирования говора пермских татар. — В кн.: Пермские татары, Казань, 1983, с. 145.

²¹ Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1, М., 1980, с. 120.

²² Хабичев М. А. Карачаево..., с. 75.

ложение, что ас (у Птолея — асс) это — диалектное произношение слова ар (эр); асса~ача — по-чув. «отец» или эсэ — по-башк. «мать»²³. Очень возможно, что этот этноним образовался от корня эс-эш «работа» и первоначально также имел сословное значение — обозначал работающих.

После всех этих рассуждений необходимо сделать одно существенное замечание: сторонники ираноязычности аланов и асов исходят из неизвестного (из предположения об ираноязычности сарматов) и утверждают обратное об известном, т.е. явных тюркоязычных аланов и асов пытаются представить ираноязычными. В науке же необходимо идти от известного к неизвестному. В нашем случае, оттолкнувшись от факта тюркоязычности алан и асов, нужно подойти к тому факту, что аланы и асы являются непосредственными потомками сарматов, и, наконец, сделать вывод о тюркоязычности сарматов или той их части, на основе которой формировались аланы и асы.

Сейчас вернемся к этнониму суас, который этимологически состоит из двух слов: су «вода, река» и ас — древнего этнонима многих тюркоязычных племен, и рассмотрим его фонетическое и семантическое развитие.

4. В различных источниках и диалектах зафиксированы различные фонетические варианты этнонима суас: сюась: сюась, сюеш, чювас, чюваш, чуваш, чуаш, суаз (последний необоснованно пишется еще и как саваз). Первоначальным по этимологии здесь надо признать вариант суас, наряду с ним могли быть варианты, основанные на диалектных произношениях этнонимов ас: аз, яс, яз, аш, т.е. варианты суаз, суяс, суяз, суаш. В различных диалектах начальный с мог произноситься как ч, ж из вариантов су — жу (мыть), чу~чү (чу-меч «ковш»), а также и зафиксированного Г. Ф. Миллером варианта сюеш. Именно через диалектное произношение образовался этноним чуас, а далее и чуаш. Между у и а всегда слышится редуцированный звук w, который обычно закономерно превращался в звук в, так появился этноним чуваш, в составе которого начальный элемент су произносится как чув, конечный элемент — этноним ас — как аш. По-видимому, последнее слово поможет разгадать тайну этимологии названия болгарского города Ашлы — Ашель, которое, исходя из этнонима аш~ас, можно понимать как аш-лы «заселен

²³ Зәкиев М. Казан татарлары ни өчен марича — суас, удмуртча — бигер? — Казан утлары, 1984, № 5, с. 163.

ашами» или как аш-иле «страна, город, жилище ассов-ашов» (ср. название деревни Чуриле (чура-иле) «страна, жилище работников, рабов»). Весьма возможно, что и слово жуас (варианты: юач, юась, жуаш) в значении «заречье», от которого некоторые ученые выводят этноним суас, а следовательно, и чуваш²⁴, наоборот, восходит к этнониму суас в значении «речные люди» (заречные значит речные, ибо обитают на той стороне реки и у реки).

Все эти фонетические варианты доказывают, что этнонимы суас, сюэш, суаз, чуас, чуаш, чуваш восходят к одному и тому же слову, они первоначально обозначали одни и те же племена, лишь в дальнейшем закрепились за разными народами: суас — за волжскими татарами, чуаш — за чувашами. Последние раньше имели этноним веда (вьедене, ветьке, веде), марийцы и в наши дни называют их суасламари.

5. Такое семантическое раздвоение этнонима суас давно интересовало ученых. Первым этому явлению пытался дать объяснение. Н. И. Ашмарин. Из того факта, что словом суас (сюяс) луговые марийцы обозначают татар и что это слово напоминает этноним чуваш, он приходит к выводу: в татарском языке слова суас нет, следовательно, марийцы взяли его не из татарского, а из чувашского языка, в котором это слово звучало как чаваш, марийцы же преобразовали его в суас²⁵. Далее он пространно объясняет возможность фонетического преобразования чувашского чаваш в марийское суас и задает себе вопрос: «почему луговые черемисы могли окрестить чувашами столь от них в наше время отличающихся татар?» Ответ таков: «По моему мнению, ответ на подобный вопрос может быть один, и именно тот, что современные нам чуваша представляют из себя не что другое, как прямых потомков волжских болгар, и что черемисы, обозначая их именем суас, впоследствии перенесли это имя и на татарских завоевателей края, которые, унаследовав то политическое значение, какое сначала принадлежало болгарам, и отчасти и их культуру и приняв ислам, стали потом сами приписывать себе болгарское происхождение. Такое перенесение племенного наименования с одной народности на другую было тем более возможно, что слияние полудиких пришельцев с культурными болгарями

---

²⁴ Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань. 1971, с. 220, 221.

²⁵ Там же, с. 47.

(мусульманами) свершилось с медленною постепенностью, и прежнее болгарство совершенно незаметно подменилось татарством»²⁶. Такую же мысль через 70 лет после Ашмарина высказывает М. Р. Федотов. Не внося ничего нового в исследование этимологии и семантики этнонима суас, он пишет в частности: «Что касается суас в значении «татарин», то здесь нет ничего противоречивого. Со времени вторжения татаро-монгольских завоевателей в Восточную Европу (1224) и до полного разрушения Булгар и Булгарии в целом (1361) прошло 137 лет. За это продолжительное время угнетения и насилия болгар охватили значительные миграционные потоки. Одна часть болгар ушла в северные районы, другая — суасы — вынуждена была уступить территорию левобережья Волги более сильным завоевателям Золотой Орды — кыпчакам — и переселиться на правый берег, заняв свободные земли и потеснив частично финноугорские племена на территории Между Свягой и Сурой (притоки Волги). Таким образом, предки современных марийцев, в болгарское время называвшие своих соседей суас (>чув. *tšavaš*), и после отатаривания суас-чуваши продолжали именовать их по-прежнему»²⁷. Как видно из приведенных цитат, авторы исходят из того, что якобы суасы-чуваши были булгарами, обладающими культурой мусульманства, а волжские татары — это татаро-монголы, завоеватели края, угнетатели болгар (чувашей-суасов), что татары вытеснили болгар-суасов из их прежней болгарской территории на правобережье Волги, где из болгар-суасов сформировались чуваши, а на прежней болгарской территории «полудикие» татары, ассимилировав оставшихся болгар-суасов, присвоили себе болгарскую мусульманскую культуру и болгарское происхождение, поэтому якобы марийцы, не заметив произошедших изменений, продолжают называть ассимилированных татарам булгар-суасов суасами. Это очень противоречивое рассуждение. Допустим, что исторический процесс шел именно так, как описывают его Н. И. Ашмарин и др. Тогда, естественно, во-первых, марийцы (непосредственные соседи булгар) суасов и «пришлых татар» не стали бы путать, ибо и «переселение булгар-суасов» и их «ассимиляция» происходили на глазах у марийцев, они суасами называли

²⁶ Ашмарин Н. И. Болгары и чуваши.— Изв. общ-ва археол., ист. и этнографии при Казанском университете, том XVIII, Казань, 1902, с. 49, 50.

²⁷ Федотов М. Р. О марийском этнониме суас-суас.— Советское финно-угроведение, 1974, № 2, с. 81.

бы не татар, а чувашей; во-вторых, прежде всего у чувашей, а не у татар, остались бы какие-либо следы этнонима булгар в качестве самоназвания; в-третьих, чувашаи и на новом месте не растеряли бы «свою прежнюю» культуру (по выражению Н. И. Ашмарина, свое «мусульманство»), конечно, и «свою прежнюю» арабскую письменность; все это, естественно, сохранилось бы не у татар, а у чувашей; наивно было бы предполагать, что чувашам в этом препятствовали новая территория, соседи-марийцы или христианская религия; в-четвертых, традиция создания государства, которая идет от протобулгар на Приазовье и которая закрепилась образованием Волжской Булгарии, продолжалась бы не у волжских татар, а прежде всего у чувашей, ведь им никто не мешал, нельзя же допускать мысль, что чувашаи были заинтересованы сделать шаг назад в общественном развитии; в-пятых, и антропологические черты булгар сохранились бы не у волжских татар, а у чувашей; в-шестых, так называемое булгарское происхождение приписывали бы себе не волжские татары, а чувашаи, ведь им в этом не было никаких препятствий. Следовательно, исходные установки Н. И. Ашмарина о тождественности булгар и суасов (т.е., по его мнению, булгар и чувашей) не соответствуют действительности, являются ошибочными. Думается, что такую ошибку (а может быть, и преднамеренную путаницу) Н. И. Ашмарин и его последователи допустили не потому, что вопрос, разбираемый ими, очень сложный, а потому, что они, не заинтересованные в объективности исследования, старались во что бы то ни стало доказать свое предвзятое тенденциозное мнение о том, что волжские татары — это только татаро-монголы, завоеватели края, а чувашаи — булгары-суасы.

Кроме того, в высказываниях Н. И. Ашмарина — царского цензора, рьяно служившего интересам царизма, — мы не можем не видеть наличия политической подоплеки. В то время русская буржуазия, следуя принципу «разделяй и властвуй», разжигала национальную вражду между народами. В Среднем Поволжье эта политика лучше всего осуществлялась путем дискредитации волжских татар, которые еще со времен Булгарского государства, а затем и Казанского ханства имели притягательную силу для других народов, населяющих этот край. Для такой дискредитации Н. И. Ашмарин вопреки обоснованным утверждениям многих русских ученых о булгарском происхождении волжских татар выдвинул (и вложил много труда для ее «доказательства») версию о том.

что казанские татары не имеют исторических корней на этой земле, это — завоеватели края.

Нелогичность допускает Н. И. Ашмарин и при рассмотрении этнонима суасламари, которым мари́йцы называют чувашей. Название суасламари, — пишет он, — «указывает ясно, что слово суас первоначально не означало татарина, так как чувашаи как исконные жители края, несомненно были известным черемисам ранее позднейших пришельцев татар, а потому и не могли получить свое название от сравнения с последними. Переводить выражение суасламари словами: «черемисы на татарский лад» — было бы большею нелепостью, и поэтому, объясняя это выражение, можно прийти только к тому заключению, что оно первоначально означало очувавшихся черемис, а впоследствии было перенесено и вообще на чуваш. Произошло это, вероятно, по той причине, что горные черемисы имели сношения только со своими очувавшимися собратьями, жившими к ним в непосредственной близости, тогда как с коренными чувашами им приходилось сталкиваться реже»²⁸. Чтобы более ясно представить мнение Н. И. Ашмарина, покажем его на схеме:

Таким образом, Н. И. Ашмарин вопреки достоверным историческим фактам утверждает, что современные чувашаи — это прежние суасы, а современные татары — это только завоеватели края. По его мнению, соседи-мари́йцы их перепу-

²⁸ Ашмарин Н. И. Там же, с. 50.

тали, ибо не заметили как территорию суасламариЙцев заняли суасы, а место суасов — татары, поэтому марийцы суасов стали называть суасламари, а татар — суасами. Невероятность такого исторического процесса очевидна.

Другой чувашский языковед В. Г. Егоров идет дальше Н. И. Ашмарина и чувашами считает не только суасов (т.е., по его мнению, болгар-суваз), но и суваров²⁹.

Профессор А. П. Ковалевский в своей специальной работе «Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана» пишет, что в записках 15н-Фадлана (X в.) зафиксировано слово суваз, которое до него читалось как суан, что слово суваз идентично со словами суас, суар (чув. съваз, съвас, съвар) и чуваш. Следовательно, по мнению А. П. Ковалевского, чувашаи — это потомки съваз (съвас, съвар). Но, в отличие от других, чувашей он не считает болгарами: «народ суваз в состав настоящих болгарских племен не включался»³⁰. Далее он уточняет: «Но все же, если, с одной стороны, учесть, что названия съваз-съвас и чуваш являются лишь видоизменениями того же самого слова, а с другой стороны, обратить внимание на замечательный факт, указанный П. Г. Григорьевым, что чувашаи, так же как и сувазы, в 922 году и в продолжение последующих многих веков упорно не хотели принимать ислама, нельзя не увидеть тесную связь между обоими народами. Вместе с тем мы видим, что первоначально сувазы в основном находились на левом берегу, чувашаи же вот уже много веков живут на правом берегу Волги. Отсюда предположение о постепенном переселении на правый берег напрашивается само собою. Это было, конечно, связано с нежеланием подчиняться господству болгарской знати и ее новому государственному порядку... начиная уже с десятого века оставшиеся на месте сувазы постепенно сливаются с болгарами. Остальная же часть переселяется все далес и далее на запад и, смешиваясь с местными племенами, образует здесь компактную народность, унаследовавшую старое название съваз-чъваш³¹. Так, по мнению А. П. Ковалевского, чувашаи — это не болгары, а лишь суасы (съвазы) и суары, но они «говорили на одном из

²⁹ Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1971, с. 8-9.

³⁰ Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана.— Учен. зап. НИИ языка, литературы и истории при Совмине Чув. АССР, вып. IX, Чебоксары, 1954, с. 39.

³¹ Там же, с. 45.

диалектов болгарского языка»³². Этот язык они получили от болгар, свой первоначальный язык у них был родственным марийскому³³. Для доказательства своего взгляда на такое происхождение суасов (сувазов, чувашей) ученый привлекает очень много историко-лингвистических материалов. Основной вывод ученого о том, что чувашаи не болгары, подтверждается и новыми данными исторических, археологических, этнографических и лингвистических наук. Что же касается его утверждения, что суасы всегда были чувашами, то оно противоречит тому очевидному факту, что марийцы суасами называют татар, а чувашей именуют суасламари. Было бы наивно думать, что марийцы перепутали своих соседей, что они не заметили преобразования одних народов в другие (суасов в чувашаи или болгар в чувашаи). Точка зрения, предполагающая, что болгарский, даже протоболгарский язык был чувашеподобным, несмотря на свою распространенность, не может быть признана адекватной, ибо ее доводы при серьезном научном подходе к ним разбиваются вдребезги.

Исходя из изложенного об этимологии и семантике этнонима суас, мы присоединяемся к ученым, которые считают, что этноним суас применялся еще в добулгарское время. По нашему мнению, этот этноним был самоназванием тюркоязычных племен, считавших себя речными или водными асами, затем как этноним этих племен он был принят их соседями — предками марийцев. Этноним суас из языка самих суасов постепенно вытесняется другими этнонимами, а в языке марийцев сохраняется для обозначения потомков суасов, принявших уже другие самоназвания. Фонетический вариант этого этнонима в виде чуаш (чуваш, чъваш) прикрепляется затем к суасламари.

6. Нам представляется, процесс семантического развития этнонимов суас, суасламари, чуаш, татар схематически можно показать следующим образом:

³² Егоров В. Т. Там же, с. 39.

³³ Ковалевский А. П. Там же, с. 27.

До усиления в Среднем Поволжье болгарских племен местные тюркские племена, называемые этнонимом суас, под влиянием своих соседей — марийцев постепенно разделились на две части.

Первая часть суасов в процессе образования Булгарского государства вошла в состав булгарского объединения племен, позднее — в состав казанцев, в последствии — и волжских татар. Несмотря на давление других, более авторитетных этнонимов (булгар, казанлы), самоназвание суас сохранялось еще долго, но под влиянием этнонима татар оно перестало применяться самими суасами. Однако поскольку суасы и их потомки жили в соседстве с марийцами, постольку для марийцев всегда были и остались суасами.

Вторая часть суасов еще задолго до формирования булгарской народности перемешалась с ранними предками чувашей, говоривших на особом монголо-тюркском смешанном языке (возможно, с хазарскими кабарями), а также и с частью марийцев. В результате этого образовался новый этнос, отличающийся по языку от ранних предков чувашей, от суасов и от марийцев. Ясно, что это произошло в глубокой древности, ибо смешение языков (т. е. образование третьего языка из двух) возможно лишь до возникновения классового общества, т. е. до формирования народности. В классовом обществе смешение языков уже невозможно, возможна только ассимиляция. Образовавшееся из трех разноязычных племен новое племенное объединение соседние марийцы стали называть суасламари, т. е. людьми, мужчинами (по-суасски, мари —

мужчина, человек), может быть и марийцами, по-суасски. Этот этноним, как мы уже знаем, марийцами применяется и в наши дни для обозначения чувашей. Такое происхождение чувашей подтверждается еще и тем, что в начальном этапе смешения марийская часть суасламари, подражая суасской части, именовавшей себя речными асами, начала называть себя также речными, применяя для этого угро-финское слово *ведь* (веде) 'река, вода'. Этноним *веда* долго служил одним из самоназваний предков современных чувашей. Ссылаясь на неопровержимые доказательства, академик М. Н. Тихомиров историю чувашей убедительно связывает с ведами³⁴. Основываясь на этом и других исторических фактах, а также на материалах современной этнографо-лингвистической экспедиции, мордовский ученый Н. Ф. Мокшин приходит к выводу: «Наиболее правильным представляется мнение М. Н. Тихомирова, указавшего на тождество чувашей с ведой, последняя упоминается, в частности, в «Слове о погибели русской земли» наряду с буртасами, черемисами и мордвой: «Буртаси, черемиси, веда и мордва бортьничаху на князя великого Володимира». Важное доказательство того, что чувашаи в средние века действительно были известны на Руси под именем *веда*, — это бытование данного этнонима у мордвы, причем мордва называют так чувашей вплоть до настоящего времени»³⁵. Об этом же сообщают В. Н. Татищев и Г. Ф. Миллер.

В процессе смешения ранних предков чувашей суасов и марийцев, т. е. образования суасламари, суасский элемент явно преобладал. В результате суасамарийский (т. е. современный чувашский) язык, как бы он ни был близок к тюрко-монгольским ранним предкам чувашей и марийскому, в своей основе получился почти тюркским, но весьма далеким от общетюркских норм.

Должно быть, из-за преобладания в составе суасламари суасов этноним *суас* постепенно вытеснил этнонимы *веда* и *суасламари*. Таким образом, предки чувашей (т. е. суасламари) получили этноним *суас*, который имел различные диалектные фонетические варианты в виде *суаш*, *суаз*, *сюаш*, *чюас*, *чювас*, *чуаш*. Этот этноним затем в татарском языке закрепился как *чуаш*, в чувашском и русском — как *чъваш*,

³⁴ Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973, с. 92.

³⁵ Мокшин Н. Ф. Мордовское название чувашей. — Советское финно-угроведение. 1978, № 4, с. 281-182.

чуваши. Последний вариант сформировался от слова чуаш.

7. Сейчас нам остается выяснить, когда же этноним суас перестал применяться как самоназвание у предков татар, когда начал обозначать только суасламари, т. е. предков чувашей. Надо полагать, что в болгарское время фиксированный Ибн-Фадланом этноним суаз обозначал первую, основную часть суасов, не смешанных с другими, т. е. предков, современных суасов — татар, ибо здесь налицо конечный звонкий з. Если бы Ибн-Фадлан услышал это от представителей второй части суасов, смешанных с другими, т. е. от суасламари — предков чувашей, то это слово не писалось бы как суаз, а непременно было бы зафиксировано как суас — с глухим конечным. Кроме того, тогда предков чувашей называли этнонимом веда, а марийцы именовали их суасламари.

В XVI—XVII веках этноним суас уже в форме чювас или чюваш часто применяется в писцовых книгах Казанского уезда. Первые исследователи этих книг, например, татарский историк Ш. Ф. Мухамедьяров и чувашские историки, с ходу, без всяких доказательств этих чувашей отождествили с предками современных чувашей³⁶. Однако затем на основе более детального анализа писцовых книг и других документов XVI—XVII вв. ученые приходят к выводу, что тогда этноним чюваш (чювас) обозначал предков современных татар, т. е. тех, кого марийцы называли суасами. Так, русский ученый Е. И. Чернышов в своем труде «Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв.» специально останавливается на этих вопросах и вносит ясность в семантику терминов «ясачные сюваша», «служилые татары». Он сначала упоминает статью Ш. Ф. Мухамедьярова «Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 г.», в которой автор устанавливает, что писцовая книга в 73 селениях Казанского уезда отмечает 802 двора чюваш. Далее Е. И. Чернышов пишет: «В течение второй половины XVI и всего XVII в. в писцовых и переписных книгах рядом со служилыми татарами действительно упоминаются «ясачные чюваша». Получается, что татары были только служилые, а чувашаи — только ясачные. Хотя такое деление заведомо весьма сомнительно, но это мало смущало исследователей, причем один из них, П. В. Де-

---

³⁶ Мухамедьяров Ш. Ф. Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг.—Известия КФАН СССР, серия гуманитарных наук, 1957, с. 196; Денисов П. В. Религиозное верование чуваш. Чебоксары, 1950, с. 83.

нисов, считает, что жившие в Казанском уезде чувашаи в XVI и XVII вв. были ассимилированы татарами и омусульманились. При этом он ссылается на документ — грамоту 1612 г. на угодья в починке Трюк-Тямти по Зюрейской дороге. Эта грамота была дана на ясак «чувашину абызу Кучкею Мереткозину, а от него перешла к сыну служилому татарину Досаметку». Так примитивно П. В. Денисов объясняет отатаривание чувашей Казанского уезда. Мы с такой постановкой вопроса, продолжает Е. И. Чернышов, согласиться не можем — прежде всего потому, что в писцовых книгах XVI в. по левому берегу Волги по соседству с татарами упоминаются марийские волости, а не чувашские, во-вторых, в начале XVII в. татары в Казанском уезде не могли быть в меньшинстве среди чувашского населения, в-третьих, некоторые места писцовой книги позволяют считать, что служилые татары называли чувашами ясачных татар. Так, в писцовой книге Свяжского уезда 1565 г. Д. Кикина говорится, что в деревне Большом Новом Хозяшеве «жили в войну казаки³⁷ и чуваша — казанские люди... и те казаки — служилые и чуваша — ясачные люди»³⁸. В писцовой книге Болтина 1602 г. по Казанскому уезду читаем: «В той же деревне (Большой Елге) служилой татарин чуваша Ия Микеев, оклад его 9 руб.». Эти записи вполне ясно показывают, — пишет Е. И. Чернышов, — что под «чувашами» имелись в виду ясачные татары, причем служилый татарин Ия Микеев был раньше ясачным, поэтому он и обозначался словом «чуваша». Даже в I пол. XVIII в. в документах встречается выражение «из чуваш новокрещен ясачный татарин». Словом «татарин» здесь обозначается национальность; этот татарин принял православие, а раньше, как ясачника, его именовали «чуваша». В дозорной книге № 153 указываются понятие «чуваша» дер. Нурмы и Кобек, но межа учинена «от татарского прясла дер. Кебеч на дуб». Следовательно, понятыми были ясачники из татарских деревень — не чувашаи, а татары.

Все это приводит к заключению, что под словом «чуваша» надо разуметь ясачных татар. Нет никакого сомнения, что ясачных татар называли «чувашами» служилые татары, со слов которых писцы и писали ясачных татар чувашами. Все

³⁷ Возможно, эти казаки есть прежние кайсаки (косоги), упоминаемые в летописях наряду с асами (ясами) и аланами, следовательно, и с суасами.

³⁸ Сноска Е. И. Чернышова. Но в книге Свяжского уезда упоминаются и чувашаи по национальности — курмышские, чебоксарские и цивильские чувашаи.

это позволяет нам в дальнейшем изложении «чуваши» Казанского и Свияжского уездов считать ясачными татарами³⁹. Эту длинную выдержку из труда Е. И. Чернышова мы привели для того, чтобы показать, как ученый, относящийся к этнической истории татар и чувашей без предвзятости, на основе огромного по объему фактического материала приходит к совершенно ясному выводу: «Под словом «чуваши» надо разуметь ясачных татар».

Кроме этих данных, Е. И. Чернышов приводит и другие материалы, которые показывают, что волжских татар (прежних суасов), относящихся к ясачному сословию, называли чувашами, а относящихся к служилому сословию — татарами. Вот некоторые из них «В дозорных и межевых книгах 1675 г. Ив. Протопопова о дер. Ачасыр и Ураспугиной Свияжского уезда читаем, что били челом «ясачные татаровья тех деревень, где они живут от Казанского взятъя прадеды и деда и отцы их в ясаке». А между тем в писцовых книгах Ив. Франзбекова 1648 и 1649 г. в дер. Ачасыр записаны ясачные татары, в дер. Ураспугиной — «чувашские ясачники», причем несколько ниже отмечается, что покосами владели «исстари ясачные татары дер. Ачасыр и Ураспугинской»⁴⁰. «Ясачные татары дер. Ачей Зюрейской дороги схоронили в 1673 г. «мертвых чувашу 3 человек» и «учинили татарские мазары». Зачем было устраивать татарские мазары, если чуваша не татары? Этот случай тоже доказывает, что «чуваша» не кто иные, как ясачные татары»⁴¹. Дер. Ашерма называется татарской, а несколькими строками ниже говорится о «чуваше дер. Ашермы», ясно, что в татарской деревне Ашерме жили ясачные татары»⁴². Почему тогда ясачных татар называли чувашами — Е. И. Чернышов не объясняет. Но мы уже знаем, что одно из племен, принявших участие в образовании сначала болгар, а затем и волжских татар, называлось суасы (чуашы, часы или чуваша), русские писцы этот этноним писали как чуваш, а иногда — чувас.

Выяснением семантики слова чуваш или чувас в XVI—

³⁹ Чернышов Е. И. Татарская деревня II половины XVI и XVII вв.— В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г.— Рига, Ан Латв. ССР, 1963, с. 175-176.

⁴⁰ Там же, с. 157.

⁴¹ Чернышов Е. И. Татарская деревня II половины XVI и XVII вв.— В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г.— Рига, Ан Латв. ССР, 1963, с. 135.

⁴² Там же, с. 176.

XVII веках занимался и русский историк И. П. Ермолаев. Основываясь на данных своих предшественников, но не учитывая того, что предки татар имели этноним суас (чуас, чуаш), а марийцы их до сих пор называют суасами, он приходит к следующему выводу: «Писцовая книга показывает, что как только «ясачный чуваш» становится служилым, он начинает называться служилым татаринном»⁴³. Следовательно, чувашаи в писцовых книгах — это не чувашламери, т. е. не предки современных чувашей, а одни из предков татар, которые имели самоназвание суас — чуаш.

Такой вывод подтверждается и другими данными. Общеизвестно, что в составе волжских булгар были племена по названию бесермян (диал.: почорман, бычирман). Основная часть их затем вошла в этнический состав волжских татар, этих бесермян до сих пор называют почорман или бычирман-бычирманнар, раньше они составляли зависимое от князей население⁴⁴. Значительная часть бесермян, живя среди удмуртов, ассимилировалась, приняла удмуртский язык и составляет особую часть удмуртов. Но каждый из этих бесермян «знает, что его предки были татары, т. е. тюрки. Утверждение бесермян, что они являются выходцами из древнего татарского селения на Чепце Карино (бесер. и удм. название Каргурт, букв. «деревня Кара»), обоснованно»⁴⁵. Еще в XIX веке ученые заметили, что в дозорных книгах и других исторических документах XVI—XVII вв. бесермян называют и чувашами⁴⁶. В бассейне р. Чепцы, по-видимому, суасы и бигеры настолько смешались, что одних и тех же бесермян удмурты называли бигерами, а сами бесермяне рекомендовали себя составителям документов как суасы > чуашаи > чувашаи.

Итак, мы выяснили, что местные племена, которые вошли и в состав болгарского объединения племен, и в состав казанцев, а также и волжских татар, свое самоназвание суас (чуоас, чуоаш), несмотря на влияние болгар и казанцев, сохранили вплоть до XVII—XVIII веков. В этот период и суасламери, по-видимому, наряду с этнонимами веда и суасла-

⁴³ Ермолаев И. П. Писцовая книга Ивана Болтина как источник.— В кн. Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов.

⁴⁴ Мухамедова Р. Г. Чепецкие татары.— Новое в этнографических исследованиях татарского народа. КФАН СССР, Казань, 1979, с. 11-12.

⁴⁵ Тепляшина Т. И. О смешении терминов «чувашаи» и «бесермяне» в письменных источниках.— Учен. зап. чув. НИИ, вып. XI, Чебоксары, 1968, с. 181.

⁴⁶ Спицын А. К истории вятских инородцев.— Календарь Вятской губернии на 1889 год. Вятка, 1988, с. 221; Тепляшина Т. И. Там же, с. 181.

мари начали интенсивно применять самоназвание чуваш. Таким образом, долгое время название чуас — чуваш применялось и суасламари и у суасов.

Что касается этнонима татар, то он еще не стал самоназванием ни в XIX, ни в начале XX в. Об этом говорит и тот факт, что деревни, которые потом стали татарскими, тогда имели улицы по самоназваниям их жителей: казак (должно быть, в русских источниках косоги или кайсаки), чуаш (по-видимому, прежнее суас), мирзаныкылар⁴⁷, типтяр, казан кешесе, башкорт, керэшен, бигэр и др. Среди этих племенных названий мы нигде не встречаем этноним татар. Следовательно, он насаждался как эктоэтноним, т. е. как внешний этноним. Этому способствовало то, что этноним татар в период господства Золотой Орды приобрел социально выгодное значение и продолжал его иметь в последующем. Русские называли феодальную прослойку всех восточных народов служилыми татарами или просто татарами точно так же, как они нерусское население западных областей называли латышами⁴⁸.

В Казанском уезде самоназвание суас-чувас-чуваш в XVI—XVIII вв. применялось в социально невыгодном значении, т. е. оно обозначало ясачных людей: и суасов, и суасламари (т. е. веда). Суасы сначала под влиянием булгар, затем казанцев свое прежнее самоназвание суас постепенно утратили, оно заменилось этнонимом татар. Суасламари, вытеснив прежние названия веда, суасмари, может быть, еще и мари, также постепенно закрепили за собой этноним чуваш.

8. Таким образом, исследование этимологии этнонима суас путем раскрытия его фонетического и семантического развития с привлечением всех исторических данных приводит нас к выводу, что современные волжские татары и чуваша являются родственными народами, ибо в ходе исторического развития в состав и тех, и других вошли суасы. Суасы принимали участие в формировании современных чувашей, в основном, вместе с мари́йцами, волжских булгар — совместно с булгарами, бургасами, эскелами, берсула, суарами, башкирами и др. племенами. Последние (булгары) затем вместе с частью мишарей, башкир, суасламари и угро-финноязычных народов переросли в волжских татар. Итак, в составе волжских татар, хотя они мари́йцами именуются суасами, удель-

⁴⁷ Износков И. А. Список населенных мест Казанской губернии. с кратким их описанием, вып. 2. Казань, 1895, с. 10.

⁴⁸ Ермолаев И. П. Писцовая книга... с. 18.

ный вес суасов меньше, чем в составе чувашей. Вот такими родственными узами объясняются многие древние общие традиции двух соседних дружественных народов — татар и чувашей.

Разумеется, приведенные выше выводы несколько не противоречат общеизвестным фактам из истории болгар, а также не исключают возможность автохтонного этногенеза древнейших монголоязычных предков чувашей, которые затем в недрах Волжской Булгарии частично смешались с тюркоязычными суасами и участвовали в становлении нынешнего чувашского народа. Так что многочисленные «чувашизмы» в финноугорских языках тоже не являются результатами одних лишь контактов с болгарями, так как среди них имеется большое количество общетюркских лексем.

Г Л А В А VII

ОТ БУЛГАРСКОГО К ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ

Итак, мы рассмотрели все доводы сторонников болгаро-чувашской теории и не нашли ни одного достоверного факта, который бы прямо или косвенно свидетельствовал о существовании у болгар чувашского типа *р*-языка. По существу все выдвинутые ими доводы базировались исключительно на недоразумениях и ошибочно интерпретированных фактах. Учитывая, что несостоятельность болгаро-чувашской концепции теперь очевидна, и принадлежность чувашеподобного языка памятников мусульманским предкам чувашей не вызывает сомнений, в этой главе мы переходим к рассмотрению собственно болгарского языка.

Ранее, в главе об эпитафических памятниках, мы уже определили, что булгарам принадлежали надгробные памятники 1-го стиля, в то время как язык памятников 2-го стиля принадлежал исламизированным предкам чувашей, которые жили в Волжской Булгарии. Чтобы реконструировать язык 1-го стиля, необходимо, разумеется, собрать тексты всех этих эпитафий и проанализировать их в совокупности с другими дошедшими до нас синхронными письменными памятниками булгар. Начнем с языка эпитафии 1244 года, когда в Булгарии еще не освоились монголо-татары. Вот фрагмент этой ямбухтинской эпитафии, где, в частности, говорится: *...aldynda, 84 jaşynd gadäde: tarix alty jüz qyrq ekida. 642...* «...переднем, в возрасте 84-х лет, по летоисчислению в шестьсот сорок втором. 642-м...», то-есть по христианскому летоисчислению в 1244 году...¹.

---

¹ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпитафику.— М.-Л., 1960, с. 46.

Как видим, эпитафия эта написана на з-языке, т. к. числительные названы *jüz* (а не *žür*), *qurq* (а не *хегх*), *ekida* (а не *ike-meš*). Принадлежность данной эпитафии булгарам не вызывает сомнений уже по той причине, что датирована она 1244 годом, когда болгарский народ продолжал вести повстанческую борьбу с завоевателями. И в правильности датировки тоже не может быть сомнений, ибо она приведена здесь дважды: один раз словами «*alty jüz qurq ekida*» и второй раз цифрами «642».

Или, вот, еще другая, более пространный эпитафия из Булгарского городища, датированная 1311 годом: ...*Fatimä elçi bintü Ajur ibn Mäčkä ibn Junys al-Bolgari... Jegerme eki jašynda vafat boldy... hižrätqa jeti jüz on berda*. «...Фатима-ильчи дочь Аюпа, сына Мачка, сына Юнуса Булгарского... в двадцати-, вухлетнем возрасте скончалась по летосчислению в семьсот одиннадцатом»².

Этот памятник посвящен знатной болгарской женщине Фатиме, у которой, судя по родословной, все предки — и отец, и дед, и прадед — были булгарами-мусульманами и жили в городе Булгаре, по-видимому, задолго до монголов, но эпитафия написана тоже на том же з-языке: в ней, как и в предыдущем примере, приведены числительные с зетацизмом, те же общетюркские формы глаголов и аффиксы болгарских падежных окончаний.

Или, вот, еще один текст такой же болгарской эпитафии, но уже из села Тарханы Татарстана, датированный 1314-м годом: ...*Galimlärny tärbijä qylqan häm alarny sügän, mäşgedlär gi-jmarät qylqa(n), üküš häjr sahibe, meskenlärneç... sügän Xuža ugly Gosman ugly tamğaçy Ibrahim äs-Sivari vafat bulğan. Bu tarih jeti jöz un türtençedä žomady al-ävväli ajynuç un altunç köne ärdi*. «...Давший воспитание ученым и любивший их, мечети возводивший, много благодеяний совершивший, сын Ходжи, сына Госмана, сборщик податей Исмагил Суварский скончался это по летосчислению в семьсот четырнадцатом (году), джумади первого месяца в шестнадцатый день было»³.

Этот памятник посвящен сборщику податей Исмагилу, представителю болгарского племени сувар, и тоже нет в нем никаких признаков чувашского ротацизма и ламбдаизма: все числительные (*jet* «семь», *jüz* «сто», *un* «десять», *türt* «четы-

² Юсупов Г. В. Там же, 10-я таблица.

³ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику.— М.-Л., 1960, с. 46. 12 таблица; Хакимзянов Ф. С. Указанное соч., стр. 96-97.

ре», alty «шесть»), а также все другие слова (aj «месяц», uǧly «сын», üküš «бедный» и проч.) написаны на типичном з-языке.

Можно привести множество и других эпитафий того же стиля (всего их обнаружено и описано теперь около 150-ти разновременных памятников) и все они написаны на этом же з-языке, не имеющем признаков ротацизма и ламбдаизма.

Исходя из з-язычности поздних болгар, ашмаринисты выдвинули новую версию о предполагаемой «смене болгарского языка». Согласно этой версии, болгары якобы когда-то все же говорили на старочувашском языке, но затем еще до монголов забросили этот свой старый язык и заговорили на обычном тюркском з-языке. Причиной такой смены языка выставляют то предполагаемый приход в Булгарию з-язычных кыпчаков, то приход средазийских священнослужителей, то влияние на болгар общетюркского книжного языка⁴, или даже полной сменой населения из-за мора от чумы⁵.

Разумеется, превращение чувашского типа р-языка в общетюркский з-язык мало вероятно, потому что языки эти уже более тысячи лет сосуществуют параллельно и превратиться один в другого в недавнем прошлом никак не могли. Между тем мы признаем, что все живые языки постоянно развиваются и меняются. То, что болгарский язык тоже постепенно менялся, мы убеждаемся и на примерах приведенных выше эпиграфических памятников разных времен. Но изменение это происходило не в форме смены старого р-языка з-языком, а в форме смены старого з-языка новым з-языком. Исходя из таких незначительных изменений, происходивших в связи со сменой исторической обстановки, в развитии болгарского языка различают четыре периода: 1) период древнего протоболгарского языка, существовавшего с незапамятных времен и до распада великой Болгарской державы в Приазовье (VII век); 2) период раннеболгарского языка, существовавшего в Поволжье с VII века н. э. до монгольского нашествия (XIII век); 3) период позднеболгарского языка, существовавшего после монгольского нашествия и до XV века; и, наконец, 4) период новоболгарского или казанско-татарского языка, существующего с XV века по настоящее время.

---

⁴ Хакимзянов Ф. С. Указанное соч., стр. 9-12.

⁵ Эту идею развивал проф. из Медисоны (США) Юлай Шамилоглы в своем выступлении в Казани в 1990 году.

Протоболгарский язык. По этому языку мы не имеем письменных памятников. О нем можем говорить лишь по аналогии. Булгары жили среди хазар, а хазарский язык характеризовался главным образом обычнотюркскими особенностями, следовательно и протоболгарский язык был таким же. Кроме того, его можно представить похожим на язык домонгольских волжских булгар, поскольку последний был продолжением протоболгарского языка. Надо еще полагать, что он, подобно раннебулгарскому языку, должен был быть мало дифференцированным или синкретным языком, содержащим в себе особенности не только кыпчакских, но и огузских и карлукских языков, ибо распад тюркских языков на эти группы завершился в основном в период формирования отдельных тюркских литературных языков (т. е. в XIV—XVIII вв.).

Можно попытаться реконструировать протоболгарский язык и с помощью текста известного славяно-болгарского именника, упомянутого нами в третьей главе настоящей книги. Там мы говорили, что в найденном профессором Поповым протоболгарском документе, названном «славяно-болгарским именником», содержатся 13 пар загадочных слов, названных «неславянскими вокабулами» и напоминающих собой тюркские числительные, а именно: «диллом твирем», «дохс твирем», «шегор вечем», «верени алем», «текоу-читем твирем», «дван шехтем», «тох алтом», «шегор твирем», «... шегор-алем», «сомор алтем» и «диллом тоутом». Поскольку некоторые из вокабул повторяются здесь по два и более раза, то всего в нем насчитывается 15 непонятных слов, в том числе 8 первых («диллом», «дохс», «шегор», «верени», «текоу», «дван», «тох», «сомор») и семь вторых слов («твирем», «вечем», «алем», «читем», «шехтем», «алтом/алтем», «тоутом»). Поскольку перед каждой парой вокабул стоят слова «лет ему...» («лет ему диллом твирем», «лет ему дохс твирем» и т. д.), то рассматриваемые вокабулы можно принять за двузначные числительные, обозначающие годы жизни или же продолжительность царствования протоболгарских князей. Об этом же говорит и сходство многих названных вокабул с тюркскими числительными. Например, вокабула «алтом» весьма похожа на тюркское числительное *altu* «шесть», «дохс» созвучно с числительным *doguz* «девять», «вечем» созвучно с *ösoñ* «тридцать» и т. д. Кроме того, бросается в глаза то, что в каждой паре вокабул первые слова похожи на единицы, а вторые — на десятки, ибо последние оканчиваются на

-ом/-ем, воспринимаемые как тюркское *on* «десять». Если это действительно тюркские числительные, то, выходит, что в протоболгарском языке, как и в языке орхоно-енисейских памятников, существовала система «обратных» числительных, где единицы предшествовали десяткам, а десятки стояли после единиц и вместе обозначали величину, меньшую на десять. Например, *bere jegerme*, переводимое на русский язык как «один двадцать», обозначало не «двадцать один», а «одиннадцать»; *segiz otuz*, переводимое как «восемь тридцать», обозначало «двадцать восемь» и т. д. Такая система «обратных» числительных в древности существовала у орхонских и енисейских тюрков, а ныне сохранилась в языке желтых уйгуров.

Поскольку фонетические составы приведенных вокабул резко изменены и в их изменениях прослеживается некоторая закономерность, можно полагать, что вокабулы эти, подобно орхоно-енисейским памятникам, первоначально были написаны знаками тюркской руники, а затем кем-то из славян, не знавшим тюркского языка и слабо разбиравшимся в рунике, были механически переписаны буквами кириллицы. Поскольку в тюркской рунике нет строгой графо-фонетической адекватности (например, руна одновременно может означать до семи различных фонем — «е», «э», «и», «ы», «л», «п», «пъ» — и еще дополнительно может быть словоразделительным знаком, а фонема «б», наоборот, может обозначаться шестью или семью различными рунами — , то при транскрибировании рунического оригинала переписчиком были допущены разночтения одних и тех же рун, что и привело к искажениям фонетических составов вокабул⁶. Кроме того, некоторые руны в оригинале были, по-видимому, написаны нечетко или же были полустерты, что позволило одни и те же слова читать в разных местах по-разному.

Например: 1) вокабула «шегор» в руническом оригинале могла быть написана (*segiz*) «восемь», но начальная руна , обозначающая звуки «с» и «ш», в данном случае была прочитана как «ш», а руна , обозначающая звуки «е», «э», «и», «ы» и др., была прочитана в первом случае как «е», а во втором случае как «о». Кроме того, конечная руна , по-видимому, имела в оригинале нечетко прочерчен-

⁶ Начертания тюркских рун здесь и далее приводятся в соответствии с таблицей, приведенной в монографии А. Н. Кононова «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.», стр. 58.

ную правую нижнюю ветвь X , что позволило читать ее как Y «р». В результате этих неточностей числительное *segiz* «восемь» превратилось в «шегор», чего, очевидно, не произошло бы, если бы переписчик владел тюркским языком или, по крайней мере, понимал значение слова *segiz*.

Точно так же искажены и другие числительные. 2) Вокабула «текоу» в руническом оригинале, вероятно, была написана Y I Y I (*ikeu*) «два», но славяноязычный переписчик спутал начальную руны I «и» с аналогичной руной I «т», и тем самым *ikeu* превратилось в «текоу». 3) Вокабула «верени» в оригинале могла быть написана I C I X (*bere*) «один», но переписчик превратил ее в «верени», поскольку начальная руна X читается и как «б» и как «в», а непонятное окончание «-ни» перешло сюда, очевидно, от последующего слова. 4) Вокабула «дван» в оригинале могла быть написана H C Y X (*dört*) «четыре», но поскольку вторая руна Y читается и как «у», и как «о», и как «ü», а последняя фонема «ü» часто слышится как «в», то *dört* превратилась в «дван», тем более, что конечные руны H C — ошибочно были прочитаны как «-ан». 5) Вокабула «дилом», вероятно, была написана $\bullet \text{I I X}$ (*biše*) «пять», но переписчик прочитал ее начальную руны X «б» как «д», третью руны I «ш» — как J «л» и конечный слогообразовательный знак $\bullet$ принял за $\bullet$ «м». 6) Вокабула «сомор», как и «шегор», образована от X I C I (*segiz*) «восемь», так как третья руна C «г» переписчиком принята за $\bullet$ «м» и конечная нечетко начертанная руна X «з» принята за C «р». 7) Вокабула «дохс», несомненно, была написана I X Y X (*doğ(y)s*) «девять», и переписчик закономерно прочитал ее как «дохс», не зная особенности тюркского произношения этого слова. 8) Вокабула «тох» тоже образована от того же числительного I X Y X (*doğ(y)s*) «девять» путем оглушения начального «д» и усечения конечного «з».

Что же касается вторых вокабул тех же пар именника, то они образованы по тому же принципу, но обозначают уже не единицы, а десятки двузначных чисел: «двадцать», «тридцать», «сорок» и т. д. В руническом оригинале все они имели окончание *-on* со значением «десять», а в славяноязычном именнике конечные фонемы *n* заменены на *m*, очевидно, из-за того, что в оригинале были обозначены руной O , читающейся и как *m* и как *n*. А все остальные искажения вокабул вполне прозрачны и легко расшифровываются. 1) «Вечем» образовано от O N A N (*üçon*) «тридцать», поскольку руна N

читается и как «о» и как «ü», переходящее в «в». 2) Руны «алтом» и «алтем» образованы от $\text{O}^{\text{N}}\text{H}\text{J}\text{I}$ (altōj) «шестьдесят». 3) «Алем» образовано от IJI (eli) «пятьдесят» (конечная фонема «м» добавлена по аналогии с окончаниями других вокабул). 4) «Читем» образовано от $\text{O}^{\text{N}}\text{H}\text{I}\text{A}$ (čitōj) «семьдесят». 5) «Шехтем» образовано от $\text{O}^{\text{M}}\text{I}\text{X}\text{M}$ (sigsej) «восемьдесят», так как «с» и «ш» обозначаются одной руной. 6) «Твирем» образовано от $\text{O}^{\text{M}}\text{C}\text{I}\text{E}\text{I}$ (egerem) «двадцать», так как начальный слог ошибочно прочитан как «тв-». 7) «Тоутом» образовано от $\text{O}^{\text{N}}\text{H}\text{C}\text{N}\text{H}$ (törtōj) «сорок», так как руна C прочитана как «у».

Таким образом, все тринадцать пар вокабул именника расшифровываются как тюркские двузначные числа. В частности, «диллом твирем» означает «пятнадцать» (писалось biše egerem «пять двадцать» со значением «15»). Повторное «диллом твирем» тоже означало «пятнадцать». «Дохс твирем» означает «девятнадцать» (писалось dogs egerem «девять двадцать» со значением «19»). «Шегор вечем» означало «двадцать восемь» (писалось segiz üson «восемь тридцать» со значением «28»). Повторное «шегор вечем» тоже означает «двадцать восемь». «Шегор твирем» означает «восемнадцать» (писалось segiz egerem «восемь двадцать» со значением «18») и т. д.

Однако что же в реальности могли означать эти двузначные числа — сказать трудно. Поскольку перед каждой парой вокабул стояли слова «а лет ему...», следует полагать, что означали они количество лет, притом вероятнее всего продолжительность царствования князей, а в некоторых случаях и продолжительность их жизни, так как, не понимая значения вокабул, переписчик именника мог переставлять их местами. Например, о князе Курте, под которым исследователи подразумевают известного в истории князя Кубрата, сказано: «Курт 60 лет держал, род ему Дуло, а лет ему 28». Здесь числа 60 и 28 явно переставлены местами, так как, прожив всего 28 лет на свете, этот князь не мог держать власть в течение 60 лет. То же самое и князь Севар, прожив 15 лет, не мог княжить в течение 59 лет — здесь тоже числа переставлены местами. А вот сообщения о князе Есперерихе (Аспарухе?) более достоверны: по тексту именника, он прожил 61 год, был из рода Дуло, «а лет ему 41», то-есть княжил в течение 41 года. Про князя Ирника сказано, что он прожил 150 лет, был из рода Дуло и княжил в течение 15 лет. Притом продолжительность его жизни и тем более продолжительность жизни дру-

гого князя, Авитохола, (300 лет?) явно фантастичны, что свидетельствует об использовании автором именника народных преданий, восходящих, очевидно, к разноязычным источникам.

Но нас здесь интересует не столько достоверность биографических данных о болгарских князях, сколько лингвистические данные о протоболгарском языке. Если считать, что расшифрованные нами здесь протоболгарские слова определены правильно (а пользуясь той же тюркской руникой, можно расшифровать их и несколько иначе), то выходит, что язык древних болгар был именно таким, каким мы его представляем по данным орхоно-енисейских рунических памятников, а также по сравнению с языком ранних волжских булгар. Язык этот был, несомненно, тюркским, близким к языку орхонских тюрков первого тысячелетия нашей эры, но был он еще более древним. Если орхонские и енисейские тюрки в VII—IX веках употребляли более современные числительные *otyž* «30», *qy-gyč* «40», *altmyš* «60», *jetmiš* «70», то в протоболгарском языке вместо *otyž* употреблялось более древнее *üčon* «30», вместо *qygyč* употреблялось *törtön* «40», вместо *altmyš* — *altoŋ* «60» и т. д. Притом выясняется, что протоболгарский, как и все исконно тюркские языки, был обычным 3-языком: все корреспондирующие слова в именнике (*tört* «4», *segiz* «8», *doğyz* «9» и т. д.) употреблены в нем с явным зетацизмом, без всяких признаков ротацизма и лабдаизма. И, наконец, протоболгарский язык, как и язык орхоно-енисейских тюрков, был мало дифференцированным и синкретным языком, ибо употреблявшиеся в нем слова (*öč*, *dört*, *biše*, *segiz*, *doğyz*, *on*, *egerem*, *biton* и т. д.) с одной стороны сближались к огузским, а с другой стороны — к кыпчакским и карлукским числительным.

Предполагают, что руническая письменность перешла к среднеазиатским тюркам от согдийцев в середине первого тысячелетия н. э. Если так, то можно думать, что руническая письменность пришла в Приазовье в VII веке н. э. вместе с тюркютами из династии Дуло и получила здесь распространение перед самым распадом Великой Болгарской Державы. Поэтому следы недолгого существования рунической письменности обнаруживаются ныне во всех трех регионах дальнейшего расселения протоболгар: во-первых, на Дунае, куда ушли аспаруховы племена и где написан рассматриваемый нами здесь славяно-болгарский именник; во-вторых, — на Северном Кавказе, где обосновались предки нынешних балкар

и где обнаружены приэльбрусские рунические письмена⁷; и, в третьих,— на Средней Волге, куда ушли волжские булгары и где тоже обнаружены рунические письмена⁸.

Однако все эти наши выводы и суждения о протоболгарском языке, как и о существовании у протоболгар рунической письменности, базируются пока лишь на предположениях и косвенных доказательствах, так как вполне достоверных письменных памятников того периода мы все же не имеем.

Раннебулгарский язык. Что же касается раннебулгарского языка, или языка домонгольских булгар, то о нем мы можем судить вполне определенно, так как имеем непосредственные его письменные памятники. Кроме того, об этом языке сохранились ценные сообщения средневековых арабских писателей. Например, из сообщений Ибн-Фадлана явствует, что в 921-922 годах н. э. волжские булгары говорили на обычном тюркском 3-языке, так как сопровождавший его в поездке в Булгарию переводчик из тюрков по имени Текин одинаково свободно изъяснялся и с гузами, и с печенегами, и с башкирами, и с булгарами, чего никак не мог бы он делать, если бы булгары говорили на старочувашском р-языке, которого тюрки вообще не понимают⁹.

Есть еще сообщения арабских писателей — Ибн-Русте, Ибн-Хаукаля, Эль-Балхи и др., — говорящие о сходстве болгарского языка с хазарским, который по результатам многих исследований также характеризовался главным образом обычнотюркскими особенностями.

Более конкретные сведения о болгарском языке сохранились в сочинении Махмуда Кашгари, относящемся к XI веку. В своем «Дивану лугат-ат-тюрк» он приводит данные сведения не только о болгарском, но и о других языках средневековых тюрков. Правда, в целях краткости изложения в своем «Диване» он не приводит полностью словари ни одного из опи-

---

⁷ Байчоров С. Я. Северокавказский ареал древнетюркской письменности. М. 1977.

⁸ На территории бывшей Волжской Булгарии руническая надпись на камне была обнаружена археологической экспедицией под руководством А. Х. Халикова в марийском крае, севернее Казани. Другая руническая надпись на ручке гончарной посуды обнаружена на территории Билярского городища. Третья надпись, тоже фрагментарная, обнаружена А. Х. Хаковым на камне близ села Сарабикулово Татарстана (см. публикацию в кн.: Истоки татарского литературного языка. Казань. 1988, стр. 12—13). Четвертая надпись на глиняном пряслице обнаружена Е. А. Беговатовым на Мурзихинском селище ТАССР (публикацию см. там же, стр. 17-19).

⁹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. 1939, с. 55, 59, 71, 74 и др.

сываемых им тюркских языков, а ограничивается лишь перечислением немногих специфических слов, присущих данному языку, имея в виду, что все остальные слова в нем являются общетюркскими. А в тех случаях, когда то или иное слово присуще целому ряду языков, он приводит его во всех языках, в которых оно употреблялось. Например, слово *tävä* «верблюд» упоминает не только в языке йемеков, но и в языках чигиль, печенег и др. Точно так же поступает и при характеристике болгарского языка и языка сувар. Булгарам он приписывает слова *qaraq* «сливки», *azaq* «нога», *avus* «воск», *lav* «воск для печати», *toz* «насытиться», *kükleš* «породниться», а суварам — *bal* «мед», *tävä* «верблюд», *azaq* «нога», *jalnuk* «невольница», *toz* «насытиться», подразумевая при этом, что все остальные их слова являются общетюркскими.

То, что болгарский язык был обычным тюркским 3-языком, показывают прежде всего приведенные выше специфические болгарские и суварские слова. Если бы болгарский язык был ротацирующим, то слово «нога», например, имело бы формы *agaq* (ср. чуваш. *uga(q)*), а Кашгари приводит его в форме *azaq*, то есть с явным признаком зетацизма. И слово «насытиться» тоже в р-языке имело бы форму *tor-* (ср. чув. *tor* (*ap*)), а Кашгари приводит его форме *toz-*, то есть в явным признаком 3-языка. Кроме того, говоря о языках западных тюрков, Кашгари прямо указывает, что «в языках кыпчаков, йемеков, хазаров и болгар» употребляется ауслатный *-z*, чем непосредственно подтверждает 3-язычность болгар, как и их соседей.

Кроме того, Кашгари приводит весьма ценные сведения для классификационной характеристики болгарского языка. Он пишет: «Язык же болгар, сувар и печенегов, находящихся вблизи Рума, (является) тюркским с одинаковым способом с опускающимися окончаниями»¹⁰, чем подтверждает сходство болгарского языка с печенежским, а затем на странице 90 печенежский язык относит к огузской группе, причисляя и самих печенегов к числу двадцати двух существовавших тогда огузских племен¹¹. Таким образом, Кашгари еще раз подтверждает, что в XI веке болгарский язык был ближе к огузским, чем к кыпчакским языкам.

К сожалению, все эти ценные сведения Кашгари о болгаро-суварском языке до сих пор незаслуженно игнорирова-

¹⁰ Махмуд Кашгарий. Девону луготит турк, т. I. Тошкент. 1960, с. 66.

¹¹ Махмуд Кашгарий. Указанное соч., стр. 90.

лись многими лингвистами на том основании, что они противоречат представлениям ашмаринистов. Поскольку булгар было принято считать «чувашезычными», а Кашгари сообщает как раз об обратном, то его сведения объявлялись «ложными». Например, Омелян Прицак, посвятивший сведениям Кашгари специальную научную публикацию, утверждает, что Кашгари сам никогда в Бургарии не бывал, бургарского языка не знал и писал о нем лишь понаслышке, со слов приезжих купцов, которые-де могли быть вовсе не бургарами и бургарского языка могли не знать. Подтверждением такого своего суждения Прицак считает то, что приведенные в «Диване» бургарские слова не встречаются в текстах бургарских эпитафий 2-го стилия. Поэтому он предлагает вообще игнорировать сообщения Кашгари о бургарском и суварском языках¹².

Однако подобные попытки «опровергать» сообщения Кашгари не имеют под собой никаких оснований, кроме упрямого стремления их авторов во что бы то ни стало «доказать» р-язычность бургар. Не верить сообщениям Кашгари и других современников нет у нас никаких оснований. Более того, сведения Кашгари, как увидим ниже, удивительно точно характеризуют особенности домонгольского бургарского языка, выявляемого по письменным памятникам той эпохи. Правда, эпиграфические памятники того периода до нас не дошли, в частности, текст упоминаемого Н. П. Рычковым биярского надгробия от 1173 года остался нескопированным, а сам памятник безвозвратно утерян, а текст упомянутого И. Ф. Готвальдом осколка надгробия и Болгарского городища от 1223 года оказался настолько фрагментарным, что не позволяет делать по нему какие-либо лингвистические выводы¹³.

Но сохранились тогдашние произведения бургарской литературы, которые позволяют довольно точно воспроизводить язык домонгольских бургар. Среди этих произведений особое место занимает, например, поэма Кула Гали «Кысса-и Юсуф» («Повествование о Юсуфе»), написанная незадолго перед нашествием монголов и отражающая язык той эпохи. Хотя ашмаринисты пытаются и это произведение тоже отчуждать от бургар и приписывать его другим народам из-за того,

¹² Pritsak O. Kaşgaris Angaben über die sprache der Bulgaren. — Zeitschrift der Deutsches Morgenländischen Gesellschaft, Bd. 109, pf. 1. Leipzig — Wiesbaden, 1959, s. 106-116.

¹³ Рукописный фонд Библиотеки им. Лобачевского в Казани, коллекция И. Ф. Готвальда.

что написано оно на з-языке, более квалифицированными исследованиями лингвистов достоверно установлено, что оно является именно болгарским сочинением и принадлежит перу выходца из Булгарии поэта Кула Гали¹⁴. Поэтому чтобы проиллюстрировать достоверность сведений М. Кашгари и других современников о характере болгарского языка, приводим ниже некоторые отрывки из этого несомненно болгарского сочинения:

...Gaziz Jusef tāmam unber jāšār idi,
Jákub sāučī ojlykynda ojyr idi,
Ojurkän ber gažāb döš Jusef kürdi,
Tāzvileni atasyndan sorar imdi:

«Dogar kön, tulun aj, onber joldyz,
Döšem ičrä säždä qyjldyj bāņa döpdöz,
Ošbu döši bilä kürdem hiç gömansyz,
Ja äbäta, bāņa täzvil äjgyl imdi»

Anda Jákub Jusefnyn döšen jurdyj,
Tāzvileni möbarāk äjtü üirdi,
Ömitder kem, mäüladan mädäd irdi,
Sāņa gyjzzät vä räfägat kürner imdi.

«Милому Юсуфу было одиннадцать лет — он спал в объятиях отца и видел вещий сон и попросил отца растолковать свой сон: «Восходящее солнце, полная луна и одиннадцать звезд поклонились мне во сне. Что бы это значило, отец? Растолкуй же мне этот сон». И Якуб растолковал сон Юсуфу вполне достойно: «Есть надежда, что наступит милость божья и тебе предстоит быть славным и возвеличенным».

Судя по данному отрывку, язык поэмы нельзя назвать ни кыпчакским, ни огузским, так как в нем наряду с типично кыпчакскими элементами обильно представлены также огузские и карлукские форманты типа *ben* «я», *bāņa* «мне», *döš*

¹⁴ Против признания поэмы «Кысса-и Юсуф» болгарским сочинением высказывались Кюпрюлезеде, Брокельман, Эмир Наджип и некоторые другие авторы. Однако большинство компетентных исследователей полностью отвергает их выводы. О принадлежности этой поэмы болгарам высказывались, в частности, в 1897 году Ш. Марджани, в 1889 году — В. Перч, в 1923 — Г. Газиз и Г. Рахим, в 1940 — Я. Агишев, в 1950 — Б. Яфаров, в 1956 — Х. Усманов, в 1960 — Дж. Алмаз, в 1976 — Ф. Фасеев, в 1986 — М. Закиев, в 1987 — Д. Мухаметшин, Ф. Хакимзянов и многие другие авторы.

«сновидение», dogar «восходящее», tulun «полный», joldyz «звезда», imdi «теперь», irdi «было» и т. д. Кроме того, в этом же тексте довольно широко представлены арабские и персидские заимствования типа gaziz «милый», tämam «конец», hiç «ничуть», äbä «отец», möbaräk «благословенный», määdäd «помощь», gujzzät «слава» и т. д., которых не было в протоболгарском языке.

Чтобы определить принадлежность языка к ротацерирующей или же зетацерирующей группе, приведем ниже другой отрывок из той же поэмы (монолог Бениамна), содержащий множество тюркских числительных:

...Avväl uđlum adi Dingiz didim,
Ikenci uđlum adi Qurt didim,
Ücenci uđlum adi Qoju didim,
Dördnci uđlum adi Qan didim imdi...

Beşenci uđlum adi Gar didim,
Altuncı uđlum adi Dar didim,
Itinci uđlum adi Gur didim,
Sekiznci uđlum adi Arslan didim imdi...

Doğyzıncısynıñ adın Mozdur didim,
Onıncısynıñ adın Gärıb didim,
On berencısenenıñ adın Kojı didim,
On ikencısenenıñ adın Qol didim imdi.

Qol(lary) küriçäk xuş dotar idim,
Gäriblary küriçäk surar ajdim,
Kajgulary küriçäk ađlar idim,
Häm qollara miherban uldum imdi...

«...Старшему сыну дал я имя Море, второму сыну дал имя Волк, третьему сыну дал имя Колодец, четвертому сыну дал имя Кровь... Пятого сына назвал именем Пещера, шестого сына назвал именем Край, седьмого сына назвал именем Могила, восьмого сына назвал именем Лев... Девятого назвал именем Поденщик, десятого назвал именем Скиталец, одиннадцатого назвал именем Горе, двенадцатого назвал именем Раб... Когда видел рабов я оказывал им милость, когда видел скитальцев — спрашивал их, когда видел печальных — оплакивал и был милосердным к рабам...»

Как видим, в этом отрывке очень четко выступают зета-цизм и шетацизм языка поэмы: вместо р-язычного *tuatm* употреблено з-язычное *dördnçi* «четвертый», вместо р-язычного *zetem* употреблено *itnçi* «седьмой», вместо *sakerem* — *sekiznçi* «восьмой», вместо *toxorm* — *toğuzynçy* «девятый» и т. д. Ясно, что поэма была написана не на чувашского типа р-языке, а на обычном тюркском з-языке, и в этом отношении раннеболгарский язык выступал как прямое продолжение протоболгарского языка, бывшего тоже з-языком. Но в отличие от протоболгарского языка здесь отсутствуют уже древнетюркские «обратные» числительные: вместо протоболгарского *berē jegerme* здесь употреблено *on ber* «одинадцать» (см. в тексте *on berençeseneñ adin*), вместо протоболгарского *ike jegerme* употреблено *on ike* «двенадцать» и т. д. И вообще в тексте поэмы уже нет древнейших форм типа *öç on* «тридцать», *dört on* «сорок», *alt on* «шестьдесят» — вместо них употреблены *otuz* «30», *qutuz* «40», *altmeş* «60» и т. п., что объясняется, по-видимому, происшедшими к тому времени изменениями в этническом составе болгарского населения, о чем будет речь несколько ниже.

Или вот еще один любопытный отрывок из той же поэмы:

Andyjn soñra växi itdi ul hak žälil,
 Jbrahimga žälil äjdi: «Äjdä, xälil,
 Bänem öčen oğylyñny qorban kyjlgyl», —
 Tynladisä: säüdekeñ, dajer imdi.

Pyçag anda Ismägyjlgä kär qylmadyj,
 Xalilulla uda jakyjñ hiç kälmädi,
 Jákub säüçi xakga gasyjñ hiç ulmadyj,
 Sezlär dagyjñ täñjeredän qurkyn imdi.

Ja, Jusef, sän közküdän baqdyñ imdi,
 Közküdä kürkän kürer uqdyñ imdi,
 Bän satylr qol ulsan, diden imdi,
 Bänem bähäm kem jitkerer diden imdi...

«Потом случилось открытие — Ибрагиму всевышний сказал: «Давай, друг, принеси мне в жертву своего сына, сына любимого», — услышал Ибрагим. Нож тогда не порезал Исмагила, друг божий не пошел в огонь, Якуб пророк тоже не перечил ему, и вы тоже не бойтесь бога. О, Юсуф, ты взглянул в зеркало, увидев в нем красоту, подумал: «Если бы меня продали в рабство, кто дал бы мне цену?»...

Итак, на каком же языке написана эта поэма?

Прежде всего, написана она на своеобразном старотюркском языке огузо-кыпчакского типа, который применялся в Волжско-Булгарском государстве как нормативный литературный язык.

Второй особенностью этого языка был его синкретизм, или, как часто выражаются, «смешанность» языка, содержащего в себе в зачаточной форме признаки и огузских, и кыпчакских, и карлукских языков. Притом синкретизм этот был присущ ему, по-видимому, изначально, ибо проявлялся на всех языковых уровнях: и на фонетическом, и на морфологическом, и на лексическом. Более того, так называемые огузские и кыпчакские особенности более четко расслоились лишь в литературных нормах. На диалектном уровне дело обстоит несколько иначе: в диалектах кыпчакских языков можно обнаружить почти все особенности огузских языков, и наоборот: в огузских — почти все особенности кыпчакских.

На лексическом уровне синкретизм этот проявлялся в употреблении так называемой «смешанной лексики», то есть в употреблении слов, относимых ныне к разным языкам. По выражению Дж. Алмаза, все слова в этой поэме подразделялись на 3 группы: «одна из них характерна для восточных, другая — для южных, третья — для западных тюркских языков», и в общей сложности отражают лексику «и татар, и башкир, и туркмен, и узбеков, и казахов, и азербайджанцев, и турок и других»¹⁵. В частности, слово «нога» в нем выражалось в трех разных вариантах: в форме *ajak*, *azaq*, и *adäk*. то есть и в кыпчакской, и в огузской, и в уйгурской формах. Слово «верблюд» встречается и в огузской форме *dāvā*, и в кыпчакской форме *tāvā*. Слово «солнце» употреблялось и в форме *kön*, и в форме *könäš*, и в форме *kojaš*. Местоимение «я» выражалось в одних случаях кыпчакским словом *män*, а в других случаях — огузским *bän*.

В фонетическом отношении некоторые исследователи сближают этот язык с кыпчакскими, хотя и сходство его с огузскими языками тоже нельзя отрицать. Например, Дж. Алмаз вслед за Брокельманом и другими авторами утверждает, что «фонетика его характерна для казанско-татарского языка», относимого к кыпчакской группе. Это мнение подтверждается тем, что графо-фонетический анализ текста

¹⁵ Алмаз Дж. «Кысса-и Юсуф» Али — болгаро-татарский памятник. М. 1960, стр. 3.

«Кысса-и Юсуф» дает примерно тот же состав фонетики, которым характеризуется и позднебулгарский язык, имевший в своем составе 32 фонемы, из которых 9 было гласных (а, ä, е, і, у, о, ö, u, ü) и 23 согласных (b, p, v, f, d, t, š, s, z, l, m, n, r, ž, č, g, ġ, k, q, h, x, j, ŋ). В вокализме отмечалось преобладание задних гласных над лабилизированными, в частности, во всех трех позициях у и о преобладали над u, а в консонантизме преобладал j над ž в начальной позиции (употреблялось jaš вместо žaš «возраст», jaza вместо žaza «наказание»). И в то же время по отношению d/t этот язык стоял ближе к огузским языкам, так как во всех трех позициях доминировал d над t (употреблялось dal вместо tal «ива», ad вместо at «имя», jedi вместо jite «семь» и т. д.).

Не имея возможности перечислять здесь все подобные особенности, остановимся лишь на причинах, обусловивших такой синкретизм языка, ибо в этом вопросе существуют различные точки зрения у лингвистов. Дж. Алмаз, например, называет это явление «смешанностью языка» и объясняет тем, что в Болгарии произошло якобы смешение разных языков. По его мнению, еще в незапамятные времена в Болгарию приходили то карлуки, то огузы, то кыпчаки, которые, смешавшись вместе, образовали своеобразный смешанный язык¹⁶. М. З. Закиев, базируясь на исторических данных, отрицает возможность такого смешения народов в пределах Болгарии. «Пришлые племена вряд ли могли повлиять на литературные нормы старотатарского языка,— пишет он,— Если идти по этому пути, то наличие уйгуро-карлукских элементов в поэме приходится объяснять приходом в Поволжье каких-то карлукских племен»¹⁷. По нашему мнению тоже нет необходимости изобретать гипотезу о смешении народов, ибо синкретизм раннебулгарского языка мог существовать изначально и быть унаследованным от его предшественников — протоболгарских языков, поскольку древние предки болгар обособились от прототюрков раньше других племен и продолжали пользоваться малодифференцированным (синкретный) языком. То, что такое предположение более вероятно, говорит, в частности, архаичность данного языка, то, что в нем сохранились древнейшие тюркизмы, которых нет уже в языках

¹⁶ Алмаз Дж. Указанное соч., с. 4.

¹⁷ Закиев М. З. «Кысса-и Юсуф» Кул Гали и этнолингвистическая ситуация в Волжской Болгарии.— В кн. Формирование и функционирование татарского языка. Казань, 1986, с. 7.

ни «Кутадгу билги», ни в «Диване» Махмуда Кашгари, ни в других древнетюркских сочинениях. В тексте «Кысса-и Юсуф» Дж. Алмаз насчитывает почти полсотни таких древнейших архаизмов, как *engiz* «подземелье», *duġanlyq* «справедливость», *bajuq* «истинный», *kertü* «истина», *ket* «гнет», *java* «потеря», *iss* «хозяин», *otaġ* «веревка», *oġbuq* «объятие», *bat* «снова», *qylyc* «раньше», *qyz* «красный», *qajra* «обратно», *dirnak* «сбор» и т. д. Все это бесспорно свидетельствует о древности и изначальной синкретности данного языка. Однако существование такого изначального синкретизма в языке ранних болгар не исключает вероятности и более позднего влияния на него других тюркских языков, особенно огузских, ибо предки болгар, как известно, никогда не находились в полной изоляции от остального тюркоязычного мира.

Третья особенность раннеболгарского языка заключалась в том, что при всей его синкретности в нем преобладали огузские элементы над кыпчакскими и карлукскими. В этом тоже мы видим подтверждение данных Кашгари, ставившего болгарский язык рядом с печенежским (огузским) языком. Уже при самом поверхностном знакомстве с текстом поэмы «Кысса-и Юсуф» в глаза бросается обилие в нем таких огузских слов и форм, как *oġly* «сын», *aġla* «плакать», *уақ* «далеко», *уғмақ* «река», *boġaz* «горло», *bindir* «сажать», *daġ* «гора», *daġy* «еще», *dilak* «желание», *banim* «мне», *känd* «сам», *qurd* «волк», *karavaş* «невольница», *bulmaġa* «быть», *ajytmaġa* «говорить», а также типично огузские выражения *Zolejxa vardi* «Зулейха пошла», *ant verdi* «клятву дала» и т. д.

Притом не только в лексическом составе, но и фонетике и морфологии языка тоже преобладали огузские элементы. В фонетике, например, преобладало *d* над *t* во всех трех позициях (*daġy* вместо *taġy* «еще», *ad* вместо *at* «имя») и особенно это доминировало в начальной позиции (*dal* «ива», *dar* «узкий», *dart* «тянуть», *dil* «язык» и т. п.), что свойственно именно огузским языкам. Сюда же относится и тенденция замещения анлаутного *m > b* (*bän* вместо *män* «я», *bamıq* вместо *mamıq* «пух», *ben* вместо *men* «тысяча», *binda* вместо *minda* «здесь» и т. д.)¹⁸.

¹⁸ Такое тотальное преобладание огузских элементов над кыпчакскими и карлукскими привело Э. Наджи́па и других исследователей к ошибочному выводу о том, что поэма «Кысса-и Юсуф» была написана на огузском языке и создавалась где-то на юге, среди огузов, окруженных кыпчаками. Поскольку в XIII веке, когда создавалась эта поэма, в Средней Азии уже не существовало подобного синкретного языка, Наджипу пришлось многократно менять свою гипотезу о месте создания поэмы (см. Наджип Э. Н. О языке памятника начала XIII века «Кысса-и Юсуф» Али. — Журн. «Советская тюркология» № 2 за 1976 г., с. 74-88).

Преобладание огузских элементов в раннебулгарском языке, как и его синкретизм, было, по-видимому, явлением реликтовым, восходящим своими корнями к малодифференцированному прототюркскому языку. Об этом свидетельствует то, что огузские элементы преобладали и в древнем языке орхонско-енисейских письменных памятников. Исследователь этого языка А. Н. Кононов констатирует, что автор большой орхонской надписи «Тоньюкук (был) из племени ашиде, писал народным языком, а язык ашиде был из огузской группы». Доказательство огузоязычности Тоньюкука Кононов видит в том, что в его тексте сохранились все основные особенности огузских языков: во-первых, замещение $m \rightarrow b$ - (*ben* «я», *bergü* «вечный», *bin* «тысяча»); во-вторых, наличие огузских аффиксов собирательных числительных *-gun/-gün* (*üçägün* «вдвоем»); в-третьих, употребление огузских аффиксов будущего времени на *-tađ* и исходного падежа на *-dan/-dun/-tän* и т. д.¹⁹ Все эти данные подтверждают то, что раннебулгарский язык изначально был близок к огузским языкам и что это свойство когда-то было присуще не только протоболгарскому, но и многим другим древнетюркским языкам. Однако, говоря о языке поэмы «Кысса-и Юсуф», нельзя отбрасывать со счетов и индивидуальные особенности языка ее автора. Известно, что Кул Гали в течение 45 лет жил, учился и работал в Хорезме среди представителей разных народов, в том числе и среди огузов, что, естественно, не могло не отразиться на языке его поэмы.

Четвертой особенностью раннебулгарского языка можно считать то, что он в отличие от своих предшественников — протоболгарского и прототюркского языков — был обильно насыщен арабско-персидскими заимствованиями. Объяснялось это тем, что в конце первого тысячелетия н. э. болгары одними из первых среди тюрков приняли ислам, а эта религия не допускала богослужения на «варварском» языке и требовала, чтобы все правоверные мусульмане непременно молились на «языке пророка». Это обстоятельство вынуждало новообращенных мусульман знать арабский язык хотя бы в объеме минимума лексики основных сур Корана, без чего вообще невозможно было молиться богу. Исходя из этих требований, болгарское духовенство изучало арабский язык в специальных медресе, выезжая зачастую в страны Востока, а рядовые

¹⁹ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, с. 3-6.

мусульмане изучали его в приходских мектебах, заучивая непосредственно молитвенные тексты. Поскольку ислам пришел к тюркам через Иран и преимущественно через ирано-язычных проповедников, вместе с арабизмами болгары усвоили и персидские заимствования. В XI—XIII вв. в Болгарии уже появились свои ученые, в совершенстве владевшие арабским и персидским языками. Так, болгарский историк Якуб ибн-Ногман написал на арабском языке «Историю Болгарии». Местный Гази Абу-ль-Гала Хамид ибн-Идриси аль-Булгари написал богословский трактат. Ученый Таджетдин Булгари написал тоже на арабском языке книгу о противоядиях «Ат-тирйакыл-кабир» и т. д.

Однако для рядовых болгар такое совершенное владение арабским и персидским языками, было недоступно, хотя новая мусульманская культура настоятельно требовала иного языка, пригодного для выражения новых религиозных и этических понятий. Поэтому местная болгарская интеллигенция вскоре выработала для себя свой особый сленг на тюркской основе, но насыщенный арабско-персидской лексикой. Этот смешанный сленг обычно на 50 и более процентов состоял из арабско-персидских заимствований и лишь в незначительной доле содержал собственно болгарские слова. В таком сленге тюркизмы выполняли преимущественно вспомогательную роль, состоя из глаголов, числительных и немногочисленных существительных, а служебные слова (союзы, частицы, модальные слова) почти полностью были вытеснены арабскими и персидскими заимствованиями. Именно на таком интеллигентском сленге была написана и поэма «Кысса-и Юсуф», в котором мы сплошь и рядом находим такие смешанные выражения (собственно тюркские слова подчеркнуты): *xassygamä gadel dörest hökem qylur*. «Почтенный народ справедливый суд свершит»; *Gyjme xikmät kämil belür*. «Премудрости науки полностью познают»; *Xäteremi sän mönäüvâr qyjil-gyl imdi*. «Память ты светом озарил теперь»; *Pänd va xikmät ajytmağa*. «Наставление и мудрость провозгласить» и т. д.

Притом употребление такой разноязыкой смеси не возбранялось тогда, а, наоборот, поощрялось, поскольку это было вызвано необходимостью. И сам автор упомянутой поэмы, Кул Гали, в конце своего сочинения с гордостью писал: *Garäb, gažam deleneñçe qyldyk bäjan*. «На языке арабов и неарабов (то есть болгар) и изложил правдиво». Преимущество такого интеллигентского сленга состояло в том, что он придавал

языку совершенно новый межнационально-коммуникативный характер. Поэтому такой смешанный сленг считался языком более высокого (аристократического) стиля, в то время как простонародный язык, лишенный иноязычных элементов, считался плебейским или «уличным языком».

Появление интеллигентского сленга, разумеется, не означало исчезновение в Болгарии своего народно-разговорного языка — он, бесспорно, сохранился и продолжал функционировать, но в основном в устах простого народа. Образцом такого простонародного болгарского языка XI в. можно считать, например, язык фольклорного четверостишия о Волге, сохранившегося в записи М. Кашгари в его «Диване»:

Etil suvy aqa turur,
Kaja tübi qaqa turur,
Balyq tälüm baqa turur,
Kölün taqy küşärür.

«Текут воды реки-Волги, об скалу ударяются. Много там рыб и лягушек, плавни тоже заполняются». Разговорный стиль нередко применялся в эпитафиях.

Еще одной особенностью раннеболгарского языка можно считать его универсальность, то, что он в отличие от многих других языков был доступным не только самим болгарам, но и другим тюркам. Обуславливалось это, с одной стороны, его изначальным синкретизмом, а с другой стороны, возникновением интеллигентского сленга, который, усугубив априорный синкретизм, превратил болгарский язык в своего рода межтюркский язык. Этому способствовало еще и то, что вслед за болгарями мусульманскую религию приняли и другие тюрки. У всех у них произошло параллельное насыщение языков арабско-персидскими заимствованиями и параллельно возникли интеллигентские сленги, которые как бы слились в один межтюркский язык²⁰. Если учесть, что во мно-

---

²⁰ Некоторые тюркологи высказывают мнение, что интеллигентский сленг, или так называемый «книжный язык», болгар формировался под влиянием книжных языков других тюрков. Однако не следует забывать, что мусульманская религия и связанная с ней письменность появились у болгар раньше, чем у многих других тюрков. По сообщениям средневековых арабских писателей, болгары исповедовали ислам еще в IX веке н. э., а другие тюрки (гузы, печенег, башкиры, кыпчаки) оставались язычниками даже в X веке, когда приезжал в Болгарию Ибн-Фадлан. Так что не исключено, что и интеллигентский сленг появился сперва в Болгарии.

гих таких сленгах арабско-персидские заимствования достигали 70—80%, и что остальные 20—30% собственнотюркских слов тоже на 70—80% состояли из понятных всем общетюркских слов, то непонятных другим тюркам слов оставалось в них лишь 5 или 6%. Такое ничтожно малое количество специфических слов не мешало другим тюркам свободно понимать болгар и других своих единоверцев, независимо от их этнической принадлежности. Таким образом возник как бы общий межтюркский язык, позволяющий понимать друг друга без переводчика, но в то же время малопонятный немусульманским тюркам. В лингвистической литературе этот сленг называют то «мусульманским тюрки», то «литературным тюркским койнэ»; О. Прицак называл его «тюркским мусульманским литературным языком огузо-кыпчакской чеканки», Ф. С. Фасеев называет «старым литературным языком», М. З. Закиев — «общим старотюркским языком» и «экстерриториальным тюрки», Э. Р. Тенишев — «среднетюркским литературным языком», Ф. С. Хакимзянов — «внетерриториальным койнэ» и «книжно-письменным языком литературных жанров» и т. д. Некоторые авторы называют его также «наддиалектным койнэ», но в действительности он был не только наддиалектным, но и межнациональным языком, выполнявшим в тюркоязычном мире такую же межнационально-коммуникативную функцию, какую выполняла, например, классическая латынь в западных странах. Кроме того, термин «койнэ», употреблявшийся в древности для обозначения междиалектного просторечия, не совсем подходит для обозначения этого интеллигентно-аристократического сленга. До нас этот межтюркский сленг дошел лишь в письменных памятниках», и мы о нем имеем представление как о «книжном» или «литературном» языке, хотя для современников он был не только книжным, но и живым разговорным языком, употреблявшимся и в беседах, и в научных диспутах. Поэтому мы его называем межтюркским интеллигентским сленгом, имея в виду его функционирование в основном в среде разноэтнической тюрко-мусульманской интеллигенции.

Существование такого межтюркского сленга в прошлом нередко приводило к денационализации и обезличиванию произведений культуры. В частности, произведения литературы, написанные на таком сленге, могли присваиваться другими тюрками, если они не содержали узконациональной тематики или же не имели сведений о национальной принадлеж-

ности их авторов. Так случилось, например, с анонимной «Гадательной книгой» древних тюрков («Ырк битиги»), которую многие тюркоязычные народы считают «своей книгой». Такая же участь постигла было и поэму Кула Гали «Кысса-и Юсуф», которую стали приписывать разным другим народам. Отчуждению ее от самих булгар способствовала еще и господствовавшая в последнем столетии концепция ашмаринистов, приписывающая булгарам совершенно чуждый им р-язык. Поскольку на этом языке исламизированных чувашей никогда ничего не было написано, кроме эпитафий 2-го стиля, то считалось, что булгары вообще никогда ничего не писали, кроме эпитафий, и не имеют никакого своего литературного наследия, хотя всем известно, что они более тысячи лет уже пользуются своей письменностью и имеют огромное литературное наследие, считавшееся до сих пор «бесхозным».

Позднебулгарский язык. Позднебулгарский язык сформировался уже после монгольского нашествия. Его появление связано с новым изменением этнического состава местного населения. Как известно, монголо-татарские завоеватели истребили значительную часть булгарского населения и заполнили их страну многочисленными пришельцами со стороны. Первый раз монголы напали на Булгарию еще в 1224 году под предводительством известных полководцев Джебе и Субудая, но тогда они получили достойный отпор от булгар и, потеряв значительную часть своих войск, вынуждены были с позором отступить и вернуться обратно в Монголию. Однако у чингизидов был обычай не прощать врагов, посмевших поднять оружие на монголов, и они впоследствии выполнили этот свой обычай, совершив настоящий геноцид над булгарским населением. В 1236 году объединенные монгольские силы несколькими колоннами переправились через реку Яик (Урал) и, соединившись вместе, несметной колонной двинулись в Булгарию. «От множества войск земля стонала и гудела», — сообщают современники. Ворвавшись в Булгарию, они истребили почти всех жителей страны, не успевших разбежаться по лесам и дальним окраинам. Русские летописцы за 1236 годом сообщают: «...Безбожнии татары взяша славный Великий город Болгарский и избиша оружием от старца до уного и до сущего младенца». Но и этим еще не завершился бесчеловечный геноцид завоевателей. В 1237-1239 годах, когда монгольские войска ушли было на запад, уцелевшая часть булгарского населения снова собралась вместе и подняла восстание

против засилия завоевателей, но монгольский хан Батый в 1239 году снова прислал в Булгарию карательный отряд под предводительством того же самого полководца Субудая, и снова была истреблена значительная часть болгарского народа.

Вместо перебитого болгарского населения их земли наводнили различные пришельцы. Еще до падения болгарского ханства, в частности, в 1229 году, сюда прибежали многочисленные кыпчакские, саксинские и чувашские беженцы, поскольку их земли в низовьях Волги и Дона были захвачены монголами несколько раньше. Затем после падения Булгарского ханства сюда потянулись еще золотоордынские администраторы и баскаки. Затем, когда хан Батый основал в Булгарии свою летнюю резиденцию, и начались восстановления разрушенных болгарских городов, сюда же были согнаны со всех концов страны различные мастерские люди: среднеазиатские тюрки, кыпчаки, саксины, русские, армяне и прочие. Все эти этнические изменения в крае довольно четко прослеживаются теперь на археологическом материале: если до 30-х годов XIII века на всей территории Булгарии погребения умерших совершались преимущественно по мусульманскому обряду (в глубоких грунтовых ямах с подбоями, без домашнего инвентаря и обращая умерших лицом на юг), то после 1330-1340-х годов, кроме собственно болгарских погребений, появились в крае и захоронения инородцев, в частности, кыпчакские (в неглубоких ямах, в сопровождении конских остатков и кочевнического инвентаря), чувашские захоронения (в гробах и гробовищах, ориентированные по линии восток — запад, и содержащие в составе погребального инвентаря монеты и металлические обереги), русские захоронения, совершенные по христианскому обряду, армянские захоронения под армянскими надгробными плитами, а также совершенно нового типа мусульманские погребения под своеобразными надгробиями, на которых появились чувашские слова. Все эти демографические изменения в крае резко повлияли на характер болгарского языка: во второй половине XIII века он стал уже несколько иным, чем был в домонгольское время. Поскольку среди новых пришельцев края оказалось больше всего кыпчаков, язык которых стал доминировать во всей Золотой Орде, болгарский язык тоже обогатился кыпчакскими элементами. Если в домонгольское время он был огузо-кыпчакским языком, то в послемонгольский период стал кыпчак-

ско-огузским, то есть таким языком, в котором кыпчакские элементы стали преобладать над огузскими.

Для показа этого языка мы располагаем довольно большим фондом письменных памятников того периода, в том числе и произведениями болгарской литературы, и надгробными эпитафиями, и материалами болгарской нумизматики. Из произведений литературы наиболее типичным для данного периода можно считать сочинение Махмуда бине Гали «Нахдж эль-фарадис», написанное в середине XIV столетия. Автор его тоже был выходцем из болгар, но жил и работал в столице Золотой Орды, в Сарае. Болгарское происхождение автора и совпадение его языка с языком болгарской эпиграфики не оставляет сомнений в том, что написано оно именно на болгарском языке, точнее, на интеллигентском сленге кыпчакизированных болгар, называемом нами позднебулгарским языком. Особенности его можно проследить хотя бы на примере небольшого отрывка из названного сочинения, где Махмуд бине Гали сообщает о себе и о времени создания своего сочинения такими словами: ...Säfär ajenyň säkezünçe kön jylqy jyly irdi, jite jöz illek tokuzda Sarai šähärendä irdi bu kitapny žämğ qylguçy älgalimer — räbbani välgalim äs-samadani älostadel-motlak välgamil älmuvaffak Mäxmüd bine Gali bine Šajex äs-Sarai mänšään välbolgari müvällädän välk-r-d-i-gagdan älmöštära bine (bajne?) äsxaby älmökalläbe (älmöläqabe) bi Minhažetdin... andag äjterkem...

«В восьмой день месяца сафара года лошади, в семьсот пятьдесят девятом (в 1357 году), в городе Сарае была сочинена эта книга. Составитель сочинения — эрудит богословия и небоздания, совершенный учитель и удачливый труженик, Махмуд, сын Гали, сына шейха Сарайского, происхождением из болгар, владелец из К-р-д-и, обретший среди славных друзей прозвище Минхаджетдина»...

Из этого отрывка уже видно, что автор сочинения действительно был выходцем из болгар, служил мусульманским проповедником в столице Золотой Орды, в Сарае, и эту свою книгу написал в 759 году по хиджри, то есть в 1357 году н. э. Из текста сочинения видно, что язык его был, с одной стороны, близок к раннебулгарскому, а с другой стороны, к кыпчакскому языку. Особенности его состояли в том, что он, во-первых, подобно раннебулгарскому, был зетацирующим языком, не имеющим признаков ротацизма и ламбдаизма. Во-вторых, язык этого сочинения насыщен арабскими и персид-

скими заимствованиями даже гораздо больше, чем текст поэмы «Кысса-и Юсуф», что обусловлено, по-видимому, характером профессиональной деятельности самого автора. В-третьих, тюркизмы, приведенные в тексте сочинения, характеризуются уже не как огузо-кыпчакские, так как среди них преобладают кыпчакские лексемы типа *jeget, jeti, jyly, jöz, jylqy, egak, elci* и т. д. В-четвертых, в данном сочинении наряду с терминами мусульманского календаря употреблены и термины языческого «животного» календаря (*jylqy jyly* «год лошади»), которых в раннебулгарском языке не было и которые были принесены в Европу уже монголо-татарами.

К сожалению, из-за господствовавшего до сих пор ложного представления о булгарском языке это сочинение Махмуда бен Гали тоже пытались отчуждать от самих булгар и приписывать другим народам. Так, например, З. Тоган приписывал его среднеазиатским тюркам из Кердара; Эмир Наджип тоже пытался приписывать хорезмийским тюркам и т. д. Другие ученые никогда не сомневались в его булгарской принадлежности. Об этом имеются четкие высказывания таких авторов, как Ш. Марджани²¹, и Б. А. Яфарова²², и Г. В. Юсупова²³, и Ш. Ш. Абилова²⁴ и многих других исследователей.

Примечательно то, что язык сочинения «Нахдж эль-фарадис» в основном совпадает с языком булгарской надгробной эпиграфики того периода, хотя написаны они в разных стилях и в разном жанре. В связи с этим более целесообразно реконструировать позднебулгарский язык преимущественно по текстам надгробных эпитафий того же периода, ибо принадлежность последних булгарам не вызывает ни у кого сомнений, поскольку расположены они на территории самой Булгарии и даже содержат собственно булгарские и суварские тахаллусы.

В первой главе настоящей книги и в начале этой главы мы уже приводили тексты некоторых булгарских эпитафий 1-го стиля. В дополнение к ним приведем ниже еще ряд других эпитафий того же стиля, в том числе памятники из бывшей бул-

²¹ Марджани Ш. Извлечения из сообщений о Казани и Булгаре (на татарском языке), т. I. Казань. 1897, с. 13.

²² Яфаров Б. А. Литература камско-волжских булгар X—IV вв. и рукопись «Нахдж-эль-фарадис». Казань. 1950.

²³ Юсупов Г. В. Введение в булгарско-татарскую эпиграфику. М., 1960, с. 56.

²⁴ Абилов Ш. Ш. «Нахдж эль-фарадис» Махмуда бине Гали.— В кн.: История татарской литературы (на татарском языке), т. I. Казань. 1984, с. 208-230.

гарской столицы, а также памятник из села Тат. Калмаюр, написанный в том же самом 759 году хиджры, в котором было написано и произведение Махмуда бине Гали «Нахдж эль-фарadis».

Текст эпитафии из Булгарского городища, датированной 1317 годом (для краткости здесь и далее приводятся лишь тюркоязычные части эпитафий):

...Huvä-l-häjj-i-läzi lä jamutu!
Jegetlär körke, köjellär ösäge,
galimlärne ağyrlağan, jatm, tul,
öksüzlarne asragan Musa oğly
altunçy Şahidulla ziyaräte turur.
...(r)ähmät qylsun! Amin!
Rabigü-l-ävvälneñ ortasy. Tarixqa 717.

...«Он живой, который не умирает! Краса молодцов, сердцевина сердец, почитавший ученых, одиноких, вдов, сирот оберегавший, сын Мусы, золотых дел мастер, Шагидулла (его) могила (здесь) находится. (Пусть аллах?) окажет милость! Амин! В середине раби-первого (месяца) по летосчислению в 717-ом»²⁵.

Текст эпитафии из Булгарского городища, датированной 1333 годом: ...Jegetlär körke, köjellär ösä(ge), golämlär... alarny şafqat berlä asragan... oğly хожа... qyryq jaşenda... rähmäte... donjadin ägraf qylyp, axirät sarajy(na) ulanganda, rabigü-l-axira ajynuñ o(n segiz)ndä, tarix jeti jüz otuz dördtä erdi. Rähmät ol mueminqa, kem ber Fatyha, üç ihlas süräsen oqysa. «...Краса молодцов, сердцевина сердец, ученых... с сочувствием их содержавший... его сын ходжа... в сорок лет... милостью... добрые дела совершив, из мира временного загробный дворец достиг, раби-второго месяца восемнадцатое, по летосчислению в семьсот тридцать четвертого было. Спасибо тому, кто один (раз) фатиху, три (раза) суру Ихлас прочтет»...

Текст эпитафии из села Тат.-Калмаюр Ульяновской области, датированной 1357 годом:

...Huvä-l-häjj-i-läzi lä jamuty, vä
küllü häjjin säjamutu! Qutluğ...(ga)
oğly Tujğa ziarate turur. Rähmätu-l-

²⁵ Тексты и переводы эпитафий здесь и далее приводятся по публикации Т. В. Юсупова и Ф. С. Хакимзянова.

lahi galäjhi rähmätan vasigätän.
Tarix jeti jüz elig toguzda šavvali
ajynuy axrinda erdi.

«...Он живой, который не умирает, а все живое умрет! Кутлуг... (а) сына, Туйджи (Туйчи?) могила (здесь) находится. Да будет милость Аллаха над ним милостью обширною! По летосчислению в семьсот пятьдесят девятом, в конце шавваля месяца было».

Как видим, язык позднебулгарской эпиграфики ничем, в сущности, не отличался от языка литературных произведений того же времени, кроме как своей особой стилистикой. Более того, на этом же языке были написаны и легенды тогдашних булгарских монет, хотя последние тоже имели свою стилистику.

Как известно, чеканка монет в Булгарии началась еще в X веке н. э. и продолжалась с небольшим перерывом и после монгольского нашествия. Если на серебряных монетах домонгольской чеканки выбивались преимущественно арабско-персидские тексты (собственно булгарскими в них можно считать лишь имена правителей страны и названия городов, где чеканились монеты)²⁶, то на медных монетах послемонгольской чеканки выбивались и собственно булгарские тексты, хотя и весьма лаконичные²⁷. Исследователь нумизматики этого периода А. Г. Мухамадиев справедливо пишет, что медные монеты булгар, предназначенные для местного обращения, «были адресованы булгарскому населению» и поэтому писались именно «на живом нормативном языке булгар»²⁸. Они действительно не обременены интеллигентским сленгом и в этом отношении представляют лингвистическую ценность.

Для иллюстрации сказанного приведем ниже тексты легенд некоторых медных монет, датированных XIV—XV вв. Например, на одной из них сохранилась надпись арабскими буквами: *on alty pul dappik*. «Деньга в шестнадцать пулов», — то есть в шестнадцать копеек. На другой такой же монете четко были выбиты слова: *Bolgar puly*, то есть «булгарская

²⁶ Фасмер Р. Р. Монеты волжских булгар X века. — ИОАИЭ, т. 33. Казань, 1925, с. 29—60.

²⁷ Мухамедиев А. Г. Монеты как источник по изучению булгарского языка. — В кн.: Исследование по источниковедению истории Татарии. Казань, 1980, с. 122—135.

²⁸ Мухамадиев А. Г. Указанное соч., с. 127.

копейка». На третьей монете того же периода надпись гласит: Kutlug bulsun. Janki pul. «Пусть будет счастье. Новая копейка». Тексты этих легенд, как видим, весьма лаконичны, но характер языка в них несомненно тот же самый, что и в позднебулгарской надгробной эпиграфике. В этих текстах представлены вполне знакомые нам тюркские числительные alty «шесть», on «десять», onalty «шестнадцать». Приведенные существительные тоже вполне нам знакомые: kutlug «счастье» (в раннебулгарском употреблялось в форме qotlyq, qutluq), dannik «деньга» (от этого же слова образовано и русское «деньга»), pul «копейка» (образовано от греческого folis «копейка», которое употреблялось вместо более поздних синонимов «тийн» и «капик»). Прилагательное janki «новый» представлено здесь в позднебулгарской или татарской форме (janki < jangi), а не в позднебулгарской форме jeni, jaŋa, žaŋa. Одним словом, язык булгарской нумизматики ничем, в сущности, не отличался от языка эпиграфики и литературных произведений того же периода, кроме, разве, отсутствием в них обилия арабско-персидских заимствований.

Суммируя все эти данные, вытекающие из нумизматических, эпиграфических и литературных памятников булгар XIII—XV вв., можно сделать вполне определенные выводы. Во-первых, язык булгар послемонгольского периода был несколько иным, чем язык домонгольских булгар, хотя и сохранял еще определенные архаические формы, присущие раннебулгарскому и даже протобулгарскому языкам. Во-вторых, позднебулгарский язык, как и раннебулгарский, был, несомненно, 3-языком, не имевшим никаких признаков ротацизма и ламбдаизма. В-третьих, несмотря на сохранившиеся в нем остатки синкретизма, в позднебулгарском языке преобладали уже новые кыпчакские форманты и кыпчакские лексемы типа elci «госпожа», jeget «парень», kork «красивый», öksüz «сирота», tagy (вместо dağy) «еще», at (вместо ad) «имя», erak (вместо uzaq) «далеко», oly (вместо oğly) «сын» и т. д. Правда, в фонетическом отношении резких отклонений от домонгольских форм мы здесь не наблюдаем — как и в раннебулгарском языке в нем зафиксировано 32 фонемы, в том числе 9 гласных (a, ä, e, i, y, o, ö, u, ü) и 23 согласных (b, p, m, v, f, d, t, š, s, z, l, n, r, ž, g, ğ, k, q, x, h, j, ŋ). Если раннебулгарской фонетике было свойственно преобладание в анлауте звонких согласных (dağy «еще», dāvā «верблюды», gaty «твердый», gadin «женщина»), то в позднебулгарском языке в той же позиции преобла-

дали глухие согласные (tagy, tävä, katy, katun). Если в языке поэмы «Кысса-и Юсуф» встречались форманты bän «я», bänem «мне», binda «здесь», то в «Нахдж эль-фарадис» и в других послемонгольских памятниках преобладали män, mänen, minda и т. д.

Более подробные сведения о позднебулгарском языке содержатся в специальных исследованиях по болгарскому языку и культуре, выполненных за последние десятилетия известными авторами, что позволяет нам ограничиться здесь сказанным, а интересующихся с подробностями читателей отсылаем к этой специальной литературе. Среди такой литературы можно указать на работу Ф. С. Хакимзянова²⁹. Ценные сведения содержат также исследования Ш. Ш. Абилова, Г. Т. Тагирджанова, Х. Ю. Миннегулова, Я. С. Ахметгалиева на материалах болгарской литературы XIII—XV вв.³⁰, а также исследования А. Г. Мухамадиева на материале болгарской нумизматики³¹.

Завершая характеристику позднебулгарского языка, следует еще раз подчеркнуть, что он, в отличие от раннебулгарского, гораздо больше сблизился с кыпчакским языком и утратил многие свои прежние огузские черты. В этом смысле в Булгарии в послемонгольский период действительно произошла смена языка, но сменился при этом не чувашского типа р-язык татарским з-языком, как это утверждают ашмаринисты, а произошла смена прежнего огузско-кыпчакского з-языка новым кыпчакско-огузским з-языком. Это очень важно заметить, потому что все иные интерпретации тогдашней эволюции болгарского языка неизбежно приводят к ошибочным выводам исторического характера. Кроме того, позднебулгарский язык оказался довольно недолговечным — он просуществовал всего лишь около трех столетий, так как совпал с периодом интенсивных миграций населения края, связанных с распадом Золотой Орды, когда влияние кыпчакского языка на болгарский еще более усилилось, особенно в связи с приходом в Булгарию отряда Улу-Мухаммеда, основавшего здесь новое Казанское ханство. С этого момента позднебулгарский язык превратился в новобулгарский язык, известный на практике как язык казанских татар.

²⁹ Хакимзянов Ф. С. Указанное соч., с. 28-88.

³⁰ История татарской литературы (на татарском языке), т. I. Казань. 1984, с. 158-282.

³¹ Мухамадиев А. Г. Указанное соч., с. 122-135.

Новобулгарский или казанско-татарский язык. Превращение позднебулгарского языка в казанско-татарский язык произошло не сразу и длилось довольно долго — с XV по XIX вв. Притом процесс этот первоначально выражался не столько в изменении самого характера языка, сколько в изменении его названия — болгарский язык постепенно стали называть «татарским».

Рассмотрим вкратце процесс превращения болгар в татары. Развитие волжскобулгарского компонента не шло изолированно от соседних этносов: мишарей, башкир, чувашей, маришцев, удмуртов и мордва, может быть, даже и от славянских племен. Сначала в Булгарском государстве, затем и Казанском ханстве болгары оказывали очень сильное культурное влияние на этих соседей, часть которых, живя среди болгар, постепенно обулгаризировалась. Особенно сильное смешение болгар происходило с мишарями (включая сюда и буртасов), в результате чего болгарский жокающий язык принимал и йокающие свойства последних, совершенно по другим причинам и название, «булгарский» в период Казанского ханства постепенно сменился этнонимом «казан кешесе» (казанский люд), затем «казан татары» (казанский татарин), под конец — просто в «татар».

Для того чтобы читателю этот процесс стал более понятным, остановимся на проблемах приобретения этнонима татар и на вопросах этнонима и истории мишарей.

Об этнониме «татар» и о татарах. Рассмотрим сначала этимологию этнонима татар. Как и многие другие тюркские этнонимы, он состоит из двух частей: тат-ар (ср.: су-ар, болгар, хаз-ар, ау-ар, уйг-ур, уг-ыр, канг-ар, акац-эр, мишэ-эр и др.). Последняя часть ар (ир, эр, ур, ыр) восходит к слову *ir* 'человек, мужчина, муж'; первые части этих этнонимов также представляют собой лексические единицы с различными значениями. В частности, слово тат (первая часть этнонима татар) в древних тюркских, китайских и иранских языках применялось в значении 'чужеземец, иноплеменник, чернь, крепостной'. Трудно сейчас установить, к какому из названных языков оно принадлежало, но в тюркских языках можно наблюдать его глубокие корни: в Караханидском государстве мусульман-иранцев и язычников уйгуров одинаково именовали татами. Туркмены слово «тат» употребляли для обозначения своих соседей — иранцев и оседлое на-

селение хивинцев и хорезмийских узбеков³²; сарыг-югуры своих тибетоязычных соседей — юйгу и сейчас называют тат 'чужой, не своего племени'³³; во многих тюркских языках тат или его фонетический вариант тут выражает «ржавчина, налет», т. к. по существу тот же «чужой элемент»; тюркское слово jat (жат) 'чужой' также может восходить к слову тат, ведь чередование т-д-ј-ж-ч-т — закономерное явление в тюркской фонетике. Таким образом, этноним татар состоит из двух слов и означает 'чужие люди, крепостные люди'. Есть другие толкования³⁴.

Кого же называли татарами? Из исторических источников нам известно, что татарами еще до н. э. назывались племена, которые жили в соседних с Китаем территориях и имели с Китаем самые тесные военно-политические отношения³⁵. По сообщению Рашид-аддина, еще до XIII века, т. е. до возвышения монголов, татары представляли собой весьма сильное объединение, и поэтому тогда многие племена — тюрки и монголы — приняли название татар³⁶. Так называемые домонгольские татары, безусловно, были тюркоязычными. Во-первых, это мы видим из этимологии этнонима татар; во-вторых, и М. Кашгари в словаре, составленном им во II половине XI века, татар включает в число тюркских племен³⁷; в-третьих, отнесение домонгольских татар к тюркским племенам, а монгольских — к монгольским встречается и в трудах более поздних авторов³⁸.

Как известно, свое победоносное шествие монгольские племена начали с победы над татарами, и далее они выступают объединенными усилиями под названием монголо-татары. С этого времени, т. е. с начала XIII века, этноним татар получает широкое распространение. В России и Западной Европе татарами начинают называть все тюркские, монгольские, маньчжурские, финно-угорские, даже палеоазиатские

³² Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-эл-Гази хана Хивинского. — М.-Л., 1958, с. 96.

³³ Тенишев Э. Р. Строй сарыгюгульского языка. — М., 1970, с. 3.

³⁴ Эзкиев М. З. Татар халкы теленең... с. 6-11.

³⁵ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. — М., 1975, с. 124, 182, 313.

³⁶ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 1. — М.-Л., 1952, с. 101—108.

³⁷ Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат им-тюрк». — Советская тюркология, 1972, № 1, с. 13.

³⁸ Рашид-эддин. Сборник летописей. История монголов. — СПб., 1888, с. 4; Бартольд В. В. Басджирт. Соч., т. V. — М., 1969; Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. — Казань, 1906, с. 16, 17, 31.

народности и племена. Русский историк XVIII века В. Н. Татищев проводит мысль, что у европейцев этноним татар заменил прежнее название скиф. Он пишет: «... в имя скиф многие разные народы... заключались, и оное имя, видится, около 10-го ста по Христе угасло, когда внятнее о народах уведомляться стали, однако же те народы не исчезли, но где-либо под другими именами дондесь остались».

«У грек имена стали быть известный на востоке срацени или сарацени, и турки, а у европейцев в тринадцатом веке по Христе имя татар прославилось, и оные оба вместо скиф стали употреблять»³⁹. К XVIII веку по мере освоения восточных окраин этноним татары постепенно вытесняется из русского языка самоназваниями народов. В официальных русских документах название татары закрепляется, в основном, за тюркскими народами, особенно за теми, которые в свое время приняли мусульманскую религию⁴⁰. Хотя эти народы в то время прочно сохраняли свои самоназвания, но исподволь шел и процесс принятия ими этнонима татар. Тот же В. Н. Татищев писал, что они начали звать себя татарами, «слыша от европейцев... сему пример, мы германян имянуем немцы, которые иногда у нас находячиесь германяне, на словах и в письмах по-русски сказуя, имянуются немцы»⁴¹.

В конце XIX — начале XX веков в связи с образованием наций в русский язык вместо общего этнонима татары проникают и занимают там прочное место самоназвания многих тюркских народов. В середине XX века многие тюркоязычные нации общий этноним татары вообще забывают, и в русском языке закрепляются их самоназвания: азербайджанцы, узбеки, казахи, киргизы, башкиры, чувашаи, каракалпаки, нугаи и т. д. Исключение составляют волжские, астраханские, сибирские, крымские и добруджинские (в Рымынии) татары, которые этноним татар сохранили до сих пор, и он у них постепенно превратился в самоназвание.

Как же шел у этих народов процесс превращения этнонима татар в самоназвание? Ведь до принятия этого этнонима у них

---

³⁹ Татищев В. Н. История Российская. — М.-Л., 1964, т. III, с. 232-233.

⁴⁰ Ильминский Н. И. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. — Казань, 1862, с. 12—13; Остроумов Н. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии. — Казань, 1876, с. 10; Сухарев А. А. Казанские татары. — СПб., 1904, с. 21; Татищев В. Н. Указан. труд, т. 1, с. 239.

⁴¹ Татищев В. Н. Указанный труд, т. 1, с. 234.

были древние общие этнонимы и родоплеменные названия. Как известно, предки всех названных татар вместе с предками узбеков, ногайцев, казахов и других населяли основную территорию Золотой Орды, и тогда феодалы и баскаки, исходя из названия государства, начали именовать себя татарами. Может быть, этому способствовало и то, что среди правящей верхушки кое-где осели и пришедшие вместе с завоевателями татары. Но основную их массу составляли местные феодалы, которые, чтобы завоевать расположение ханов Золотой Орды, везде старались подчеркивать свое «татарское происхождение». Несмотря на все это, в период Золотой Орды народные массы этноним татар еще не приняли, не прочно он установился и среди правящей верхушки. Это мы ясно видим из того, что в XV веке после распада Золотой Орды население Ногайской Орды постепенно стало принимать как этноним имя темника Ногая. Узбекского ханства — имя хана Узбека. Казахского ханства — новый этноним казах (къзакъ). По другому пути шло установление этнонима у населения Сибирского, Казанского, Астраханского и Крымского ханств.

На первый взгляд может показаться, что население этих ханств стало именоваться этнонимом татар потому, что эти территории были заселены татаро-монгольскими завоевателями. Исторические исследования показывают совершенно другую картину: собственно татары-монголы даже в составе войска составляли незначительное меньшинство, представляли в основном военную аристократию, которая, подчинив себе местное, главным образом разноплеменное тюркское население Дешти-Кыпчака и Булгарского государства, создала более обширную Золотую Орду, называемую татарским государством. Как дунайские болгары и французы получили свой этноним от названия государства, так и местные тюрки, оставшись на территории Золотой Орды, постепенно приняли в качестве этнонима название государства, т. е. слово татар. Оно установилось сначала у тех, кто не имел в составе Золотой Орды своей государственной организации, т. е. у кыпчаков, затем и у мишарей.

Принятие этнонима татар потомками волжских болгар шло несколько своеобразно. Некоторая часть населения до XX века сохранила самоназвание болгар. Ученые, поэты, писатели всегда подчеркивали свою родовую принадлежность к болгарам. Тюркский письменный язык — тюрки Поволжья они называли болгарским тюрки, ибо основу его, т. е. разго-

ворную речь Поволжья, считали болгарским языком. Соседи знают их не как татар: удмурты называли и называют их этнонимом бигер, марийцы — этнонимом суас, казахи — нугай, калмыки — мангот, мишари — льохор или ногыр (монг. по- kür; в древнетюркском nükäg применялся в значении соратник, боевой товарищ, дружинник, слуга), мусульманское духовенство старалось прививать в качестве этнонима название моселман (мусульманин).

Как известно, в феодальных государствах общий этноним народности хотя и появляется, но не всегда твердо закрепляется за ней, ибо экономические и политические условия таковы, что пока удовлетворяют и локальные этнонимы, основанные чаще или на прежних родоплеменных названиях или на названиях места обитания. Поэтому со сменой названия феодального государства легко заменяется и общий этноним народности. В результате такого процесса появляется общий этноним татар в Золотой Орде, так появляются затем этнонимы узбек, ногай. К такой же смене этнонима приводит образование Казанского ханства вместо Булгарского, которое долгое время смогло сохранить относительную самостоятельность в составе Золотой Орды. Мы знаем, что население Булгарского государства имело общий этноним болгары. После образования Казанского ханства население его параллельно с этнонимом болгар начало применять общий этноним казан кешесе, иногда казанлык (казанлы). В русских летописях широкое распространение получило слово казанцы. Во многих селениях восточных районов Татарии, в Башкирии и других областях до настоящего времени улицы и их жители называются сочетанием казан кешесе (казанские люди). Они после присоединения Казанского ханства к Русскому государству переселились на Восток, образовали самостоятельные деревни или улицы в существующих селениях.

Следовательно, из всех татар этноним татар в самую последнюю очередь приняли казанцы, основным языконесущим компонентом которых были волжские болгары. Этому способствовали в основном три фактора: 1) на первых порах феодалы, затем и буржуазия в стремлении показать себя сторонниками татарского государства Золотой Орды и противопоставить себя русскому государству нашумевшим именем татар, называли себя татарами; 2) после присоединения Казанского ханства к Русскому государству значительно оживилось общение так называемых казанцев с мишарями, которые

к этому времени начали привыкать к новому этнониму татар, и под их влиянием казанцы (казан кешесе) легче приняли этноним татар, позднее даже начали считать, что они сами настоящие татары; а вот мишари — не настоящие; 3) немало важное значение в установлении этнонима татар среди казанцев имело и то, что русские их наряду с другими тюрками-мусульманами именовали татарами.

Таким образом, болгары (позднее, казанцы) и мишари, наряду с другими менее крупными компонентами, образовали единую народность, затем и нацию, которая в силу различных исторических причин стала называться татарской. Поэтому и в основу национального литературного языка легли диалекты этих двух основных компонентов. Что касается истоков их языка, то в исторически обозримом прошлом они восходят к обычному тюркскому строю огузокыпчакского типа.

Об этнониме «мишар» и о мишарах. Здесь мы попытаемся высказать некоторые соображения об этногенезе мишарей⁴². Из-за этнонимического сходства происхождение мишарей рассматривалось в связи с мадыро-башкирской теорией, поэтому этногенез мишарей обычно связывают с этногенезом башкир и мадыар (венгров).

Мишари — одна из самых крупных этнических групп, принимавших участие в формировании волжских татар. Но надо учитывать, что некоторая их часть вошла в состав русских, башкир, ногайцев, мордвы, чувашей. В настоящее время мишари живут на территории Горьковской, Тамбовской, Пензенской, Ульяновской, Саратовской, Волгоградской, Рязанской, Оренбургской областей, Мордовии, Татарстана и Башкортостана. Большинство татарского населения, живущего в крупных городах (Москве, Ленинграде и др.), на Украине, в республиках Средней Азии и на Кавказе, составляют мишари⁴³. В отличие от среднего диалекта татарского языка, являющегося продолжением в основном болгарского языка, мишарский диалект характеризуется отсутствием глубокозаднеязычных к, г, х, һ, цоканьем и (тч) чоканьем, применением гласного а без огубления, а также южным оттенком гласных и т. д. Если в основу фонетического строя лите-

⁴² Закиев М. З. Об этнониме «мишар» и происхождении мишарей.— Сов. тюркология, 1978, № 3, с. 42-49.

⁴³ Махмутова Л. Т. Основные характерные черты мишарский говоров на территории Пензенской области.— Материалы по тат. диалектологии.— Казань, 1962, с. 125.

ратурного языка лег средний диалект, то в основу его морфологической системы — мишарский.

В некоторых регионах мишари себя мишарями не называют, современное самоназвание у них — татар, название мишар принимают даже за оскорбление⁴⁴. Однако есть сведения, что до середины XIX века слово мишар (по-татарски мишэр) было у них самоназванием⁴⁵. Мишари, живущие в крупных городах, а также интеллигенция и в наши дни с гордостью называют себя мишарями (в основном — пензенцы) или мажгарами (нижненовгородцы). Однако надо иметь в виду, что мишари этноним татар приняли раньше, чем казанцы (казан кешесе или казанлы). Несмотря на это, представители среднего диалекта себя называют татарами или казан кешесе, а представителей западного диалекта мишарями. Кроме того, другие их соседи по отношению к ним применяют этноним мишар (мещера, мижер, мещеряки). Так, В. Магницкий сообщает: «...в Рязанской губернии... мишари известны русским под именем «мещера»... Также, сколько мне известно, мишари именуется русскими в Пензенской губернии. В губерниях: Уфимской, Оренбургской и, как увидим ниже, Вятской и Нижегородской они слынут и слыли — в двух последних губерниях прежде под именем «мещеряки», в остальных же перечисленных выше губерниях они известны под собирательным русским именем татары». Между прочим, чуваша, мордва племени «эрзя» и вотяки по-своему мишарей называют одинаково «мижер» с добавлением иногда русского названия «татар-мижер»⁴⁶.

Разное толкование содержания этнонима мишар стало причиной появления различных теорий и гипотез о происхождении самих мишарей, венгров (мадьяр) и башкир. Так, исследователями установлено, что этноним мишар в различных языках и диалектах применяется в различных звучаниях и писался по-разному: мишэр, мижер, мещера, мещеряк, мижэр, можар, мадjar, мадьяр, мажгар, маچار, бачар, мочар, бечэр, бесер, и т. д. «Этим вопросом я занимался, — пишет венгерский ученый Ю. Немет, — но раньше не мог объяснить

⁴⁴ Ахмеров Г. Н. О языке и народности мишарей. — Казань, 1903, с. 31.

⁴⁵ Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. — Казань, 1877, с. 98; Магницкий В. К. Нечто о чувашах, татарах и мишарах (мещера, мещеряки, мадjarы). — Известия Нижегородской губернской архивной комиссии, т. Ш. Н. Новгород, 1898, с. 74.

⁴⁶ Магницкий В. К. Указанный труд, с. 46-47.

формы названия мишер, мижер, мишар, мижар и отделил их от названия *magyar* (мажар.— М. З.)... Исследователи, утверждающие происхождение *mišer* из *magyar* (т. е. *meguer*), правы»⁴⁷. Здесь очень важно отметить то, что Ю. Немет, всю свою долгую жизнь занимавшийся этой проблемой, считает этнонимы мишэр и мадьяр (с их разнозвучаниями) фонетическими вариантами одного и того же слова. Что касается его утверждения о первичности слова мадьяр, вторичности мишэр, то приходится признать, что оно бездоказательно.

Первоначально этот этноним обозначал одну определенную этническую группу, затем его два фонетических варианта — мишар и мадьяр стали этнонимами двух различных этнических групп: мишар — самого крупного тюркоязычного компонента татарского народа, мадьяр — финно-угороязычных венгров. Однако при изучении истории мадьяр-венгров многие исследователи не принимали во внимание того, что, кроме финно-угороязычных мадьяр (маджар), была и еще существует очень большая группа тюркоязычных маджар (мишарей), а те, кто имел сведения о тюркоязычных мишарах, объявили их незначительными группами венгров (мадьяр), отставшими от основной группы и принявшими затем татарский язык. Поэтому и неудивительно, что эти ученые все сведения о маджарах (здесь берется условное звучание термина), которые оставили византийские, арабские и персидские историки, относили только к финно-угороязычным мадьярам⁴⁸. При этом этих авторов не смущало даже то, что все без исключения восточные историки писали о маджарах как о тюркоязычном народе⁴⁹. Чтобы свести концы с концами, сведения древних некоторыми учеными объявлялись ошибочными. По их мнению, древние историки мадьяр (венгров) считали тюркоязычными якобы исходя только из того, что венгры с территории «Великой Венгрии» ушли в то время, когда она была под властью хазар, т. е. тюрков⁵⁰.

Арабские и персидские историки совершенно справедливо писали о том, что маджары и башкиры имеют почти один и

---

⁴⁷ Немет Ю. Ф. Венгерские племенные названия у башкир. — Археология и этнография Башкирии, т. IV, Уфа, 1974, с. 256.

⁴⁸ В этом отношении традиционно односторонней является статья историка из Кракова Т. Левицкого. См.: Т. Левицкий. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов. — В сб.: Восточная Европа в древности и средневековье. — М.: Наука, 1978, с. 56-60.

⁴⁹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. — М., 1967, с. 48.

⁵⁰ Jstvan Dienes. The Hungarians cross the Carpathians. Budapest. 1972 и др.

тот же язык. Поэтому неудивительно, что они часто пытались сопоставлять и выводить друг из друга этнонимы башкирт и маджар (башкирд и маджгар). Исходя из этого, некоторые ученые, совершенно не обращая внимания на существование тюркоязычных маджар, объявляли эти утверждения древних ошибкой, путаницей или делали свои (нужные им) выводы о том, что башкиры якобы первоначально были финно-угороязычными племенами, обитали в Приуралье, где была «Великая Венгрия», и лишь потом отюречились⁵¹. Так появилась мадьяро- (венгро-) башкирская теория, несостоятельность которой можно считать уже доказанной⁵².

При изучении этнической истории мишарей ученые с самого начала исходили из первичности мадьяр-угоров и вторичности маджар-тюрков. Так, В. В. Вельяминов-Зернов в конце XIX века высказал предположение о мордовско-финском происхождении мишарей. Он считал, что мишари — это «отатарившиеся остатки прежней финно-угороязычной мещеры (мочаров и можаров)»⁵³. Несмотря на то, что Г. Ахмеров еще в 1903 году доказал несостоятельность этой гипотезы, многие продолжали придерживаться этой точки зрения и подкрепляли ее дополнительными материалами⁵⁴. Г. Ахмеров писал: «Если бы предположение о происхождении нынешних мишарей от мещеры считать достоверным, то под влияние какого народа могло так скоро и окончательно отатариться это финское племя? В языке же казанских татар, как ближайших тюркских соседей мещеры, мы не замечаем некоторых фонетических особенностей мишарского наречия и массу его слов и тюркских архаизмов, встречаемых лишь в наречиях сибирских татар, которые никогда с мещерой в соприкосновение не приходили⁵⁵. Действительно, первым и непременным условием ассимиляции является количественное и в некоторой степени качественное преимущество ассимилирующих племен и народов. Откуда же появились в Мещерской низменности татары, якобы «ассимилировавшие» финно-уго-

⁵¹ Немет Ю. Ф. Указанный труд., с. 259; Артамонов М. И. История хазар. — М., 1962, с. 338.

⁵² Серебренников Б. А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. — Уфа, 1963; Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974, с. 20-28.

⁵³ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 1. — СПб., 1863, с. 30-31.

⁵⁴ Мухамедова Р. Т. Татары-мишары. — М., 1972, с. 11-12.

⁵⁵ Ахмеров Г. Н. Указанный труд, с. 69.

роязычных мещер. Такого массового передвижения татар в те края история не знает. Кроме того, как правильно отметил Г. Ахмеров, если бы мещера отатарилась под влиянием казанских татар, то они характеризовались бы одними и теми же языковыми особенностями. Однако такого совпадения нет. Язык мишарей более всего напоминает диалектные особенности сибирских татар и в какой-то степени — южных групп тюркских народов. Таким образом, Г. Ахмаров совершенно правильно говорит о невозможности появления мишарей путем отатаривания древней финно-угороязычной мещеры. Но он верит в возможность существования финно-угороязычной мещеры. По его мнению, позднее XIII века из Средней Азии в Мещерскую низменность переселились какие-то тюркские племена и по местности (Мещере) стали называться мишарями. Таким образом, теория Г. Ахмерова не устранила противоречий в проблеме происхождения мишарей.

Неприемлема и буртаская теория происхождения мишарей. Правда, исторические материалы доказывают, что в составе мишарей не в малой степени имеется и буртаский компонент. Буртасы могут быть частью мишарей или наоборот.

Р. Г. Мухамедова, в последние годы специально занимающаяся мишарской проблемой, ограничивается лишь «уточнением» угорской теории. Она утверждает, что в этногенезе мишарей приняли участие отюреченные угоры-мочары, но «их этническую основу составляли прежде всего тюркоязычные племена (очевидно, кипчаки и болгары)»⁵⁶. Здесь явное раздвоение мнения автора: с одной стороны, материал тянет ее к тюркам, с другой — не отпускает традиция, поддерживаемая известными учеными.

Поскольку создатели теории об угорском происхождении мишарей исходили из своеобразного понимания этнонима мишар, постольку в изложение другого мнения мы начнем с этимологии этого этнонима.

Как и многие другие тюркские этнонимы, он состоит из двух частей: мишэ-эр. Завершающая часть -эр (-ар, ур, -эр, -ир) в значении 'люди, человек, мужчина' участвует во многих тюркских этнонимах: акац-ир (агач эри), хаз-ар, су-ар (сувар), кыу-ар (кавар), болг-ар (юолг-эр, булгы-эр), ау-ар, уйгы-эр (уйгур), уг-ур, тат-ар и др. Первые части этих этнонимов соответствуют определенным тюркским словам. Так, например, акац в мишарском диалекте и в наши дни имеет такое

⁵⁶ Мухамедова Р. Г. Указанный труд, с. 17.

же звучание и употребляется в значении 'дерево', 'лес'. Следовательно, акацир означает 'лесные люди'. У историка Рашид аддина этот этноним звучит как агачери 'лесной человек, лесные люди'⁵⁷. Этноним хазар основан на слове каз (кад) 'скала, утес' в алтайских языках. По-видимому, оно связано со словом казу 'копать' и применялось еще и в значении 'грот, пещера'. Хазар в целом означал людей, живущих среди скал, среди гор, в пещерах. Этноним хазар синонимичен этнониму тауар 'горные люди'. Вероятно, название хазар сохранилось в этнониме азэр (азербайджан).

Кыуар (кавар) — 'люди племени лебедь', ибо слово кыу сохранилось в значении 'лебедь'. Это слово, в свою очередь, восходит, по-видимому, к слову коба — куба 'бледно-бурый', 'бледно-серый', 'бледный'. От слова куба куш (тат. коба кош) 'лебедь' образованного по модели ак кош 'лебедь', со временем стало применяться одно определение куба (→куwa→кыw→кыу). Корень этнонима кыуар (кавар) в виде кыу, кыw, куб или кум встречается еще в этнонимах кыу-ман (куман), кыу-мык (кумык) и кыу кижы (кыу кеше). Суар — речные люди; болгар (болаг-эр) булгы-эр, или балык-эр) — 'речные, способные или городские люди'; угыр (ук-ар) — 'чужие (не свои) люди'; татар — 'служилые люди, крепостные или чужие люди'; наконец, мишар (мешэ-эр) — также 'лесные люди', ибо мешэ в некоторых тюркских языках и сейчас применяется в значении 'лес'. Есть другие толкования этнонима маджар⁵⁸. В древнетюркском языке это слово встречалось в форме бешэ и означало 'лес'. В татарских и башкирских диалектах мешэ, бешэ употребляется в значении 'сосна, растущая в болотистой местности'⁵⁹. Слово мешэ сохранилось и в татарских гидронимах. Оно встречается также в персидском языке в значении 'лес'. Это слово можно сравнить с удмуртским пужым 'сосна' и эрзянским пиче 'сосна'. Все это дает возможность предположить о его древнем ностратическом происхождении.

⁵⁷ Бартольд В. В. Соч., т. V, с. 242.

⁵⁸ Шестаков П. Д. Напоминание о древнем городе Маджаре. — Труды 4-го археологического съезда в России, т. I. — Казань, 1884, с. 14; Гордеев Ф. И. О происхождении этнонима «башкир». — Археология и этнография Башкирии, т. IV, — Уфа, 1971, с. 316-317.

⁵⁹ Хэйретдинова Т. Х. БАССРнын Салават һэм кыйгы районнарында яшэуче татарлар сойлэшенен кайбер лексик узенчэлэклэр. — Материалы по тат. диалектологии. — Казань 1974, с. 157.

Этот корень обнаруживается и в этнониме бесермен: бесе (бече); Бесер состоит из бесе-эр, т. е. диалектное произношение того же мишэр, плюс — мэн, представляющее собой аффикс сказуемости первого лица единственного числа (ср. туркмен). В слове бесермен, таким образом, мы наблюдаем двойное этнонимобразование: первое — при помощи -ер, второе — при помощи -мен. Занимаясь историей современных удмуртоязычных, но помнящих о своем тюркоязычном прошлом бесерменов, И. Тепляшина обоснованно сравнивает основу этого этнонима с этнонимом мишер⁶⁰.

Во времена, когда этноним бесермен еще имел свое первоначальное значение, группу родственных племен, имевших особое отношение к лесу, в разных диалектах, по-видимому, называли по-разному: в одном диалекте — акацир, в другом — мишар. Об этом свидетельствует и то, что как в этнониме акацир, так и в мишарском языке наблюдается цоканье. Было время, когда этнонимы акацир и мишар применялись параллельно, но позднее слово акацир вышло из употребления, слово мишар сохранилось и в различных диалектах получило различное звучание.

Многие ученые акациров считают потомками самых древних тюркских племен — агач ери. Имеются сведения, что акациры еще во времена скифов (VII—VI в. до н. э.) и саков (I в. до н. э. — I в. н. э.) жили в районе Казахстана⁶¹. Может быть, уже тогда в составе скифских племен они занимали и некоторую часть территории Северного Причерноморья. Во всяком случае, еще до гуннов они вошли в дипломатические отношения с греками. Именно греки восстанавливали акациров против гуннов, и предводитель гуннов Атилла в 448 году разгромил акациров, подчинил их себе и послал своего сына Эллака управлять ими. Переводчик и комментатор «Getica» Иордана Е. Ч. Скржинская пишет, что «Племя акациров... Иордан называет «могущественнейшим», «сильнейшим...» и определяет его как неземледельческое, занимающееся скотоводством и охотой. Племя акациров (по Иордану) живет на огромных пространствах между эстами, занимавшими территорию близ янтарного берега у Балтийского моря, и булгарами, обитавшими на берегу моря Понтийского, что явно

⁶⁰ Тепляшина Т. Н. Этноним бесермяне. — Этнонимы. — М., 1970, с. 186.

⁶¹ Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. — Л., 1936, с. 112-113.

преувеличено. Вероятно, точнее представлял себе акациров Приск, писавший, правда, на сто лет раньше Иордана. Приск сообщает, что акциры — «скифское» (т. е. гуннское) племя... Они жили тогда (в первой половине V в.) в припонтийских областях... и ходили через Каспийские ворота в Кавказском горном хребте войной на персов⁶². По сведениям Иордана, акациры занимали примерно те же области, что и мишари. Последние зафиксированные сведения об акацирах относятся примерно к XII веку. «В течение XI—XII вв. почти постоянно в Переднюю Азию приходили и оседали здесь все новые группы огузов, кыпчаков, а также уйгуров, канглы, халаджей и агач эри», — пишет Р. А. Гусейнов⁶³.

Следы маджарских племен наблюдаются также с древнейших времен. Прежде всего надо сказать о так называемых древних мещерах, живших по среднему течению Оки с начала нашей эры (по археологическим данным, примерно с II в. н. э.) Их тюркоязычные потомки продолжают жить там до наших дней и ошибочно признаются финно-угороязычными в древности. Язык народа без влияния другого языка никогда не превращается в другой, значит, и язык древней мещеры без сильнейшего влияния тюркского не мог превратиться в тюркский, он с самого начала был тюркским. Ведь источники ясно указывают на то, что в тех краях обитали тюркоязычные мишари⁶⁴.

Именно потому, что районы среднего течения Оки были заселены мишарями, русские этот край стали называть мещерским. В 1152 году Юрий Долгорукий заложил здесь город, который до 1471 года назывался Городец-Мещерский, затем — Касимов. Многие мещеры, живя среди русских, обрусьи. С древних времен они имели взаимовлияние с мордовскими племенами, поэтому некоторая их часть могла ассимилироваться среди мордвы. В то же время не следует исключать возможности омишаривания некоторой части мордвы. Однако основная часть мещеры (мишарей, мещеряков, маджар), сохранила свой тюркский язык, и позднее в составе Золотой Орды «в пределах Темниковско-Наровчатского княжества, видимо, начался процесс формирования татарско-ми-

⁶² Иордан о происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий. Е. Ч. Скржинской. — М., 1960, с. 221.

⁶³ Гусейнов Р. А. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье. — Тюркол. сборник 1972 года. — М., 1973, с. 337.

⁶⁴ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960, с. 95.

шарской народности»⁶⁵. Отсюда они по разным причинам массами начали переселяться в Восточные районы России, в Башкирию, Оренбургскую, Челябинскую и др. области, где стали официально называться мещеряками.

Некоторая часть маджар, как и башкиры, входила в состав Волжской Булгарии⁶⁶. По некоторым историческим данным, они, по-видимому, здесь назывались бесерменами.

Мишари массами жили и на территории Казанского ханства. По этому поводу А. Ф. Можаровский пишет: «Упоминание летописца об участии можар, как особого племени, в битве их с казанцами и потом его же упоминание о послах от можар к русскому царю наряду с послами от других племен, входивших в состав Казанского царства, указывает на значительную численность этого племени на территории бывшего Казанского царства даже во время его падения»⁶⁷.

Очень заметные следы маджар остались и в Предкавказье, на территории современного Ставропольского края. К началу XIV века там, где сливаются реки Кума и Бювалы, процветали два города (старый и новый) под названием Маджар. В 1315-1370 годах в одном из них даже чеканились монеты⁶⁸. Путешественники XVIII века находили лишь развалины этих городов. Историк П. Д. Шестаков отмечает, что эти и другие развалины, называемые «домами маджарскими», маджарское соленое озеро и речка Маджара близ Сухум-кале напоминают нам о маджарах или мадьярах — народе, о котором говорил еще Константин Перфировгент: «Нужно знать, ... что батдзинакиты (печенегы) сначала жили у реки Волги и у реки Яика, и пограничными с ним народами были мадзары и узы, т. е. маджары и команы, или половцы. Следовательно, мадьяры жили в той местности, где ныне лежат развалины города Маджара», — заключает П. Д. Шестаков⁶⁹. Формы строения и строительный материал города Маджар говорят о том, что его построили те же местные племена, народы, которые построили другие города, в частности, Астрахань, Селитряный

⁶⁵ Халиков А. Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья. — Архел. и этногр. Башкирии, т. IV. — Уфа, 1971, с. 37.

⁶⁶ Бартольд В. В. Соч. Т. V, 1969, с. 494.

⁶⁷ Можаровский А. Ф. Где искать в наше время потомков тех можар, которые в 1551 г. среди поля Арского бились с казанцами... — Труды 3-го археол. съезда в России, т. I. — Казань, 1884, с. 18.

⁶⁸ Савельев В. К. О городах Маджар и Булгар по монетам. — Труды 4-го археол. съезда в России, т. I. — Казань, 1884, с. 20.

⁶⁹ Шестаков П. Д. Напоминание о древнем городе Маджаре, — Труды 4-го археол. съезда..., т. I. Казань, 1884, с. 3.

городок⁷⁰. Определять этническую принадлежность маджаров П. Д. Шестаков не берется, он просто исходит из традиции, что маджары — это венгры, т. е. мадьяры. В то же время его удивляет то, что «...во всем районе Маджара повсюду попадает много татарских могильных холмов (курганов). Вероятно, они, — продолжает он, — не маджарские, потому что маджары — отнюдь не татары⁷¹. Он склонен утверждать, что город Маджар принадлежал татарам (т. е. тюркам) в более позднее время. «В XIV веке о Маджаре упоминают русские летописи, — пишет он, — и заключают, что Маджар принадлежал тогда татарам, иначе татарские бояре не могли бы в нем распоряжаться произвольно⁷²».

Когда арабские, персидские и греческие историки отмечали тюркоязычность маджар, они имели в виду прежде всего маджар, населяющих области Северного Кавказа и между Волгой и Доном⁷³. Кроме того, надо иметь в виду, что по антропологическому облику тюркоязычные мишари-татары тяготеют к областям Северного Кавказа⁷⁴. Все это говорит о том, что маджары Предкавказья и мишари (моджары, мещера, мещеряки) среднего течения Оки имеют общее происхождение, и те и другие с самого начала были тюркоязычными. «Начало границ мадьяр — между страной печенегов (или болгар) и болгарскими ас. к. л... Мадьяры — тюрки, глава их по названию к. н. де выезжает в сопровождении 20 тыс. всадников; действительный правитель — дж. ле», — обобщает высказывания арабских и персидских историков Б. Н. Заходер⁷⁵. Кроме прямого указания на то, что мадьяры — это тюрки, здесь имеются еще следующие доказательства тюркоязычности мадьяр: 1) мадьяры живут в окружении тюркоязычных племен, 2) два мадьярских названия (имени) легко объяснимы исходя из тюркского языка: кенде (кен — 'солнце', -де/-ле — аффикс обладания) — 'солнечный', ср. с кыпчакским именем кентувды 'солнце взошло', 'день наступил'; джылы (юла, жула, жылы) — 'тепло, факел, пламя'.

Маджары, как и все другие древние тюркские племена, в различный период принимали и другие официальные этнони-

⁷⁰ Там же, с. 8-9.

⁷¹ Там же, с. 11.

⁷² Там же, с. 5.

⁷³ Заходер Б. Н. Указанный труд, с. 50-51.

⁷⁴ Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. — Труды ин-та этнографии. Т. VII, 1949, с. 240.

⁷⁵ Заходер Б. Н. Указ. труд, с. 48.

мы: во время господства тюрков и узов (огузов) их часто именовали общим именем турки и узы⁷⁶, во времена куманов (половцев) некоторая часть их называлась кубанами или губинами⁷⁷. В период Золотой Орды и после ее распада они приняли официальное название татар, а южная их часть — ногай. Однако кое-где сами мишари или их соседи до наших дней сохранили древний этноним мишар.

Как же все это связать с тем, что венгров называют мадьярами (маджарами) и поэтому сведения древних источников о тюркоязычных маджарах приписаны венграм? Если исходить из того, что арабские, персидские и византийские историки правильно отмечали тюркоязычность маджар (а так дружно ошибаться они не могли), то приходится признать, что в Приуралье, Поволжье и в Предкавказье предполагаемой учеными «Великой Венгрии» не было. Венгры как народность, по-видимому, начали формироваться в Этелькезу, этот процесс завершился затем в Паннонии — в их современной стране.

Близость венгерского языка к хантыйскому говорит о том, что основной языконесущий компонент будущих венгров продвигался с востока на запад. С ними продвигались и тюркские племена, в частности и маджары. Когда в конце IX века печенеги достигли пределов Этелькезу, там уже были маджары. «Втянутые Византией и Болгарией в их войны при Дунае, печенеги стали проникать еще дальше на Запад и в самом начале X в. они уже совершенно вытеснили маджар из Этелькезу, ушедших после того в Паннонию, а сами заняли места их кочевий, продолжая в то же время неуклонно продвигаться через Карпаты и по дунайским степям на Запад, к Паннонии»⁷⁸. Именно в Паннонии в результате ассимиляции среди ведущего финно-угроязычного населения тюркоязычных племен (кабаров, маджар, бесермен и печенежских племен) образовалась венгерская народность⁷⁹. При этом тюркоязычные маджары хотя и потеряли тюркский язык, но передали свой этноним вновь образованный финно-угроязычной на-

⁷⁶ Багрянородный К. Об управлении государством. — Изв. гос. Акад. истории материальной культуры, вып. 91. — М.-Л., 1939, с. 6; Рашид-аддин. Указ. труд; Сум П. Ф. Историческое рассуждение об уцах или Половцах. — М., 1848, с. 16.

⁷⁷ Булатов А. Б. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом. — Материалы по тат. диалектологии. — Казань, 1974, с. 189.

⁷⁸ Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и Угрии. — Сб. статей по археол. и византиноведению, VI. — Прага, 1933, с. 3.

⁷⁹ Энциклопед. словарь. Ф. А. Брокгауз, Ч. А. Ефрон. том 35. (XVIII), ст. «Мадьяры», с. 352.

родности. Это стало возможным потому, что в составе венгров тюркоязычные маджары (мишари) занимали значительное, по мнению некоторых ученых, может быть, даже ведущее место. Так, Дьюла Ласло пишет: «Ведущий слой венгерского народа того времени является по своему характеру настолько тюркским, что выводы из археологических находок обнаруживают его общность скорее со степными, историческими тюркскими народностями, чем с угро-финскими, хотя не подлежит сомнению, что венгерский язык принадлежит к семье угрофинских языков⁸⁰. Ассимилированный тюркский компонент венгров, видимо, помнил свое тюркское происхождение. Этим только можно объяснить то, что «венгры, принадлежность которых к финскому племени по многим данным, историческим и филологическим, трудно отрицать, с... настойчивостью, достойною лучших целей, навязываются на родство туркам»⁸¹.

Обратим внимание и на то, что, исходя из сходства в обряде погребения могильников Башкирии, Среднего Поволжья и Паннонии, Е. А. Халикова признает, что «в составе населения башкирского Приуралья, Волжской Булгарии и складывающегося одновременно с ней Венгерского государства в IX—X вв. был общий этнический компонент»⁸². Такими могли быть, продолжает она, угро-маджары или тюрки. Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что таким общим этническим компонентом могли быть прежде всего тюркоязычные маджары, т. е. мишари.

Передвижением основных языконесущих финно-угроязычных и тюркских компонентов венгров с востока на запад можно объяснить и наличие нескольких общих племенных названий у венгров, башкир и татар⁸³. Этим же объясняется, видимо, то, что в 30-х годах XIII в. Юлиан, выйдя в путь из доминиканского монастыря в Венгерском королевстве, достиг берегов Этиля и там нашел людей, с которыми говорил по-венгерски, т. е. по-маджарски⁸⁴. Разумеется, он мог там встретить хантыйцев, язык которых сходен с венгерским; мог гово-

⁸⁰ Ласло Дьюла. К вопросу о формировании финно-угров. — Проблема археол. и др. истории угров. — М., 1972, с. 7.

⁸¹ Шестаков П. Д. Указанный труд, с. 16.

⁸² Халикова Е. А. Общий компонент в составе населения Башкирского Приуралья и Волжской Булгарии в VIII—X в. — Археол. и этногр. Башкирии, т. IV. — Уфа, 1971, с. 120.

⁸³ Немет Ф. Ф. Указан. труд, с. 261.

⁸⁴ Рассказ доминиканца Юлиана. — Зап. Одесского общ-ва истории и древности. Т. V, 1863, с. 100.

ритель и на тюркско-маджарском языке, если считать, что тогда тюркские маджары Паннонии еще не полностью ассимилировались.

Таким образом, мишари (другой возможный их этноним акациры) — одно из самых древних тюркоязычных племен — занимали обширные территории. Самая западная их часть принимала участие в образовании венгерской народности: ассимилировалась среди финно-угороязычной массы, но оставила свое название мишар в виде мадьяр как общий этноним народности. Определенная часть их вошла в состав волжских болгар, башкир, русских, чувашей, мордвы. Сохранившая тюркский язык часть мишарей в Предкавказье приняла этноним нугай, а в Поволжье и в Мещерской низменности — этноним татар.

В связи с изложенным выше возникает необходимость сказать несколько слов и об этногенезе башкир. Как уже говорилось, мадьяро-башкирская теория, которая выдвигает и по-своему обосновывает мадьярское (венгерское) происхождение башкир, в целом признана неприемлемой для дальнейших этногенетических разысканий. Однако она и не опровергнута. Исследователи путей формирования башкирского этноса отводят очень большое место и мадьярскому компоненту, понимая под этим этнонимом предков венгров⁸⁵. В составе башкирского этноса, как правильно отмечают ученые⁸⁶, определенное место занимал и угро-финский компонент, но не в лице мадьяр-венгров, которые формировались как народность только в районе Этелькезу и Паннонии, а в лице предков, главным образом, марийцев и удмуртов. А маджарский компонент, который сыграл более важную роль в формировании башкир, был не финно-угороязычным, а тюркоязычным и представлял собой предков современных мишарей. Кроме того, и болгарский компонент в составе башкир в языковом отношении был ближе к другим тюркоязычным компонентам, чем к предкам чувашей с весьма обособленным тюркским языком. Если бы болгары были чувашеязычными, то не было бы смысла говорить о языковой нивелировке предков башкир и татар в составе Булгарского государства⁸⁷. Действительно, если бы предки татар и башкир в то время прошли ниве-

⁸⁵ Кузеев Р. Т. Указанный труд, с. 508.

⁸⁶ Там же, с. 508.

⁸⁷ Там же, с. 399.

лировку под влиянием болгарского языка чувашского типа, то вряд ли потом их язык за сравнительно короткое время преобразился бы в современный, так называемый кыпчакский строй. Тем более что краниологические исследования показывают, что среди волжских татар кыпчакский тип занимает весьма незначительное место. Это — во-первых. Во-вторых, язык пришлых кочевников вряд ли обладал ассимилирующей силой, ибо, как известно, кыпчаки не смогли оказать значительного влияния и на язык предков чувашей, хотя, как мы уже видели выше, по результатам краниологических исследований В. П. Алексеева, кыпчаков среди чувашей осело значительно больше, чем среди волжских татар.

Языковые изменения в процессе «превращения» болгар в татары. Переходим к объяснению чисто языковых процессов. То, что превращение позднеболгарского языка в татарский первоначально происходило лишь номинально, не затрагивая его морфологические и синтаксические особенности, свидетельствуют дошедшие до нас письменные памятники тех времен. На это обратил внимание еще Ш. Марджани в прошлом столетии⁸⁸. Г. В. Юсупов тоже писал, что болгарский язык был еще и в «XV веке близок к современному татарскому языку», что был «он почти идентичен с языком литературных памятников XVI века «Нур-и-Содур» и «Тохфа-и-мардан»⁸⁹. Постепенное превращение болгарского языка в татарский наиболее наглядно прослеживается на материале болгаро-татарских надгробных эпитафий.

1) Памятник из Болгарского городища от 1311 года:

...Fatimä-elçi bintü Ajup ibn Mäčkä ibn Junys al-Bolgari...
Jegerme eki jaşynda vafat boldy. Rabigü-l-axirä ğorräsendä,
hižrätqa jeti jüz on berdä...

«...Фатима-елчи, дочь Аюба, сына Мачка, сына Юнуса Болгарского... в двадцатидвухлетнем возрасте, в новолуние (месяца) раби-второго, по хиджри в семьсот одиннадцатом (скончалась)...»⁹⁰.

2) Памятник из села Большие Тарханы от 1314 г.:

⁸⁸ Марджани Ш. Указанное соч., с. 183.

⁸⁹ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпитафику. — М.-Л., 1960, с. 145.

⁹⁰ Тексты эпитафий и их переводы здесь и далее приводятся по публикации: Хакимзянов Ф. С. Указанное соч., с. 92, 96, 100; Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Указанное соч., с. 122, 123.

...Galimlärqa tärbijä qylgan häm alarny sevgän, mäşgedlär gijmarät qylqa(n), üküş xäjr sahibe, meskenlärneñ... sevgän xoža oğly Gosman oğly tamgaçy Jbrağim as-Suvari vafat bolğan. Bu tarix jeti jüz on törtneçedä žomada äl-ävväli ajynuñ on altynç küne erdi... «...Давший воспитание ученым и любивший их, мечети возводивший (букв. хозяин), бедных любивший Ходжы сына, Госмана сын, сборщик податей Исмагил суварский скончался. Это по летоисчислению в семьсот четырнадцатом, джумади-первого месяца шестнадцатого дня было...»

3) Памятник из Булгарского городища от 1323 г.:

...Bülärtaj ibn-Bulemşaq-bek ziyaräte turur. Täñrigä... mäsrur qylyp, Käüsär şäräbe berlä qandursun... Vafaty räğäp aju axrynda erdi. Tarix jeti jüz jegerme türtdä...

«...Бюляртая сына, Бюлемшака-бека, место погребения. Всевышнему... обрадовал. Да напоит напитком Кевсара (то есть священного родника)... Его смерть произошла в конце раджаба месяца. По летоисчислению в семьсот двадцать четвертом...»

4) Памятник из села Гат. Ходящево от 1491 г.:

...Tarix sekiz jüz tuqsan jetidä şä'ban ajynuñ on beşeñce küne erdi kem Täüüakäl... mäülä Säjjid-Äxmäd, jekermä üç jaşyndä suga töşep, daru fänadin daru bakaga rixlät qyldy. Хақ täğälä räxmät qylsun...

«...По летосчислению в восемьсот девяносто седьмом, месяца шабана пятнадцатого дня было то, что Таввакель... мавла Сайид-Ахмада, двадцати трех лет, в воде утонув, из мира бренного в мир вечности переселился. Праведный всевышний да помилует его».

5) Памятник из села Старые Менгеры от 1543 года:

...Tarix toquz jüz elik jylda erdi kem, Buznaq oğly Tugaş afäd buldy, dar-äl-fänadin dar-äl-bakaga rixlät. Хақ täğälä räxmät qylsun. Amin.

«... По летосчислению в девятьсот пятидесятом году было то, что случилось несчастье с Тугашом, сыном Бузнака, — переселился из мира бренного в мир вечности. Праведный всевышний да помилует его. Амин».

Как видно из приведенных текстов, в период XIV—XVI вв., когда происходило переименование булгар в казан кешесе, затем и в татары, язык их почти не изменился. «...Язык памятников булгарской эпохи... и Казанского ханства представляют одно и то же». — Заключают исследователи приведенных эпитафий Мухаметшин и Хакимзянов⁹¹. Чтобы подтвер-

⁹¹ Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Указанное соч., с. 123.

дить сказанное, приведем ниже еще небольшой текст из литературного произведения той же эпохи, например, отрывок из поэмы Мухаммедьяра «Төхфәи-мәрдан», написанной в XVI веке уже в Казани на татарском языке:

...Aldym älgä uş kalām vä xamäne,
žamg quldym uşbu «Töxfänamä»ne.
Atymny kem tib sursan, i šahrijar:
Mäxmüd haži ugly fäkyjr Möxämmädjar...
Uşbu «Töxfä» tarixyn gār sursalar,
Tugyz jöz qyryq altydyr belsälär.
Başladyk Gazan šahärendä mony
Šä'ban ajynyñ unynçy köne,
Häm šä'ban axrynda buldy — taman
Äjlädek mony, beleñ sez, vässälam.

«...Взял в руку большое перо, сочинил эту книгу-подарок. (Если спросят имя (сочинителя), друзья, — это бедный Мухаммедьяр, сын Махмуда паломника... (Если) спросят время (сочинения) «подарка», то знайте — в девятьсот сорок шестом году; начато в городе Казани в десятый день месяца ша'бана и закончено в конце месяца ша'бана — вы знайте это. Вот и все»⁹².

Здесь тоже нет существенных изменений в характере языка — он по-прежнему остается позднебулгарским, но уже с меньшим употреблением огузских и все большим проникновением кыпчакских элементов, чем характеризуется весь этот процесс татаризации языка. Притом процесс этот происходил как бы в два этапа: первоначально протекал под доминирующим влиянием языка золотоордынских татар, а в последующий период — под влиянием мишарского языка.

К первому периоду относится, в частности, время образования Казанского ханства. В 1438 году в Казань прибыл изгнанный из Сарая золотоордынский хан Улу-Мухаммед со своей свитой в составе 3000 воинов, устранил здесь местного болгарского правителя и основал новое Казанское ханство под своей властью. Вслед за ним сюда потянулись и другие отряды золотоордынцев из разных мест. Об этих событиях в русских летописях за 1438 годом говорится: В Казань «начаша собиратися мнози варвары от разных стран, от Златые Орды,

⁹² История татарской литературы (на татарском языке), т. I. Казань. 1984, с. 296.

и от Астрахани, и от Азуева, и от Крыма»⁹³. В результате такого наплыва новых пришельцев в Казанском ханстве значительно изменилась демографическая ситуация, что способствовало дальнейшей кыпчакизации местного говора. Продолжением того же процесса можно считать и тот период XV—XVI вв., когда у южных границ Казанского ханства по обоим берегам Волги кочевали ногайцы, говорившие тоже на кыпчакском языке и вступившие в тесные контакты с булгарами.

Не избежал казанско-татарский язык и влияния языка крымских татар, являющегося тоже разновидностью кыпчакского, хотя и с некоторыми турецкими элементами. В 1521 году на казанский престол вступил крымский хан Сахиб-Гирей, приведший в Казань большую свиту крымских татар. Вслед за ним в 1524-1549 гг. на здешнем престоле сидел его преемник Сафа-Гирей, тоже окруживший себя выходцами из Крыма. При нем Казанское ханство провозглашалось даже протекторатом османской Турции. В тот период в татарский язык проникли элементы крымско-татарского и даже турецкого языка. На тогдашнем смешанном крымско-казанско-татарском языке был написан, например, ярлык хана Сахиб-Гирея на тарханство своих вельмож от 1523 года, где в отличие от золотоордынского языка употреблены слова «сала» («село»), «коле» («подарок»), «кижи» («человек») и названия ряда тогдашних налогов — «ясак», «калан», «бадж», «харадж» и т. д.⁹⁴

Начиная с середины XVI века развитие казанско-татарского языка проходило уже под влиянием мишарского языка, являющегося тоже разновидностью кыпчакского. Обуславливалось это тем, что к тому времени золотоордынцы ушли от границ бывшей Булгарии и рассеялись по дальним регионам, а мишары, обитавшие до этого на границах Московской Руси, стали постепенно вытесняться оттуда на восток и переселяться на территорию Казанского ханства. Значительное количество мишар прибыло в Казань в 1518-1519 гг. вместе с заступившим на здешний престол касимовским царевичем Шейх-Али («Шигали»). При взятии Казани в 1552 году мишары вместе с Шейх-Али участвовали в составе штурмовавших город русских войск. После падения Казанского ханства русское правительство широко использовало мишарей для несения фискальной и толмачевской службы среди покоренных народов. Во всех русских приказах и конторах, расположен-

⁹³ Полное собрание русских летописей, т. XIX, с. 19-20.

⁹⁴ Вахидов С. Г. Исследования языка Сахиб-Гирея-хана. — ИОАИЭ, т. XXXIII. Казань. 1925, с. 61-92.

ных на завоеванной территории, мишары выполняли обязанности толмачей, писарей и сборщиков подати. Поэтому в XVI—XVIII вв. вся деловая переписка русской администрации с татарами, башкирами и ногайцами велась на мишарском языке, что в свою очередь оказало весьма сильное влияние на развитие языков последних. Образцом тогдашнего мишарского интеллигентского языка может служить, например, текст завещания касимовского сановника Галикея-аталыка и тюркоязычные русские дипломатические грамоты, направленные главам восточных стран⁹⁵. Нужно признать, что влияние мишарского языка на казанско-татарский язык не прекращалось и после XVIII века, вплоть до наших дней, что и завершило его окончательную кыпчакизацию.

Становление казанско-татарского языка не обошлось и без влияния языков других народов Восточной Европы, в частности, русского, башкирского, чувашского, марийского и др. Особенно сильное влияние оказал на него русский язык, из которого в татарскую лексику перешло несколько тысяч славянских и европейских бродячих слов. Влияние башкирского языка, принадлежавшего тоже к кыпчакской группе, более всего отразилось на диалектах и говорах восточных татар, проживающих на территории Башкирии и вокруг нее.

Таким образом, в период XV—XIX вв. бывший булгарский язык еще больше сблизился к кыпчакской группе языков и полностью волился в их число.

Таким образом, все сказанное нами в этой главе позволяет делать окончательный вывод о том, что единого, общего для всех времен булгарского языка, какого искали до сих пор лингвисты, вообще не существовало в природе, что в разные исторические эпохи существовали разного характера булгарские языки, ибо, как и все живые языки мира, они постоянно развивались и переходили из одного качественного состояния в другое, превращаясь последовательно из древнейшего синкретного языка в огузо-кыпчакский, из огузо-кыпчакского — в кыпчакско-огузский и из кыпчакско-огузского — просто в кыпчакский (татарский) язык. Кроме того, булгарский язык никогда в истории не был чувашского типа р-языком — он с самого начала своего возникновения был типично тюркским з-языком и таким же остается и поныне. Что же касается чувашского типа р-языка, то он имеет совсем иное происхождение и отнюдь не связан с булгарским языком.

⁹⁵ Хисамова Ф. М. Татарские грамоты XVII—XVIII вв. — В кн.: История татарского литературного языка. Казань. 1988, с. 57-71.

Г Л А В А VIII

КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БУЛГАРСКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ

Из сказанного в предыдущих главах вытекает, очевидно, также необходимость в пересмотре существующей системы классификации тюркских языков. Как известно, во всех ныне существующих системах классификации болгарский язык непременно рассматривается как ротазирующий и в этом смысле противопоставляется остальным тюркским 3-языкам. Например, А. Н. Самойлович и Н. Н. Поппе в свое время подразделяли все тюркские языки на две группы: 1) на р-языки, включающие в себе древний болгарский и современный чувашский языки и 2) на 3-языки, включающие в себе все остальные тюркские языки мира. Ныне, по классификации современных тюркологов (Баскакова, Менгеса, Бенцинга, Текина и др.), те же языки принято подразделять на огузские, кыпчакские и карлукские группы, но болгарский язык все равно относится к числу ротазирующих. В частности, по классификации Менгеса, древний болгарский и современный чувашский языки причисляются к 6-й или так называемой «F» группе языков, характеризующейся ротацизмом и ламбдаизмом. По классификации А. Н. Баскакова, считающейся ныне общепризнанной системой, языки эти тоже подразделяются на огузские, кыпчакские и карлукские группы, но кроме того выделяется еще и четвертая (по нумерации Баскакова — первая), так называемая «болгарская группа» р-языков, куда причисляются древний болгарский, древний хазарский и современный чувашский языки¹. Однако в связи с тем, что болгар-

¹ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. — М.-Л. 1960, с. 231.

ский язык, как уже сказано, не был ротацирующим, а представлял собой обычный тюркский 3-язык, то при новой классификации он, естественно, отпадает от четвертой группы и переходит в группы огузских и кыпчакских 3-языков. Притом в домонгольский период он принадлежал к группе огузских языков, а в послемонгольский период, и тем более ныне в качестве татарского языка, стал принадлежать к группе кыпчакских языков.

Что же касается четвертой группы или группы р-языков, то в ней после исключения болгарского и хазарского остается только один язык — чувашский. Другого ротацирующего языка в семье тюркских языков не было и нет. Правда, существует мнение о наличии среди обычно-тюркоязычных хазар и чувашезычных хазар, которые образовались путем смешения монголызычных и тюркоязычных племен. Если в некоторых языках, как, например, в караимском, азербайджанском или казанско-татарском, встречаются иногда эпизодические случаи проявления ротацизма, то их следует рассматривать как результат влияния финно-угров на тюркский язык, или результат влияния на них того же чувашского р-языка или же как результат контактов с монгольскими языками, которым тоже свойственны ротацизм и ламбдаизм, но сами тюркские языки все без исключения изначально были зетацирующими и такими остаются и поныне.

Однако к какой же группе тюркских языков можно отнести этот единственный в своем роде чувашский р-язык, и вообще можно ли считать его тюркским языком?

По мнению некоторых лингвистов, чувашский язык не может считаться подлинно тюркским, что он лишь формально причислен к семье тюркских языков, а фактически не входит ни в одну группу этой языковой семьи и не имеет сходства ни с одним тюркским языком мира. Поэтому некоторые лингвисты называют его «языком отюреченных нетюрков», имея в виду, что носители его когда-то говорили на особом своем нетюркском языке, а затем были отюречены разными племенами тюрков, но не окончательно, так как по ряду признаков он все же сохранил в себе нетюркские элементы².

---

² Мысль о нетюркском происхождении чувашей высказывали еще в XVIII веке И. Г. Георги (Описание всех в Российской державе обитающих народов. СПб, 1799), Г. Ф. Миллер (Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб, 1791), И. Г. Гмелин (Gmelin J. G. Reise durch Sibiren. Göttingen. 1751) и другие авторы. Но более аргументированно эту

Предполагают, что в начале нашей эры, может быть и намного раньше, предки чувашей жили на границе Китая, говорили на протомонгольском языке и входили в состав хунну или сюнну. Один из отрядов этих хуннов, изгнанный от китайской границы на северо-запад, вместе с другими монголоязычными и тюркоязычными племенами двинулся на запад, в Европу, где их всех называли гуннами. После распада гуннского союза, его племена составили подвластное население Хазарского каганата. Здесь монголо-тюркская смешанная группа гуннов, основанная среди финно-угроязычных предков марийцев, а также и среди тюркоязычных сюасов — предков казанских татар, входила с ними в хозяйственные, культурные и семейные контакты. В результате образовалась народность веда (суасламари), т. е. предки современных чувашей. Поэтому не далеки от истины те ученые, которые о предках чувашей высказываются следующим образом. Японский тюрколог и историк Широ Хаттори пишет: «Чувашские племена, возможно, являются одной из ветвей прямых потомков хуннов, давших толчок к 70-м годам IV в. к «великому переселению народов» и в конце V в. сошедших с исторической арены»³. Эту же мысль еще раньше высказал В. В. Бартольд словами: «Древнейшими историческими предками чувашей придется признавать хуннов, выступающих в истории

---

² (продолжение) мысль выразил в прошлом веке В. В. Радлов, который, констатируя в чувашском языке тотальный переход палатальных звуков в гуттуральные и неуместное употребление многих тюркских лексем, пришел к заключению, что такого искажения языка могли допустить только нетюрки, не понимавшие его как следует и затруднявшиеся правильно воспроизводить тюркскую артикуляцию. «Чуваши — не тюрки по происхождению, — писал Радлов, — они мало-помалу, в несколько этапов усвоили себе тюркский язык, видоизменив его на почве собственного, ныне ими совершенно забытого языка». Этим забытым языком Радлов считал один из древних финно-угорских диалектов. Впоследствии это его предположение опроверг Н. Н. Поппе, который писал: «Никаких финских элементов, кроме новых черемисских заимствований, в чувашском языке нет и быть не может». «Чувашский язык — и не финский, и не тюркский, а составляет самостоятельное явление...», близкое к монгольским языкам. Этим самым Поппе по существу признал давнишнее мнение И. К. Аделунга, возводившего чувашский язык к монгольскому. Еще более конкретно о родстве чувашского языка с монгольским высказался венгерский лингвист Мункачи (Munkacsi B. *Hunnische Sprachdenkmäler im Ungarischen*. — K. Sz., s. 193, 196). Однако сами чувашские лингвисты до последнего времени и слышать не хотели о восхождении своего языка к монгольским, не желая иметь «родства с монголами».

³ См. журн. Вопросы языкознания, 1980, № 3, с. 93-94.

Китая в III веке до нашей эры», а затем неоднократно менявших свой этноним⁴.

В сущности такого же взгляда придерживаются очень многие западные ученые, хотя они ошибочно приписывают предкам чувашей изначально тюркский язык. Это связано с появлением версии о тюрко-гуннском происхождении чувашей, что тоже сперва возникла на западе. Вслед за западными ориенталистами в 1896 году Н. А. Аристов тоже написал: «Чуваши — это потомки гуннов»⁵. Венгерский лингвист Б. Мункачи тоже повторял, что «чувашаи — это гунны», поскольку именно из чувашского языка переняли венгры тюркизмы⁶. В сущности Ашмарин тоже признавал гуннское происхождение чувашей, но промежуточным звеном между древними гуннами и нынешними чувашами он считал тюркоязычных болгар, а не часть хунно-хазар. Вслед за Ашмариным эту же ошибку повторили С. Е. Малов, М. П. Петров, В. Ф. Каховский, В. Д. Дмитриев и многие другие авторы. Даже известный знаток хазаро-булгарской истории М. И. Артамонов, не признавая среди хуннов и гуннов наличия монголо-тюркоязычных (т. е. смешанно язычных) предков чувашей, писал, что в Хазарии «господствующее положение занял принесенный хуннами тюркский язык, осколком которого в настоящее время является чувашский»⁷.

Полагают, что настоящие предки чувашей, т. е. часть хуннов или сюннов были протомонголами. Об этом сообщают, во-первых, сами современники хуннов — древнекитайские хронисты, которые четко различают хуннов («хунну») от тюрков («тюркю»). Поэтому, по-видимому, исследователь древнекитайских хроник Н. Я. Бичурин (Иакинф) еще в прошлом столетии твердо высказался, что хунны были монголами, а не тюрками⁸. Кроме того, надо иметь в виду, что само название этого племени «хун» или «хюн» является монгольским словом, означающим «человек», люди». По значению оно соответствует китайскому *zen/зун*, означающему

⁴ Бартольд В. В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории тюркских народов. Ташкент. 1926, с. 5.

⁵ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. — Живая старина, в 3-4. СПб. 1896, с. 409.

⁶ Munkacsi B. Hunnische Sprachdenkmäler im Ungarischen. — Keleti szemle, II. Budapest. 1901, s. 186, 189.

⁷ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 37.

⁸ Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. СПб. 1851, отл. I, с. 2; он же. Записки о Монголии. СПб., 1828.

«человек, люди» (отсюда же происходит и чувашское *šup* «человек, люди»), ибо в древности многие народы называли себя: «люди» или «настоящие люди». О принадлежности языка части хуннов к протомонгольскому свидетельствуют также многочисленные монголизмы, сохранившиеся в современном чувашском языке. В активном словаре современного чувашского языка насчитывают около 900 монгольских лексических сходжений⁹. Среди них преобладают древнейшие термины кочевничества и скотоводства, такие, как: монг. *daха* «жеребенок двухлетний» — чув. *tixa* «жеребенок»; монг. (бур.) *buγuu* «теленочек» — чув. *päru* «теленочек»; монг. *üхer* «бык, вол, крупный рогатый скот» — чув. *vākär* «бык»; монг. *похој* «собака» — чув. *püха* «собака»; монг. *omγu* «грудь лошади» — чув. *ämär* «подгрудок»; монг. *sams* «носовой хрящ» — чув. *sämsa* «нос»; монг. *gagaј* «свинина» — чув. *kakaј* «мясо»; монг. *tarag* «кислое молоко» — чув. *turäx* «кислое молоко»; монг. *akaγša* «блин, лепешка» — чув. *ikeršë* «блин, оладьи»; монг. *xüree* «крупа» — чув. *këgre* «крупа»; монг. *talx* «хлеб» — чув. *tulä* «пшеница»; монг. *ünee* «корова» — чув. *ëne* «корова»; монг. *šuluu(n)* «камень» — чув. *šul* «камень»; монг. *пишг* «водоем» — чув. *püg* «вода» и т. д.

Особенно много в чувашском языке протомонгольских глаголов, поскольку глаголы сохраняются более устойчиво. В современном чувашском языке они обычно употребляются в усеченной форме, без монгольского аффикса инфинитива *-ax/-ex*. Например, чувашский глагол *kala* «говорить» восходит к монгольскому *kelex/xelax* «говорить»; чув. *šug* «писать» восходит к монг. *zurax* «рисовать, чертить»; чув. *salat* «разобрать, развернуть» — к монгольскому *salgax* «отделять»; — чув. *ük-kele/ürkele* «упрекать» — к монг. *üglex* «ворчать»; чув. *xörörte* «радоваться» — к монг. *xögöx* «радоваться»; чув. *xanäx* «привыкать» — к монг. *xanγax* «удовлетворять»; чув. *xarkaš* «ругаться» — к монг. *хаγax* «ругаться». Некоторые из таких глаголов сохранили и прежний свой монгольский аффикс *-ax/-ex*; например: чув. *tux* «выходить» < монг. *tuix* «выгонять»; чув. *päx* «смотреть» < монг. *baх* «восхищаться, восхищение». Кроме того, аффикс *-ax/-ex* в чувашском языке широко используется для придания экспрессии глаголам повелительного наклонения, например: *kal-ax* «скажи непременно», *šug-ax* «пиши непременно», *kaj-ax* «иди непременно», *kil-ex* «приди непременно» и т. д.

⁹ Димитриев В. Д. О последних этапах этногенеза чувашей. — В кн.: Болгары и чувашы. Чебоксары. 1984, с. 29.

Но особенно примечательно то, что в чувашском языке сохранились все основные особенности монгольской фонетики, такие, как ротацизм, ламбдаизм, замещение анлаутного $k > x$ и др. Еще более примечательно наличие в чувашском морфологических особенностей монгольских языков, а именно: наличие союза *pa/re* «и, да» (соответствует монгольскому союзу *ba-be* «и, да»); наличие лишительного аффикса *-sar/-ser* «без», соответствующего монг. *-sar/-ser* «без» (соответствует тюркскому *-syz/-sez* «без») и т. д.

Кроме непосредственных монголизмов, в чувашском языке сохранились также многие так называемые «общеалтайские» грамматические формы, восходящие к протомонгольскому языку хуннского времени, которые ныне обнаруживают свои соответствия то в эвенкийском языке (например, местоимение *es/esí* «ты»), то в корейском языке (препозитивный формант отрицания *an/ani* «не, нет»), то в японском и корейском языках (местоимение *kō/ku* «этот»), то в маньчжурском и монгольском языках (местоимение *bi/ebi* «я»), то в камасинском языке (формант множественного числа *-saŋ/-sam/-sem*). Сюда же относятся чувашские лексические сходжения с теми же языками, например, ср.: чув. *šavag* «рот» — корейск. *agari* «рот»; чув. *imšam* «лекарство, снадобье» — корейск. *insam* «женьшень, снадобье»; чув. *řavãg* «серый» — корейск. *puru* «серый»; чув. *ama* «мать, самка» — япон. *oto* «мать, кормилица»; чув. *šava* «коса» — эским. *šavi* «нож» и т. д. Все эти восточноазиатские элементы в чувашском языке, по нашему мнению, восходят к древнему протомонгольскому языку части хуннов.

Отюречивание этого древнего языка предков чувашей началось, по-видимому, еще в недрах хуннского, далее и гуннского племенного союза, то есть в начале н. э., когда основную массу населения этого союза составили местные, входившие раньше в киммерийский, затем скифский сарматский союз племен, а также и пришлые тюрки. Сами монголоязычные хунны были слишком малочисленны и поэтому уже в V в. сошли с исторической арены, уступив ведущую роль в движении тюркским вождям и передав их державе свой этноним «хунну» (в европейских источниках — «гунны»).

В результате перехода власти другим тюркоязычным племенам, вместо гуннского союза образовались аварские, тюркские, хазарские племенные союзы. Даже в период хазарского союза аборигенность многих тюрков подчеркивалась тем, что

их часто отождествляли с местными племенами. Так, хазар нередко называли акацирами, которые были отмечены еще Геродотом как племена Причерноморья VIII—IV вв. до н. э. И в «Географии» равеннского анонима, написанного около VII века, говорится, что хазарами стали называться те же прежние акациры¹⁰.

В недрах Хазарского каганата происходила дальнейшая тюркизация монголоязычной части хуннов, хотя некоторые путешественники признавали хазарский язык не совсем тюркским. Например, Аль-Истахри писал, что «язык хазар не сходен с языком турок и персов...»¹¹. Аль-Бекри тоже сообщает: «Язык хазар другой, чем язык турок и персов; это есть язык, который не согласуется ни с одним языком в мире»¹². Абу-ль-Феда тоже подтверждает: «Хазары не походят на турок». Поэтому, очевидно, Махмуд Кашгари вообще не включал хазарский язык в семью тюркских языков, а само слово «хазар» истолковал как название страны. Абу Рейхан Бируни тоже в своих трудах не упоминает хазарского языка в числе тюркских. Якут ар-Руми не только не упоминает его в числе тюркских языков, но и самих хазар называет «яджуд и маджуд»¹³, то есть монголами. Хотя некоторые писатели (Ибн-Русте, Ибн-Хаукаль, Эль-Балхи) сравнивали хазарский язык с болгарским, что говорит о тюркоязычности хазар. Такое противоречие объясняется, по-видимому, существованием в Хазарии двух языков: хунно-хазарского р-языка, принадлежавшего простолюдинам или «черным хазарам» (караджур) и тюрко-хазарского з-языка, принадлежавшего тюркютам-аристократам или «белым хазарам» (сарашен). З-язычные тюрко-хазары были правителями и законодателями в стране, и, естественно, по их языку судили многие арабские писатели о хазарском языке вообще¹⁴. Один из нынешних исследователей языковой ситуации в бывшем Хазарском каганате С. П. Толстой называет эти два языка «диалектами»: язык аристократии называет «западным к-диалектом и язык

¹⁰ Ravennati Anonimi Cosmographia. Ed. Pinder of Partley. Berolini. 1870, s. 168.

¹¹ Аль-Истахри. Книга путей и царств. — В кн.: Собрание материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 29. Тифлис. 1901, с. 45.

¹² Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878, с. 61.

¹³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М., 1939, с. 171, прим. 1237.

¹⁴ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб. 1870, с. 188, 216.

простолюдин — «восточным х-диалектом»¹⁵. Сами современники хазар, Табари и Балами, более конкретно называли носителей этих языков — «турками» и «гуннами (хайландур)».

Многие исследователи древнего хазарского языка пытаются получить о нем представление по дошедшим до нас разрозненным хазарским словам — по их личным именам, чинам, титулам и т. д., — но так как в числе этих случайно собранных слов оказываются как хуннские, так и тюркские слова, то в результате такого метода не удается получить целостного представления об этом языке. Вот некоторый перечень наиболее известных в исторической литературе хазарских слов:

Саркел или **Шаркил** — название хазарской крепости на Дону;

Сенгиль — название позднехазарского городка на месте бывш. Сарая-Берке;

Сарашен или **Сарсин** — название «белых хазар», а также название аристократического квартала в хазарской столице Итиле;

Саксин — название позднехазарского города на Нижней Волге;

Утта — хазарское название острова на Каспии;

Джур или **Чора** — «раб, невольник»; встречается в названии хазарской касты караджур и в названии дербентского невольничьего рынка Чора;

Каган или **Хакан** — титул верховного правителя Хазарии;

Кендер — название сановника в Хазарии; встречается в составе титула кендер-кагана;

Шад — феодальный титул, обозначавший обычно сына кагана;

Пех или **Бег** — феодальный титул; в Хазарии употреблялся в составе звания хаган-бека, выполнявшего функции премьер-министра;

Алп — титул феодала-воина;

Тудун — «наместник», титул правителя провинции;

Тархан — титул феодала, освобожденного от обязательных повинностей;

Овчий — титул посла и мелкого сановника; встречается в составе должности «тархан-овчий»;

---

¹⁵ Толстой С. П. Речь на научной сессии отд. АН СССР в 1946 г. — В кн.: Происхождение казанских татар. Казань. 1948, с. 139.

Чаушир — низший военный чин и звание сельского исполнителя;

Багатур — звание феодала-воина; встречается в составе титула «багатур-каган»;

Читар — «постельничий», феодальный титул ири кагана, встречается в составе чина «читар-тархан»;

Булан — личное имя или прозвище кагана;

Обадья — личное имя или прозвище кагана-реформатора;

Ибузир — прозвище, встречающееся в составе имени кагана Ибузир-Глявана;

Гляван — прозвище, встречающееся в составе того же имени Ибузир-Гляван;

Катун или **Хатан** — «госпожа», титул жены кагана;

Чичак — имя хазарской царевны, вышедшей замуж за византийского императора Константина Капронима;

Субат — имя хазарской царевны, сосватанной в 798 году за арабского сановника Аль-Бармаки;

Акага — имя хазарской женщины, правившей страной в 767 году;

Кавар — «заговор, заговорщик», прозвище, данное хазарским повстанцам, бежавшим в IX веке к венграм;

Ман — «большой, великий»; встречается в составе ойконимов и топонимов «Ман-Кермен», Ман-гуп», Ман-гышлак» и др.

Как видим, некоторые хазарские слова из числа аристократической терминологии (феодальные титулы, должности, имена) имеют в основном тюркское происхождение. Сюда относятся слова «бег», «тудун», «чаушир», «алп», «шад», «Булан», «Чичак», «Акага» и пр. А другие слова из той же серии восходят к монгольским языкам, такие как «ман», «хакан», «багатур», «тархан», «читар», «хатан» и др. Притом некоторые термины в разных диалектах произносились по-разному. Например, название хазарской крепости на Дону в одних документах сохранилось в монгольском фонетическом оформлении — «Шаркиль», а в других документах — в тюркском оформлении — «Саркел». Титул самого правителя Хазарии тоже в одних документах приводится в тюркской форме «каган», а в других документах — в монгольской форме «хакан». Жена кагана в одних документах именуется по-тюркски «катун», а в других источниках — по-монгольски «хатан». Хазарские феодалы тоже в одних источниках названы «бег», в других источниках «пех» и т. д.

Чтобы иметь конкретное представление о характере главенствовавшего в Хазарии аристократического з-языка, можно обратиться, например, к текстам хазарских надписей на камнях Маяцкого городища и на баклажках из Новочеркасского музея. Например, на баклажке из Новочеркасского музея руническими знаками было написано: *Elci jemā Ama-āc jemā Vuka üčäbi*. «Элчи, еще Амач, еще Бука — трое их». А на другой баклажке, найденной близ станицы Кривлянской, написано: *Kumyz... Äš kumyz uša bädük avyzyka tuldyra ic*. «Кумыз... кумыс, наполняя это большое отверстие, пей». На камнях Маяцкого городища на Дону такими же руническими знаками написаны словосочетания: *Jsyg üžag* «Теплый очаг»; *Uma Änuš atybyz*. «Ума (и) Ануш — наши имена»; *Uša Aru Ägdatü*. «Это Ару (и) Ардату» и т. д.¹⁶ Все эти тексты написаны на обычном тюркском з-языке огузского типа.

К сожалению, таких письменных памятников хунно-хазарского р-языка мы не имеем, но об особенностях этого языка можно судить по так называемым «чувашизмам» в венгерском языке, о которых уже говорилось в одной из предыдущих глав. Эти «чувашизмы» в венгерский язык перешли, по видимому, из хазарского р-языка через посредство каваров, ушедших к венграм в 850-х годах, после междоусобной войны в Хазарии, а также через бесермен, поступивших к венграм на службу в качестве ландскнехтов после распада Хазарского каганата. Судя по характеру этих «чувашизмов», хунно-хазарский язык в IX—XII вв. был уже в основном отюречен и стал похожим на чувашский, но в нем еще было гораздо больше монгольских элементов, нежели в нынешнем чувашском языке. Поэтому перешедшие тогда в венгерский язык «чувашизмы» (или, вернее сказать, монголо-хуннизмы) оказались гораздо более близкими к своим монгольским архетипам, нежели к современным чувашским параллелям. Например, венгерское слово *dérmek* «юношеский» сохранилось гораздо более похожим на своего монгольского архетипа *zergegei* «юный», чем на чувашское *šamrāk* «юный». Венгерский «чувашизм» *kölcon* «заем, ссуда» гораздо больше сближается с монгольским *külüsün* «наем», чем с чувашским *kivšen* «заем». Венгерское *borju* «теленок» больше похоже на бурят-мон-

¹⁶ Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища; Щербак А. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — Советская археология, вып. XIX. М., 1954, с. 263-282.

гольское *bürü* «теленок», чем на чувашское *räru* «теленок». Венг. *ököt* «бык, вол» ближе к монг. *üхег* «бык, крупный рогатый скот», чем к чув. *văkăg* «бык». Венг. *ikrek* «близнецы» ближе к монг. *ikege* «близнецы», чем к чув. *jököt* «близнецы» и т. д. Все эти сопоставления наглядно показывают, что хунно-хазарский язык был гораздо более «монголоидным», чем современный чувашский язык — он стоял гораздо ближе к своему предку — монгольскому языку.

Интенсивное отюречивание этого языка продолжалось после распада Хазарского каганата, когда бывшее население этой страны было раскидано по разным местам и оказалось в сплошном окружении сперва огузских, затем кыпчакских племен. Особенно сильное влияние оказал на него кыпчакский язык, поскольку, начиная с XI века, потомки хазар постоянно находились в окружении различных кыпчакских племен. Именно под доминирующим влиянием кыпчакского (а именно суасского) языка произошло окончательное превращение монголо-хунно-хазарского языка в старочувашский. Притом не избежал кыпчакского влияния и хазарский аристократический 3-язык, который позже полностью сравнился с кыпчакским, а некоторые носители его сообразно своей религиозной принадлежности стали называться караимами и крымчаками.

В XIII—XIV веках, когда писались чувашезычные «булгарские» надгробные эпитафии 2-го стиля, язык этот был уже в основном отюречен и стал, по существу, чувашским. В нем отсутствовали прежние термины монгольского происхождения, хотя сохранились монгольские фонетические особенности — ротацизм, ламбдаизм и переход к > х в анлауте. Поэтому слово *kyz* «дочь» в эпитафиях писалось *xir*, слово *kyryk* «сорок» — как *хегех*, слово *sekiz* «восемь» — как *sakar*, *togyz* «девять» — как *тохур*, *biş* «пять» — как *bi(a)* и т. д.

Процесс дальнейшей тюркизации чувашского языка остановился уже после присоединения края к России. Окончательно отюречиться успел только язык исламизированных чувашей, который слился с татарским. Язык же остальных чувашей так и остался неполностью отюреченным. После появления в крае доминирующего влияния русского языка начался даже обратный процесс — некоторые ранее заимствованные тюркизмы стали заменяться русизмами. Одновременно подвергся он и некоторому влиянию финно-угорских языков. В итоге всех этих процессов современный чувашский

язык оказался конгломератом нескольких разносистемных языков: он примерно на 15-16% состоит из монголизмов и элементов восточноазиатских языков, более чем на 50% состоит из тюркизмов, на 19-20% — из русизмов и по одному-два процента входят в него элементы персидского, арабского, древнееврейского, кавказских и финно-угорских языков. Притом в числе основного фонда его тюркской лексики примерно одну половину составляют огузские элементы, заимствованные, по-видимому, еще в гуннский и хазарский периоды, а другую половину составляют кыпчакизмы, заимствованные уже во втором тысячелетии н. э. Поэтому Д. Х. Френ не без основания называл чувашский язык ein verbastertes Jdiom (помесью наречий), а Н. Я. Марр характеризовал его как «связывающее звено» всех яфетических языков Востока и Запада¹⁷.

Куда же можно теперь отнести этот смешанный чувашский язык по новой классификации? К монгольским языкам его нельзя отнести, поскольку монгольских элементов в нем осталось ничтожно малое количество. Учитывая, что основной словарный фонд и грамматический строй его стали тюркскими, очевидно, правильно будет оставить его в семье тюркских языков. Но к какой именно группе тюркских языков можно причислять его, если он не имеет сходства ни с огузскими, ни с кыпчакскими, ни с карлукскими языками? По всей видимости, следует выделить его в особую, четвертую группу семьи тюркских языков, куда, кроме него, можно будет причислить и другие отюреченные нетюркские языки, какими являются, например, якутский, долганский и др., хотя они и не имеют между собой близкого сходства.

* * *

Таким образом, в свете всего сказанного в предыдущих главах мы уже получили более или менее исчерпывающие ответы на все вопросы, поставленные в начале этой книги. Во-первых, оказалось, что данные лингвистики относительно потомков булгар нисколько не противоречат данным археологии, антропологии или этнографии, что все эти сведения в конечном итоге вполне согласуются между собой. Во-вторых, из всех этих данных, взятых вместе, вытекает тот вывод, что у волжских булгар был только один-единственный исторический преемник — это казанские татары, унаследовавшие от своих предков все их прежние национальные особенности — религиозные, языковые, антропологические, этнокультурные и т. д.

¹⁷ Марр Н. Я. Чуваша — яфетиды на Волге. Чебоксары. 1926.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Глава I. О чувашизмах в болгарской эпиграфике . . .	14
Глава II. О чувашизмах в сочинении Ибн-Фадлана . . .	29
Глава III. Чувашские слова в славяно-болгарском именнике	37
Глава IV. О чувашизмах в древнебалкарских рунических письменах	50
Глава V. Тюркизмы чувашского типа в венгерском языке	62
Глава VI. Чувашские слова в языках финно-угров Поволжья и об этнониме суас	72
Глава VII. От болгарского к татарскому языку . . .	94
Протоболгарский язык	97
Раннеболгарский язык	102
Позднеболгарский язык	115
Новоболгарский или казанско-татарский язык	123
Об этнониме «татар» и о татарах	123
Об этнониме «мишар» и о мишарах	128
Языковые изменения в процессе «превращения» болгар в татары	141
Глава VIII. Классификационная характеристика болгарского и чувашского языков	146

Издательство «ИНСАН» готовит к выпуску в 1993 г.:

1. Зеки Валиди Тоган «Мемуары. Предисловие. Послесловие. Примечания». (перевод с турецкого языка на русский: Prof. Zeki Validi Togan «HATIRLAR», Istanbul, 1969).

В автобиографической книге известного политического и общественного деятеля, ученого-востоковеда Ахмед-Заки Валидова (Валиди) раскрывается широкая панорама общественной, политической и культурной жизни тюркских народов Поволжья и Средней Азии на протяжении длительного времени через призму событий, связанных с личной жизнью автора в России и в эмиграции.

А.-З. Валидов родился в 1890 г. в семье сельского муллы, учился в Казани, в 1917—1918 гг. консультант мусульманской фракции в IV Гос. Думе, после Февральской Революции чл-н Временного Центрального бюро Российских мусульман, чл-н Всероссийского Мусульманского Совета (Милли Шуро), один из лидеров Башкортостана после провозглашения ее автономии в ноябре 1917 г., идеолог и один из организаторов басмаческого движения в Казахстане и Средней Азии. В эмиграции с 1923 г., жил в Афганистане, Иране, Индии, в разных городах Европы, а с 1939 г. в Турции, где занимался общественной и научной деятельностью. Умер в Стамбуле в 1970 году.

В книге описываются события общественной, политической и культурной жизни целой эпохи на протяжении напряженной и долгой жизни автора, судьбы отдельных личностей, так или иначе соприкасавшихся с автором.

Книга снабжена предисловием, послесловием, научными комментариями, дающими дополнительные сведения о событиях и современниках автора, помогающими читателю более полно представить панораму событий политической, общественной и культурной жизни того времени.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей, культурой тюркских народов Поволжья и Средней Азии.

2. Г. Ш. Кармышева «Мемуары. К истории татарской эмиграции. (1890—1930 гг.)».

Описывается история татарской эмиграции в Среднюю Азию, в города Семиречья (Алма-Ата, Талды-Курган, Джаркент и др.), а также в Западный Китай (Кульджа и др.), раскрывается панорама жизни и быта пестрого по национальному составу населения этих регионов. Рассматриваются причины того, почему с середины XIX века татары разных областей России покидали родные места, как обосновывались в далеких краях, как складывались их отношения с местным населением, как происходило взаимодействие национальных обычаев и культур этих народов и какую роль играла в этом процессе татарская интеллигенция. Книга подготовлена по дневниковым записям на татарском языке, сохранившимся в архиве автора. Мемуары читаются как увлекательное художественное произведение. В качестве приложения включены также материалы дневниковых записей Х. Ф. Кармышева о пребывании в Кульджинском крае и Ф. Х. Мухамедиевой о событиях отнюдь не тихой жизни уездного города Капала в Семиречьи в первой трети XX века.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей Средней Азии, татарской эмиграцией и деятельностью представителей татарской интеллигенции.

Заявки направлять по адресу: 121019, г. Москва, Гоголевский б-р, 6
Российский фонд культуры, изд-во «ИНСАН».

М. З. Закиев, Я. Ф. Кузьмин-Юманادي

ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ И ИХ ПОТОМКИ

Ответственный редактор	Я. Н. Гибадулин
Редактор	Р. Г. Яруллина
Технический редактор	Т. А. Иванова
Корректор	А. Р. Алиуллина
Художник	Ш. М. Апаев

Сдано в набор 15.04.93 г. Подписано в печать 15.06.93 г.
Формат 84 × 108/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 10. Тираж 10 тыс. экз. Заказ № Я-447
Цена договорная.

НПО «ИНСАН». 121019, Москва, Гоголевский б-р, 6.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии Татарского газетно-журнального издательства.
420066, Казань, ул. Декабристов, д. 2.